

**НОВОСТИ
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

ПЬЕР АМП

ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД ~1924**

40748/16°

1925

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

A62

84-3

ПЬЕР АМП

X

ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ

ПЕРЕВОД А. А. ПОЛЯК ПОД
РЕДАКЦИЕЙ БЕНЕДИКТА
ЛИВШИЦА С ПРЕДИСЛО-
ВИЕМ РЕНЭ МАРШАНА

92°

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 40748

40748 / 16°

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1924

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Пьер Амп... Вот имя, еще мало знакомое русскому читателю. Но оно — из тех, которые он должен запомнить и окружить своей симпатией.

В пролетарской семье увидел Пьер Амп свет и в ремесленной мастерской, среди рабов ручного труда, заработал он на свой первый кусок хлеба. Он познал, с малых лет, всю жестокость капиталистической эксплуатации и испытал на себе всю тяжесть того хитроумного и безжалостного пресса, посредством которого имущие классы выжимают золотой сок и кровавый пот из рабочих масс. В расслабляющем жару кухонь, у огромных печей хлебопекарен и, наконец, среди лихорадочного и полного суровой ответственности существования железнодорожника почувствовал в себе Пьер Амп, читая, в редкие часы своего досуга, великих мастеров французской литературы, тот замечательный талант, который быстро поставил его в ряды наиболее сильных и здоровых писателей нашей эпохи.

Но, уйдя из мастерских, чтобы стать художником слова, Пьер Амп не забывал ни на минуту о своем происхождении и не отрекся от своего истинного призвания. Он не замкнулся в своем кабинете, чтобы стать чуждым массам интеллигентом, а внес в дух своего интеллигентского творчества могучую

энергию пролетарского труда. Вместо того, чтобы изображать жизнь рабочего кистью реалиста-романтика, вроде Золя, он рисует ее так, как она есть, — безо всяких прикрас, без замысловатых интриг, — понимая, что быт трудящихся, уже сам по себе, — неиссякаемый источник самых захватывающих сюжетов и фабул.

И именно потому книги Пьера Ампа так резко отличаются от всех других произведений современной — весьма обильной — художественной литературы. Их можно бы назвать *эпопеей труда*, поэзией станков и машин. И именно в этой форме — неровной, ничем не прикрашенной и мало считающейся с традициями утонченной беллетристики, но зато подчиняющей ее *своей цели*, — именно в этой их форме мы чувствуем (хотя еще не слышим), среди шума резких диссонансов, торжествующее и неодолимое шествие заводских двигателей и валов, исполинский пульс которых оживляет и пронизывает всю жизнь нашего времени. И есть какая-то благотворная и полная мужества красота в этой поэзии механизированного и победоносного труда, неустанно стремящегося к новым и все более грандиозным и смелым достижениям. Есть у Пьера Ампа страницы, где он, почти невольно и незаметно для самого себя и читателя, возвышается до подлинного лиризма, чистота и образность которого несколько не тускнеют от близкого и неожиданного соприкосновения с точными цифрами и статистическими данными, то-есть от прочно обоснованной трактовки сложнейших сторон рабочего вопроса.

Эта отличительная черта творчества Пьера Ампа делает его особенно близким нам, гражданам страны, где труд — выше всего. И, несмотря на то, что, в некоторых случаях, темперамент и анархическая идеология писателя несколько отвлекают его от нашей политической платформы, он все же остается, в большинстве своих превосходных произведений, вместе с нами, ибо он ни на секунду не отрывается от масс,

ибо он заставляет искусство, — не только не умаляя его, а наоборот, укрепляя, оздоравливая и очищая его от ухищрений и банальности буржуазного интеллектуализма, — склоняться перед идеальной красотой труда.

Настоящей книгой Государственное Издательство начинает серию произведений Пьера Ампа, объединенных одной общей идеей, — «Труд человеческий». В «Золотоискателях» русские читатели увидят, не без волнения, поразительную по своей точности картину тех неслыханных бедствий, которые всеразрушающий и бессильный что-либо восстановить капитализм навлек на Австрию и ее столицу Вену, — картину, которую не сегодня-завтра явят миру Германия и Берлин. Они увидят, с какой дьявольской жестокостью и коварством отвратительная и циничная спекуляция-пиявка высасывает золото из дошедшего до крайних пределов страданий и нужды населения. Настоящая книга — глубоко гуманная, сильная и полная захватывающих страниц — достойно откроет перед русскими читателями, уже шесть лет живущими в пролетарском государстве, вышеупомянутую серию произведений Ампа — это бесподобное евангелие человеческого труда, который является единой целью, единой основой и единым рычагом современного общества, труда, питающего всякую силу, красоту и гармонию и смело отмечающего приторный и туманный сентиментализм отжившего свой век романтизма.

Ренэ Маршан.

ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ

РОМАН

«Виктор Кутанс. Импорт-Экспорт. 27, улица Лафайета, Париж. Телефон С. 49.63» — прибыл в Вену восточным экспрессом в половине первого, с двумя часами опоздания из-за снежного заноса перед Арльбергским туннелем.

Умывшись и позавтракав в отеле Захера, он сейчас же отправился к герру Эрнсту Попишилю, — I, Кэртнер Ринг, 12, — который, так же как и он, Кутанс, занимался тем, что покупал дешево и продавал дорого самые разнообразные товары: обувь, драгоценные металлы, бумагу, сахар, масла, свиное сало, предметы искусства...

Виктор Кутанс, из семьи орнских нотариусов, разбогатевших благодаря своему сутяжничеству и разведению скота, был по полученному им воспитанию необычайно склонен к наживе. Мать учила его каждый вечер сначала подводить счета, а потом уже молиться.

Она ему говорила:

— Проси у боженьки, чтобы у тебя всегда был богатый сосед, —

принцип в высшей степени удобный, чтобы стать состоятельным в деревне, грабя у богатого то, что плохо лежит; этим же принципом Кутанс руководствовался при выборе своих компаньонов. Приращение его капиталов возбуждало в нем еще большее стремление к приобретению. Он

любил шутку. Став интернациональным коммерсантом, он блестяще доказал, что нормандская сметка вполне достаточное оружие, чтобы преуспеть в борьбе с самыми ловкими жуликами всех стран.

Герр доктор Эрнст Попишиль был тоже ловкий коммерсант, но с привычками, резко отличавшимися от привычек старой французской буржуазии. Он говорил: нет ничего на свете, чего нельзя было бы купить; нужно только назначить подходящую цену. Он любил пересылать товары с места на место, чтобы увеличить их цену; он продавал венцам слоновую кость, а в Судан импортировал пианино; война же научила его поднимать цены товаров и без излишнего их передвижения.

Письменный стол Попишиля был загроможден, как прилавок старьевщика; Кутанс увидел на нем образцы бумаги папирсной, писчей и туалетной, образцы ножей, удобрений, тканей. Зная манеру венских дельцов, Кутанс не сказал ему сразу, зачем он пришел, а решил потерять несколько времени в надежде, что ему удастся заставить Попишиля заговорить без обычной осторожности. Он начал с общих рассуждений.

— Самое выгодное употребление капитала теперь это — помещение его в товары; это приносит тысячу процентов в год. Ценность денег падает ежедневно; цена товаров увеличивается. У меня склады в Амстердаме, в Антверпене, в Базеле, в Париже и Женеве. Я представляю промышленникам ломать себе голову над вопросами себестоимости и увеличения заработной платы; мне же достаточно знать только две величины: цену покупную и цену продажную. Коммерсанту легче разбогатеть, чем промышленнику; у меня остались только две фабрики: больше для фирмы, чем для дела. В 1914 году я понял, что в продолжение десяти лет будет происходить падение стоимости денег и поднятие цен на товары. Так как я сам был в армии, я писал своему ком-

паньону: «Покупай все, что возможно; покупай жемчуг и свиней; морфий, кроличьи шкурки. Покупай...».

Он указал на образцы, лежавшие на бюро.

— Сколько у вас этого товара?

Эрнст Попишиль медленно ответил тонким голосом:

— Немного; в Вене масса дутых дел; все эти Шиберы и Блюфферы часто предлагают то, чего у них нет, торгуют воздухом; обилие спекулянтов свидетельствует об упадке торговли этой страны. Они приносят вам образцы, и кроме этих образцов в их распоряжении нет больше товара; вас сводят с человеком, который как будто бы является продавцом; этот в свою очередь представляет вас третьему. Если сделка вам кажется серьезной, надо ее сейчас же заключить, ибо через два часа цена будет другая. В Вене все обнищали и все хотят заработать; тут очень мало товаров и слишком много коммерсантов; все разоренные австрийцы становятся посредниками. Мы ничего не производим, но зато кишим торговцами. Сделайте подсчет, сколько человек населения Вены...

В контору вошел молодой, худой человек в грязном воротничке (доказательство дороговизны стирки белья в городе, лишенном мыла и крахмала) и, положив перед Попишилем резиновые набойки, объяснил, что он является обладателем патента на фабрикацию этих набоек и что на этом деле можно заработать.

— Ну так займитесь сначала фабрикацией, а потом... — сказал решительно Кутанс и отстранил рукой молодого человека, так же как и служащего, вошедшего с кучей бумаг: Попишиль имел обыкновение каждый разговор прерывать выслушиванием предложений и подписыванием бумаг.

— Господин Попишиль, — сказал Кутанс, — я только что просидел сорок часов в вагоне железной дороги и к вам первому явился с визитом; я полагаю, что можно было бы не впускать никого в ваше бюро, пока мы не кончим разговора.

Попишиль закрыл дверь, так как он был человек уступчивый, если дело не касалось цены товара или условий продажи. Многие считали его турком, потому что у него раньше были большие дела в Константинополе по поставке фесок. В действительности же он родился 49 лет тому назад в Вене на Магдаленен-штрассе от отца бразильца и матери венгерки. Долгое время занимался торговлей в Египте, на Балканах и в Южной Америке и в 1909 году открыл свое дело под названием «Торговый дом Попишиль» на Кэртнер Ринг, 12.

— Мы, ведь, доверяем друг другу, — сказал Кутанс, — и знаем, что можем работать совместно. Мой доверенный Муаран был у вас уже три раза с начала перемирия; мы заполучили несколько хороших партий австрийских товаров; у меня есть теперь все, что вам нужно: конденсированное молоко, свиное сало, растительное масло. Но я ничего не продам за кроны, цена которым теперь пять сантимов, ибо крона накануне окончательного обесценения. Австрийская крона теперь самая надежная валюта во всем мире; она не может понизиться больше, чем на 2 су¹⁾. Я хочу в обмен тоже партию товаров. Найдите мне ее, но вы должны изменить ваши условия.

— Нет, — сказал Попишиль, — я настаиваю на своих десяти процентах. Не думайте, что я прячу товары, потому что вы нашли мою комиссию слишком высокой; товаров действительно нет; итальянцы и швейцарцы забрали очень много; вы ведь видели, что то, что можно еще сделать, не идет мимо вас. Вы человек неглупый и поймете, что мы находимся теперь в величайшей нужде. Нам нечего есть; у нас нет денег. Остались еще произведения искусства и антикварные вещи; правительства Антанты забрали, как залог, драгоценности короны, королевского дворца и музеев, но в частных

¹⁾ Два су равняются десяти сантимам.

(Прим. перев.)

руках есть еще много ценностей в мебели, картинах и ювелирных изделиях — до миллиарда. Американцы заполучили уже не мало красивых вещей, но правительство не дает разрешения на вывоз их из Австрии. В Вене, Праге и Будапеште больше всего торгуют антикварными вещами и акциями. Нефтяные акции поднимаются в четыре дня на три тысячи; если бы у меня была валюта, как у вас, я бы покупал акции и драгоценности. Хотите основать общество: Банк и Искусство? Учредительские паи мы разделим между собой. Хек?

Это было его любимое восклицание, выражающее вопрос; он его употреблял всегда, на каком бы из многочисленных известных ему языков он ни разговаривал.

Кутанс слушал его внимательно, изредка наклоняя свою крепкую голову с прекрасными черными волосами или же энергично поводя ею справа налево в знак того, одобряет ли он или несогласен со словами Попишиля. Последний не решился поставить вопрос ребром: он это делал только тогда, когда чувствовал себя более сильной стороной.

Он продолжал дружелюбно и осторожно.

— Я знаю двух высокопоставленных французов в Вене: один командирован сюда министерством иностранных дел, другой тоже не блещет коммерческими способностями. Сюда выгоднее являться в качестве торговца, чем в качестве посланника. Заработать всегда можно: и на жизни и на смерти. Павшая лошадь, это — деньги. Прибыль можно извлечь из кожи, мяса, жира, если таковой был, из копыт и костей.

« — Лет двадцать тому назад, я в Далмации одно время занимался продажей сырых конских кож; мясо съедали мухи, скелет оставался; теперь я бы работал иначе: мясом я бы откармливал свиней, из которых я бы приготавливал деликатессы. В Европе повсюду запрещено продавать мясо животных, павших от болезни; их надо скормить свиньям; человек же ест свиней; через их посредство падаль и мусор все-таки попадают в наш желудок.

— Конской или собачьей колбасе можно придать такой же вид, какой имеет самая свежая колбаса, приготовленная из чистейшего свиного мяса, — сказал Кутанс. — Дело в том, что колбаса, приготовленная из нежирной падали, окисляется в разрезе и темнеет. Ее пропитывают разными специями, но все-таки очень трудно бывает сохранить ее розовый цвет на воздухе. Свиная колбаса сохраняет свой свежий вид потому, что в ней мясо находится в самом тесном соединении с жиром, молекула с молекулой, благодаря естественным жизненным процессам. Обработка такой худой падали добавочным жиром не дает подобных результатов.

« — Один инженер применил блестящую идею для решения этого вопроса; он помещает нежирное мясо в сосуд, из которого выкачивает воздух, так что все поры раскрываются; затем он туда впрыскивает масло, которое занимает место удаленного воздуха: он, так сказать, достигает механическим путем взаимного проникновения мяса и жира. Таким способом он из любой падали prepares колбасу, которая дает слезу при разрезывании, что является признаком хорошего качества товара; капля масла, выжатая ножом, покрывает всю поверхность разреза тонким слоем и изолирует ее от воздуха; она не темнеет. Как вам это нравится? »

— Миллион людей, из которых многие очень хорошо воспитаны, будут теперь в Вене драться за ветчину с большей яростью, чем за империю. Какое колоссальное состояние наживет тот, кто привезет сюда продукты питания; мы отдали бы императорский дворец за стадо свиней. Мы стоим на коленях и дышим голодом; жить все же надо, а для этого надо зарабатывать. Если хорошо поискать, то можно найти еще кое-что для продажи; если можно извлечь прибыль из павшей лошади, то над разгромленной империей можно проделать эту операцию с неменьшим успехом. Вена больше всех других городов пострадала от войны; чех говорит: пусть она издохнет; то же самое говорит серб и итальянец; тироль-

ские крестьяне хранят у себя свои запасы яиц, кур и маиса, висящего гирляндами под крышей; в деревне вы ничего на деньги не купите, но за вашу шубу вы можете получить гуся.

« — Антанта не хочет нашей смерти, ибо мы должны платить долги; но она еле-еле поддерживает нашу жизнь и этим удлинняет нашу агонию; она нас кормит понемножечку каждую неделю.

« — Можно взять табачную монополию; это ни по вашей, ни по моей специальности, но когда дело прибыльно, то о специальности можно и не думать. Компаньонов искать не нужно: тут ничего не проиграешь.

Кутанс ответил:

— Со мною здесь Симон Зальцбах. Мы хотим во всем мире организовать закупку товаров в странах с низкой валютой и продажу ее в странах с валютой высокой. Это более прибыльно, чем политика наших промышленников, которые хотят, чтобы французские потребители снабжались только изделиями французской промышленности. Ножовщики из Тьера хотят запретить ввоз золингенских изделий: они бы лучше сделали, если бы там построили фабрики, как делают англичане, которые изделия, изготовленные в Германии при курсе марки, равном четверти франка, продают нам при курсе фунта, равном 55 франкам.

— Кто такой Симон Зальцбах, — спросил Попишиль, — цюрихский протестант или кольмарский еврей? Мне рассказывали про его аферы; он не зевал во время войны; французская армия износила большое количество поставленного им сукна, которого он сам не вырабатывал. Я тоже поставлял материю австрийскому интендантству, а затем предложил запасы готового обмундирования итальянцам. Прекрасное дело: зарабатываешь хорошо, все равно, поставляешь ли серое или зеленое сукно. Но славные денечки прошли. У вас такие же идеи, как у Зальцбаха: если бы он продавал только то, что выходит из его фабрик, он не был бы так богат; он

торгует тем, что производят другие; с готовым продуктом легче манипулировать, чем со служащими и машинами.

— Зальцбах сегодня совершает финансовое турнэ; он должен побывать в Венском Коммерческом Банке, в Венском Банковом Союзе, во Всеобщем Депозитном Банке и в Транспортном Банке. Приходите пообедать с нами сегодня вечером к Захеру; вы его там увидите. Приведите с собой полезных людей и захватите адреса семей, желающих продать свои драгоценности.

« — Как насчет развлечений в Вене? Хочу воспользоваться своим пребыванием здесь; за те пять лет, что я провел безвыездно во Франции, я прямо отупел; зарабатываешь деньги — как каторжник дробит камни — с утра до вечера; и еще продолжаешь об этом думать ночью. Надо убежать от своих привычек, если хочешь развлечься. В Париже в сутках не хватает четырех часов, если захотеть все сделать; вот уже годы, как я не задавал себе вопроса: что мне сейчас принять? »

Виктор Кутанс в толстой шубе прогуливался по Рингу, весьма довольный, что у него есть свободное время. В поисках улыбок красивых женщин, он натолкнулся, прежде всего, на гримасу ребенка с лицом такого же цвета и такой же чистоты, как его синевато-грязные босые ноги; широко расставив руки, он протягивал их, как будто ожидая, что на них свалится нечто очень тяжелое, и тихо просил:

— Пожалуйста! Будьте добры!

Кутанс дал ему две кроны и задумался над этим непривычным для себя поступком: подавать милостыню.

«В Париже, — подумал он, — этих отвратительных явлений не бывает».

Мимо него прошел человек прямой, как палка, затянутый в узкое платье — тип немецкого офицера: череп отполированный стеклянной бумагой три нуля, костистое бритое лицо; монокль в глазу, сигара во рту.

По обе стороны входа в большую гостиницу стояло по оборванному солдату на костылях. На фоне их убогой воинской славы блистал швейцар своими медными пуговицами; искалеченные тела инвалидов в грязных лохмотьях страдали от голода и холода. Отельные лакеи прогоняли нищих детей, но, из уважения к доблестной австрийской армии, позволяли стоять у дверей раненым солдатам.

Граф Эрберн, венгерец, живавший в Париже, вышел из отеля мимо обоих калек, отдавших ему честь своими культами, и заговорил с Кутансом:

— Эрнст Попишиль, — прекрасный человек, но большой мошенник! Он телефонирует мне, чтобы я встретился с вами сегодня у Захера. Я крайне рад, что случай свел нас раньше. Зачем вы приехали сюда? Зарабатывать деньги? Тут все можно достать за гроши. Костюм — шесть тысяч крон — триста франков — изготовленный лучшими венскими портными, первыми в мире. Хотите, я вам дам адрес моего? Крафт I, Шварценбергштрассе, 12. Комната в гостинице сто двадцать крон — шесть франков, красивые женщины, которые там к вашим услугам, — тысяча крон — пятьдесят франков, и как они довольны! За такую цену вы в Париже можете только получить из стирки смену постельного белья, правда, с миленькой прачкой вдобавок! Я вспоминаю одну из них, которая была слишком мила, чтобы назвать меня свиньей, и назвала меня *porte bonheur* ¹⁾). Займитесь здесь любовью! это стоит недорого; французы ведь обожают путешествия и любовь, когда то и другое не приходится оплачивать.

Безукоризненный, от своих блестящих ботинок до коротко подстриженных усов, граф, в присутствии солдат на костылях, сел в карету, украшенную герцогскими гербами; Кутанс, судя по упряжи, подумал, что он родственник императора, но увидел тут же целый ряд таких карет и сообразил, что венская аристократия распродала свои экипажи извозчикам; слишком дорого кормить лошадей. На улице было много нищих, но мало собак; пришедший в упадок город, с рывками на мостовых, являл все признаки страшной нищеты. Кутанс прошел мимо Гофбурга — императорского дворца. У входа не было часовых. На Бальхауз-плаце нищий солдат

¹⁾ Брелок, который носят на часовой цепочке, как приносящий счастье, часто он бывает в виде маленькой свинки. (Прим. перев.)

с длинным красным носом ожидал милостыни. За красным от мороза острым носом виднелось худое изрытое лицо с одним черным слезящимся глазом; другой глаз был скрыт бинтом; челюсть поддерживалась грязной тряпкой, которая на верхушке головы прикреплялась к старой перевязке, вылезавшей из-под мохнатой шапки.

Руки солдата были невредимы; ноги же хотя целые, но не действовавшие, помещались в тележке, которую он передвигал посредством рукоятки, прикрепленной к тонкой оси; на лохмотьях его куртки красовались четыре медали на лентах таких же бесцветных и измятых, как если бы они были выданы за кампанию против Наполеона I. Нищета состарила эти знаки отличия; дождь и снег падали на них; человек спал в своей куртке, не раздеваясь, и не снимал их с себя. Его перевязанные ступни представляли собой два тяжелых пакета на концах тонких ног, кости которых, выпирая, натягивали материю заплатанных штанов. Несмазанная тележка солдата скрипела, и он, утомленный, остановил ее перед большой дверью Бальхауз-плаца с цифрой 19 золотом и 2 красной краской. Кутанс прочитал над дверью:

PRAETORIUM
MAI. SIGILLI. ET RERUM CUM
EXTERIS. GEREND. MARIA—
THERESIA—AUG...

В этом здании министерства иностранных дел была изготовлена кроатом Моссулином ультимативная нота Сербии — первая искра всемирного пожара. Нищий солдат опять покатил свою скрипящую тележку, осененный надписью, вызывающей призрак императрицы в горностаевой мантии:

MARIA-THERESIA.

Вечером, в восемь часов, Эрнст Попишиль с улыбающейся физиономией представил в охотничьей зале отеля Захера Виктору Кутансу и Симону Зальцбаху — чернобородому широкоплечему человеку сорока двух лет, девяноста килограммов веса — скромно одетого кожевника чеха Пшебыля и венца Гейдриха. Последний был так же элегантен, как граф Эрберн, который вносил в общий разговор нотку оживления.

— Этот диван, — сказал он, — на котором мы так удобно сидим, является до некоторой степени историческим предметом; на нем великие герцоги завершали в свое время свои галантные похождения.

Гейдрих — тонкая фигура в безукоризненном костюме, не изменяя выражения своего бритого серьезного лица, медленно произнес:

— Они были большие развратники.

Затем он произнес виноватым тоном:

— Уже пять лет, как я не говорил по-французски; забываешь понемногу: кажется, лучше было бы сказать: кутилы.

— Да, — сказал Зальцбах, который очень любил сочный язык, особенно после деловых занятий.

— Этот самый шикарный отель Вены был любимым местом кутежей двора.

— Дворцовым борделем, — сказал Зальцбах.

— Этого слова я не забыл, но думал, что оно не литературное, что его неприлично употреблять. Однажды в этой комнате обедал английский посол в компании дипломатов. В соседнем кабинете кутил великий герцог с другой компанией, раздевшей его; нацепив на голое тело саблю и ордена, он явился в комнату, где обедал посол, который отпустил ему пощечину. Когда на следующее утро хотели уладить этот инцидент, оказалось, что великий герцог совершенно не помнил о пощечине; он не спорил против того, что разделся, ибо такова была его привычка, но утверждал, что он не видел посла, а только дам, и если одна из них дала ему пощечину, то он отомстит за оскорбленную честь короны ударами сапога в ее зад, для каковой цели он их пригласит на другой обед.

Пшебыль хохотал от этой исторической лекции и запивал свой хохот портвейном императора Франца-Иосифа, продавшего свой погреб венским рестораторам.

— Если бы удалось заполучить сокровища короны, можно было бы хорошо на этом заработать; император Карл и его жена-итальянка увезли с собой в Швейцарию много драгоценных камней; в Гофбурге осталось не больше, чем на сто миллионов франков; даю пять процентов комиссии тому, кто устроит мне это дело.

— Шесть, — набавил граф Эрберн. — Старый Франц-Иосиф не совершил бы такой гадости; казна принадлежит не императору, а нации. Карл I взял алмазы императрицы Елизаветы, изумрудные, брильянтовые и рубиновые эгретки, целые уборы; один с тысячью камней; франкфуртский брильянт в 44⁵/₈ карата, знаменитое розовое кольцо, два браслета с 494 брильянтами, весящими 330¹/₄ карата, кольцо в 380 брильянтов, 266 каратов, кольцо из 86 жемчужин; знаменитый рубиновый убор Марии-Антуанеты; флорентийский алмаз — четвертый в мире по величине. . .

— Если бы мы произвели подсчет этой валюты... — начал было Попишиль.

— Это было бы потерянным временем, — прервал его Зальцбах. — Можно ли здесь найти платину, золото, серебро? Богатства надо транспортировать лишь в наиболее портативном виде; я покупаю всякие драгоценные металлы в слитках и монете.

Пшебыль, большой любитель дел и вина, делал заметки в своей книжечке, не переставая угощаться; он без меры наливался старым портвейном, который был прислан в подарок Францу-Иосифу Викторией, королевой английской, императрицей Индии.

— Это вино императоров и великих герцогов, — сказал граф Эрберн; — когда мы с ними кутили в Париже, приходилось пивать вино и не такой хорошей марки: знали ли вы театр Беллевиль? Там в буфете было только красное вино в литрах. За исключением хорошего подбора вин королева Виктория оставила миру только одни несчастья. Мы пользуемся теперь ее погребом, но расплачиваемся за ее политику. В 1870 году она могла помешать войне Германии с Францией; англичане опоздали на 45 лет со своим вмешательством в дела континента; от Виктории зависело, чтобы судьба Европы была иная, не обусловленная идеей реванша. Эта императрица не обладала обычной британской мудростью. В настоящее время мы все испытываем неблагоприятные последствия ирландского бунта, в то время, как Виктория могла легко избавить нас от этого, если бы, чересчур добрая к шотландцам, она наряду с этим не презирала ирландцев. Она увеличила разобщенность Соединенного Королевства, вместо того, чтобы содействовать упрочению связей между всеми тремя народами равно милостивым к ним отношением. Она любила крепкое вино и крепкие слова, ей на ночь всегда готовили night cap — ночной колпак и большой стакан scotch-whisky.

Чтобы понравиться французам, Эрнст Попишиль начал осуждать членов королевских фамилий.

— Виктория была глупа; другие оказались трусами. Ни один из шести сыновей германского императора не был оцарапан на войне, в то время, как в целой Германии вы не найдете без траура ни одной семьи, в которой были молодые люди — кадровые офицеры. Когда армия отступала, кронпринц не был с пулеметчиками, давшими себя изрубить, прикрывая арьергард. Он и отец его первые убежали в Голландию. Император австрийский убежал в Швейцарию вместе с казной, а несчастному венцу, который сражался на Пьяве, запрещают вывозить за границу свои фамильные драгоценности.

Пшебыль одобрительно кивал головой, почесывая все время левое плечо; у него была чесотка: это у него осталось после войны, так же как и страх, что он может опять испытать голод и жажду, чем и объяснялся его чрезмерный аппетит.

Граф Эрберн не особенно доброжелательно относился к этим неуважительным словам о немецких династиях, но молчал, так как намеревался кое-что продать французам. Сидя на длинном двухсаженном диване, между сонным, с утомленными от долгой дороги глазами, Зальцбахом и улыбающимся и оживленным Кутансом, он сказал:

— Не будем говорить о драгоценностях короны; мы поедим в Швейцарию, когда императору Карлу понадобятся деньги; пока что мы и в Вене можем найти и драгоценности и антикварные вещи; я вам покажу такие коллекции, принадлежащие старинным фамилиям, о которых репарационная комиссия понятия не имеет; она знает только то, что находится в Гофбурге.

Вытащив из кармана жилета цвета кротовьей кожи с фиолетовыми полосками старинные венские часы, он нажал кнопку, чтобы часы зазвонили; Пшебыль одобрительно сказал:

— Красивый звук, и время точное: половина девятого. Если вы хотите поразвлечься после обеда, то не надо терять времени.

Его мучила чесотка; он сидел неподвижно, несмотря на бешеное желание вонзить свои когти в кожу и царапать ее до крови; он часто лихорадочно грыз свои ногти, подавляя этим свою ярость, но тут же опять прятал руки, скрывая характерные пятна. Все части тела были для него западней; страдания его выражались в беспрестанном подергивании, производившем впечатление нервного тика. Он казался очень смирным, так как лицо его было печально, и он старался не жестикулировать.

— Часы эти, — сказал граф Эрберн, — принадлежали Марии-Антуанете; для любителя — это чудесная находка, а для коммерсанта — выгодный случай. Десять тысяч крон; вы за них в Париже получите пять тысяч франков. Интересуетесь ли вы, гобеленами, старинным венским серебром?

— Вы продавец или посредник? — спросил Зальцбах. — Я возьму ваши часы за тысячу крон, не интересуясь их действительной стоимостью. Когда я смыслю что-нибудь в деле, я о нем рассуждаю, а когда я его не знаю, я решаю сразу; я ничего не понимаю в исторических часах; согласитесь на мою цену или бросим об этом разговаривать.

Граф Эрберн положил часы в карман, застегнулся на все пуговицы и сказал с достоинством:

— Люди, которые меня знают, доверяют мне, когда я говорю, что какая-нибудь вещь принадлежала Марии-Антуанете; это все равно, как если бы Мария-Антуанета сама вам это сказала. Я предлагаю только бесспорно ценные вещи, подлинность которых всегда можно доказать. Я не продам ни одного исторического предмета человеку, который способен усомниться в нем.

Зальцбах извинился.

— Я согласен признать вас представителем Марии-Антуанеты, но ведь комиссию не она будет вам платить. Я вам предлагаю пять процентов куртажа по сделкам на сумму, меньшую двухсот тысяч, и три процента по сделкам, превышающим эту цифру. Предложить мне ефогоценность в миллион франков вам будет стоить не дороже, чем предложить предмет в пять тысяч. Я же рискую большим капиталом, если принять во внимание затруднительность продажи дорогих вещей. Укажите господину Кутансу все, что вы можете достать для нас в Вене.

После этого выпада Зальцбах сделал вид, что опять заснул; его тяжелые веки наполовину прикрыли черные глаза, блеск которых, однако, свидетельствовал, что, несмотря на свое кажущееся равнодушие, он с удовольствием наблюдал за замешательством графа Эрберна, который чувствовал себя неловко в положении явного комиссионера; он до сих пор занимался только тайным посредничеством.

— Я человек благородного происхождения и не занимаюсь специально торговлей; я вам представляю список случайных покупок.

— Эрберн и Компания, — сказал Кутанс, — покупаете ли вы долговые расписки? Надо на своих визитных карточках обозначать: меха, когда вы занимаетесь только продажей кроличьих шкурок; прибыльное занятие.

— Суп-гуляш! — провозгласил Пшебыль. — Венская специальность; надо есть в горячем виде.

— Это одобряю венгерским перцем, — сказал граф Эрберн.

— Рассчитываете ли вы на продажу этого красного перца для восстановления вашей торговли? — спросил Зальцбах. — С вами сильно конкурирует Индия с ее кэрри — желтым перцем. Если мы с вами не сговоримся насчет драгоценностей, можно будет столкнуться относительно пряностей; но я требую монополии; и в том и другом случае вы должны работать только со мной.

Когда Зальцбах обрабатывал человека, из которого соби-
рался извлечь пользу, он разговаривал с ним так, как будто
никого другого не было в соседстве, и не стеснялся в выборе
аргументов. Он совершенно не слышал вопроса Пшебыля:
«будете ли вы покупать радий?», ^и ~~там~~ рассердил его, так как
Пшебыль был очень обидчив.

Граф Эрберн должен был, наконец, сбросить с себя
маску.

— Что вы мне дадите за разрешение на вывоз? Его очень
трудно получить; надо быть в хороших отношениях с отделом
по выдаче лицензий, мне придется подмазать министерство
финансов. Что я за это получу?

Пшебыль почесался, выпил и сказал:

— Вместо того, чтобы платить чиновникам за лицензию,
покупайте лучше такой товар, который легко прятать. Радий,
стоящий миллион двести пятьдесят тысяч франков за грамм,
самая большая ценность в мире при минимальном объеме.
Для меня это слишком дорого: я ищу мезоторий.

Зальцбах ответил графу Эрберну:

— Получение разрешения это — ваше дело: вознагражде-
ние за это уже заключается в предлагаемой вам комиссии.
Я покупаю только франко швейцарская таможня или же
с разрешением на вывоз, приложенным к товару. Выполне-
ние формальностей в стране, где я покупаю, падает на про-
давца; я не меняю правил фирмы. Кутанс заключит с вами
договор.

Эрнст Попишиль разговаривал с Пшебылем:

— Сколько вы дадите за мезоторий?

— Четыре тысячи крон за миллиграмм.

— За такую цену вы не получите хорошего мезотория;
надо платить, по крайней мере, четыре тысячи пятьсот крон.

— Я уплачу четыре тысячи пятьсот крон, если вы доста-
вите мне достаточное количество.

— Я вам дам ответ, — и тихо спросил у Кутанса:

— Где его можно найти? Мы возьмем себе пять процен-
тов за наши труды.

Зальцбах, бросив, наконец, окончательно сдавшегося
Эрберна, принялся за Пшебыля.

— Вам известно, где есть запасы радия?

— Его производят в Иоахимстале в Богемии и четыре
французских фабрики: Арме де Лиль в Ножане-на-Марне,
Анри де Ротшильд в Сен-Дени, Дарм в Жифе и Французское
Общество Энергии и Радио-Химии в Курбевуа.

— Правильно, — подтвердил Зальцбах, удивленный осве-
домленностью этого человека, который, трудолюбиво воссо-
здавая утраченное состояние, собирал повсюду сведения,
чтобы иметь возможность торговать всеми товарами.

— Есть еще фабрики в Португалии; но наиболее солидной
фабрикой является иоахимстальская, потому что она распо-
ложена на самой богатой руде. Другие фабрики получают
американскую или португальскую руду, содержащую не
больше трех процентов урана, из трех тысяч килограммов
которого получается один грамм радия; нужно обработать
девять тонн руды, чтобы получить один грамм радия.
Иоахимсталь производит два грамма в год и может продать
полтора по 1250 франков за миллиграмм. Хороший товар
для тех, кто хочет скрыть свои капиталы; через шесть меся-
цев он будет стоить больше; во всем мире производят только
десять граммов радия в год, но зато он живет вечность; ему
нужно 2500 лет, чтобы уменьшиться наполовину, в то время,
как лучшая жемчужина увядает и умирает, как красивая
женщина.

Граф Эрберн вмешался в разговор.

— Как вы можете сравнивать драгоценности с лекар-
ствами?

Пшебыль посмотрел на него презрительно и затем едко
улыбнулся. Эрнст Попишиль, обеспокоенный такой язвитель-
ностью, поспешил произнести свое обычное:

— Хек?

— Вена, — ответил Пшебыль, — была медицинской столицей; все богатые больные Востока приезжали умирать в венских клиниках; Прага займет теперь ее место. Я бы хотел создать чешское общество наподобие вашего Французского Общества Энергии и Радио-Химии, которое стало практиковать отдачу радия во временное пользование. Через 2500 лет оно сможет возобновить свои контракты. Вместо того, чтобы окончательно продать дорогой товар, навсегда расставшись с ним за консолидированную прибыль, оно уступает его докторам во временное пользование для операций; оно распространяет, таким образом, употребление радия и, вместе с тем, увеличивает свой капитал, так как цена радия все время растет.

«— Оно дает в пользование также и мезоторий, который в продолжение первых восьми лет действует в три раза сильнее, но выдыхается окончательно через двадцать. Оно выпускает не только все радиоактивные вещества, нужные для врачевания, но изготовляет также возбудителя удобрений и светящуюся обмазку для сигнализации, необходимую в железнодорожном и морском деле. Это общество теперь начинает ряд производств, в которых радий и продукты его распада будут играть ту роль, которую они призваны выполнять: оживлять все, к чему они прикасаются.

«— Я являюсь представителем в Богемии Общества Энергии и Радио-Химии, но я покупаю мезоторий у всех, кто может его мне продать, для эксплуатации его за собственный счет. Доктора не хотят его покупать, потому что он недолговечен, но в первые восемь лет за него можно получить столько же, сколько за радий. Если у меня будет достаточно мезотория, чтобы Прага заняла место Вены в медицинском отношении, я быстро разбогатею.

«— Не интересуетесь ли вы нефтеносными участками? Скважины еще не заложены, но присутствие нефти предпо-

лагается; когда на поверхности земли появится первый литр нефти, цены участков увеличатся в десять раз.

— Я верю в нефть, — сказал Зальцбах, — как граф Эрберн верит в бога. Старая формула: устраиваться там, где есть каменный уголь, отжила свое время и не руководит больше промышленностью.

«— В опустошенной Европе надо устраиваться там, где есть рабочая сила; а что касается топлива, то не пройдет и двадцати лет, как французские фабрики будут отапливаться галицийским мазутом, если русские этого захотят; но я не стану буравить землю, чтобы вытаскивать оттуда нефть, и я не выпущу никаких акций, хотя ими кормятся больше спекулянты, чем рудокопы. Ни скважин, ни акций! Нефтеносные земли, это — слишком утомительная штука; в этом деле столько учредительских акций, что их когда-нибудь даром выбросят на лестницу биржи. Я не буду ни бурильщиком, ни типографом; я буду транспортером. Во Франции теперь больше нефтяных акций, чем тонн мазута; единственное топливо, которым мы располагаем, это сами акции, но они плохо горят. Практических успехов можно добиться лишь организовав транспорт; увеличение производительности галицийских нефтяных скважин вызывает повышение цены акции, но ни на один литр не увеличивает запасов нефти в Париже. Я создам транспорт; сосредоточив в своих руках весь транспорт нефти и продуктов его перегонки — керосина, смазочных масел, газа, парафина — я стану сильнее биржи. Я основываю Европейское Общество Нефтяных Цистерн; это лучше радия, но есть еще нечто получше.

Граф Эрберн поспешил сказать:

— Драгоценности и антикварные вещи.

Гейдрих:

— Тиролевские леса и водопады.

Эрнст Попишил проявил большой размах.

— Покупайте все: маис у крестьян, посуду у императрицы. Что вы думаете о машинах? Во Франции ведь в них нуждаются; там столько разрушенных фабрик, здесь же они не нужны; нет сырья для обработки.

— Лучше всего этого, — опять сказал Зальцбах, — золотые россыпи.

Рассмеялся один только Кутанс: его дружба с немного выпившим Зальцбахом позволяла ему неуважительно отнестись к его словам; другие из вежливости молчали.

Пшебыль сказал:

— У меня есть случайно партия оконного стекла; его теперь нигде не найдешь: я предлагаю три вагона по пять тысяч крон за 100 кило франко таможня Букс.

Затем он опять перешел на тему о вине:

— Погреб Франца-Иосифа считался одним из лучших в Европе; такой портвейн можно найти разве еще в каком-нибудь антверпенском кабаке или же в Бэкингемском дворце. Английский двор не выпустил его еще в продажу; но это может легко случиться при благосклонном содействии ирландцев и синдикалистов.

Без всякой паузы он тут же предложил:

— Эксплоатировать, совместно с муниципалитетом Вены, залежи каменного угля; шахт еще нет, но присутствие угля вполне достоверно; когда на поверхность земли вытащат первый килограмм угля, цена участка удесятится. Вы видите: лучший отель в Вене освещается ацетиленом из-за недостатка топлива на центральных станциях.

— Ваши земляки, чехи, — сказал граф Эрберн, — обещали нам послать уголь, но не сдержали своего слова; Америка и Англия снабдили бы нас углем, если можно было бы использовать Триест в качестве порта для выгрузки; к тому же фунт стерлингов стоит 850 крон, а доллар 220.

Они все отдувались, так как слишком много проглотили гусиных паштетов, салата, яблочного рулета и пирожков с вареньем.

Зальцбах спокойно заметил:

— Их обобрали до нитки; тем не менее, в них сохранилось еще много соку; в Париже не кормят так хорошо, как Захер; я там знаю не мало таких ресторанов, где все продукты весьма сомнительного качества, не исключая всегда выдохшегося перца и влажной соли. Империя прививает населению чрезвычайно похвальные привычки.

Он стал насвистывать австрийский гимн.

— Ты пьян? — спросил Кутанс.

— Нет. Сегодня нам предложили драгоценности, антикварные вещи, ради, каменный уголь, нефть. Займись графом Эрберном; поручи ему приносить нам то, что он может раздобыть у разорившихся знатных австрийцев; в гнилом труп империи скрыто не мало прекрасных, драгоценных вещей; этот благородный дворянин имеет на них великолепный нюх. После Габсбургов — гиены; я уже займусь своими россыпями. Он начал рассказывать свои старые анекдоты, что он особенно любил делать после хорошего обеда.

Этот грубый торговец признавал только арифметику и шутку.

— Когда бог, — сказал он, — отдал в удел протестанту честь, а богатство — католику, он пожалел еврея: «Бедный мой друг, ты пришел слишком поздно; католик получил золото, протестант — честь; для тебя осталась только нищета». — «Господи! — сказал еврей, — я беру то, что ты мне даешь, только я прошу тебя, тебе ведь это ничего не будет стоить: сообщи мне их адреса».

Граф Эрберн громко рассмеялся и промолвил:

— Венгерское правительство единственное в Европе, которое раздавило рабочих и не желает иметь дела с евреями.

— Две преследуемые группы, — ответил Зальцбах. — Только бунтующие рабочие попадут в тюрьму, а евреи заполучат в свои руки политические рынки и церковные предприятия. Будапешт не может теперь строиться, потому что Тран-

сильвания, страна лесов, отошла к Румынии; венгерский дуб, известный в столярном деле, переменял национальность: румыны не выпускают его; я могу предложить Венгрии дуб по 1400 крон за кубический метр франко вагон; обмер деревьев того качества, которое соответствует обычному в торговом обороте, будет произведен по французским правилам: с допуском в обхвате в два сантиметра, и с погонным измерением в метрических футах; длина берется до того места, где диаметр, считая и кору, доходит до $17\frac{1}{2}$ сантиметров; вся кубатура, сверх того, считается собственностью покупателя и поступает к нему безвозмездно.

Граф Эрберн, сначала удивленный, изобразил на своем лице нечто вроде улыбки.

— Я лично не антисемит, — сказал он, — я не говорю: евреев слишком много; наоборот, я говорю: их достаточно. Такие, как вы, встречаются редко.

— Я не редкий экземпляр — я просто еврей. Может быть, это религия, или раса, или только особая манера вести дела, свойственная и некоторым католикам. У меня это унаследованная фамильная черта. Кутанс не еврей, он вне касты. Мой дедушка рассказывал мне, что ни один из моих предков не отказался от своей веры, даже когда священники подкладывали им огонь под задницу, распевая латинские молитвы. Он сам умер менее торжественно на званом обеде у Ротшильда. Во время обеда пропала мельхиоровая ложка; почтенным гостям было предложено вывернуть свои карманы; у одного из кармана выпала полуфранковая монета; все бросились ее поднимать, мой дедушка был задавлен в этой свалке.

Пшебыль оглушительно заржал в свою пустую тарелку; Гейдрих демонстрировал свою веселость в более приличном виде:

— Это уморительная история! — воскликнул он.

Зальцбах похвалил его:

— Вы великолепно выражаетесь по-французски; да, это история: так уморить еврея!

— Я учился в Париже и тщательно записывал все новые фразы; одна дама, упавши на зад, сказала: я себе отбила подушечки; при гильотинировании преступника один гамен крикнул: сейчас ему отвинтят набалдашник. Мой учитель вычеркивал эти фразы, находя их нелитературными; но один мой приятель, писатель, находил их восхитительными и заставлял меня переписывать их. Я уже много перезабыл, но хочу теперь попрактиковаться; я не желаю походить на того ирландца, который поехал в Италию повидать папу, но знал только одно слово: «папа». В Риме чичероне, несший его чемодан, предложил ему женщин; ирландец ответил: «папа». Чичероне, думая, что женщины ему надоели, предложил мальчиков; ирландец кричал неизменно: «Папа! папа!». — «Вот так так! — почесал чичероне в затылке: — с папой сладить будет, вероятно, трудно; может быть, вы удовлетворитесь кардиналом?..»

Граф Эрберн, хороший католик, не надеясь ничего продать Гейдриху, серьезным выражением своего лица старался дать понять, что он считает такую непочтительность к папе признаком дурного тона. Зальцбах утверждал, что еврейские анекдоты самые смешные в мире, и что он все их знает. Кутанс заявил, что и католические не менее забавны.

— Например, история марсельца, у которого украли лошадь; он отправился в Нотр-Дам-де-ла-Гард молить Иисуса о возвращении ему покражи. «Господи! я пришел пешком, но я надеюсь на твоё милосердие!». В тот же вечер у него украли и карету; он опять пришел в церковь, стал на колени пред богородицей и сказал: «Царица небес, святая Мария, я не только все еще хожу пешком, но вор теперь имеет во что запрячь мою лошадь: если я его поймаю, он получит ногой в зад, а тебе я поставлю две свечки». В этот момент он на руках богородицы заметил маленького Иисуса, который так плохо отнесся к его первой просьбе. «Это я не тебе говорю, лотаскухино отродье, а твоей святой матери!» — крикнул он.

Граф Эрберн улыбнулся Кутансу, потому что имел в виду предложить ему товар.

— Этот анекдот лучше: он не затрагивает высшего духовенства.

— Если вы найдете в Вене золотые россыпи, я там осную религию, — сказал Эрнст Попишиль. — Это единственное производство, в котором сырье ничего не стоит. Проповедь всегда успешна там, где царствует нищета. Я знавал в Лондоне англичанина, который хорошо был знаком с библией и с виски; он притащил в Гайд-Парк свой последний ящик с виски, стал на него и начал угрожать прохожим божьим проклятием. Он собрал восемь фунтов. В следующее воскресенье он явился с аккордеоном. В настоящее время он, наверное, уже выстроил храм.

Зальцбах спросил:

— Дал ли он вам учредительский пай?

Он лично знал только один способ разбогатеть на религии, самый лучший, по его мнению: это доказать на основании библии, пророков, отцов-церкви и церковных соборов, что Иисус Христос должен был один су вашим предкам, и затем привлечь к ответственности папу, требуя с него капитал и сложные проценты в размере, законом установленном. Один су из пяти процентов дает в 1920 лет 3937 миллиардов: все богатства земли, за исключением кокосовых пальм Полинезии.

— Вы ошибаетесь, — сказал Попишиль.

— Поверьте.

Кутанс продолжал разговор:

— Париж стоит теперь больше обедни ¹⁾! Я бы пошел на вечернюю обедню за одно только здание на Авеню Оперы.

¹⁾ Намек на знаменитую фразу Генриха IV: *Paris vaut bien une messe*. (Париж стоит мессы.) Король-гугенот принял католицизм, чтобы без крови получить Париж. (Прим. перев.)

« — Текстильная промышленность, в которой и я играю кое-какую роль, насчитывает в своих рядах благочестивых католиков из настоящих евреев, и наоборот, евреев иезуитов. Хороший христианин должен быть плохим коммерсантом. Я знаю одного, который нашел способ продавать с убытком. Обыкновенно это бывает с теми, кто не стремится к убытку нарочно; заслуга лица, о котором я говорю, заключается в том, что он это делает сознательно; он считает, что это угодно богу. Существуют люди, которые любят приносить себе вред.

— Ты мне дашь их адреса, — сказал Зальцбах.

Граф Эрберн высказался иначе:

— Господа французы, иногда хорошо уважать что-нибудь, хотя бы для того, чтобы сильнее можно было ненавидеть.

Зальцбах снова заговорил о торговле.

— Работайте для меня; в убытке не будете; обладать честью не мешает, но надо, кроме этого, еще делать что-нибудь. Израиль Мозер говорил кредиторам своего сына: «Честь не имеет цены, у меня же только деньги; как же могу я уплатить долги чести?»

« — Хорошо, когда почтенный католик следует за евреем, как во время того аукциона, на котором господин де-Фало, церковный староста своего прихода, давал двойную цену против Якова Соломона; он думал, что если Яков Соломон предлагает 100, то будет выгодно дать даже 800.

— Я вас привлеку к участию в прибылях; это самая честная система: каждый знает, что он зарабатывает. Так, например, думал Гольдшмид из Кольмара, когда он сказал своему старому служащему Самуэлю: «Ты в моем деле уже двадцать лет; не обкрадывай меня больше; с этого дня мы будем компаньонами; вот ключ от хозяйского кабинета». При подсчете участия Самуэля в прибыли выразилось в сумме 23 марки 50 пфеннигов при обороте в два миллиона. Он вернул ключ,

знак почета, и сказал Гольдшмиду: «Я предпочитаю работать со служащими».

Зальцбах обожал эти блестящие семитской иронии; еврейские гиперболы в области наживы — сродни гасконским в области храбрости. Его анекдоты разбивались на два типа построений; это был или диалог между евреем и католиком или же появление перед богом-отцом католика, протестанта и еврея.

Зальцбах продолжал:

— Гольдшмид был неправ; надо хорошо платить служащим, имеющим доступ к деньгам; его конторщик Леви, получивший 30 марок в месяц, украл сто марок. Гольдшмид телеграфировал набожной мадам Леви: «Ваш сын совершил ужасный поступок». Мадам Леви примчалась и, когда узнала в чем дело, воскликнула: «Ужасный поступок! Шма Исроэл! Я думала, что он ел свинину!»

Пшебыль, наевшийся и напившийся до отвала, сказал Зальцбаху комплимент:

— Вы все знаете! Хорошие анекдоты и заготовку леса; во Франции вы рубите сплошь и затем засеиваете; в Скандинавских странах лесорубы оставляют семенники; лес самовозобновляется, не в линию, но зато более живучий. Большое искусство — знать, какие растения плодovитее; рубка производится с таким расчетом; чтобы каждые семь лет рубили стволы одной и той же породы деревьев; пни оставляют в земле, чтобы они, сгнивши, удобрили почву. Я могу вам предложить прекрасный лес; завтра я сообщу вам точные данные о кубатуре и породе.

«— Вам еще надо в этот вечер повидать вёнок; женщины, принадлежавшие императору, продаются сейчас так же, как и портвейн».

Граф Эрберн возмущился:

— Их не берут на улице; вы будете ими приняты лишь, если вас представят; если угодно, я к вашим услугам.

На следующее утро Виктор Кутанс спросил у Симона Зальцбаха:

— Твои золотые россыпи расположены в Тироле? Если ты не знаешь их точного местонахождения, выбери какой-нибудь приятный уголок, где бы можно было провести лето; мы пригласим туда дам и будем лакомиться форелью. Мы пригласим также нашего приятеля, знаменитого писателя, который говорит, что самые лучшие пейзажи в мире, это Швейцария и Бют-Шомон¹⁾. Он боится сквозняков и затыкает уши ватой, но любит путешествовать. Он каждый год ездит в Виши²⁾.

— Для того, чтобы быть в курсе литературного движения, т.-е. поместить зад на стул и взять перо в руку.

— Мне, так же, как и ему, необходим отдых в спокойном месте, где-нибудь в Тироле или в Люксембургском саду, где слышно журчание воды и храпение сенаторов.

— Я предпочитаю, — сказал Зальцбах, — сенат в Лавилетте³⁾. Для того, чтобы его знать, необходимо быть знакомым с бойней и кишечным рядом; для промывки телячьих голов, бойцы кладут их в бассейн и называют «сенатом» эту

¹⁾ Холм в окрестностях Парижа; теперь там разбит парк.

²⁾ Французский курорт.

³⁾ Парижская бойня. (Прим. перев.)

кучу белых черепов. Этот сенат приносит больше дохода, чем Люксембургский. Относительно же моих золотых россыпей мы получим все нужные нам сведения у коммерции советника Иоганна Фройденберга.

Они разыскали его на Аншутц-гассе, 87, в неработающей бумагопрядильне, где раздавался только стук двух пишущих машинок.

— Котлы охлаждены? — сказал Зальцбах.

Это был первый вопрос, предложенный им Фройденбергу — художавому человеку с большой головой и крупным белым выпуклым лбом, из-под которого выглядывали блестящие черные глаза.

Фройденберг предложил вести разговор по-немецки, по-французски или по-английски, для него это было безразлично. И заговорил на хорошем французском языке:

— Недостаток угля заставил нас прекратить работу в Вене, где единственным источником энергии является теплота; в этом городе сейчас миллионы свободных рук; мы теряем колоссальное количество человеческого труда. В Богемии наши фабрики работают; одна из наших ткацких фабрик располагает таким большим количеством гидравлической энергии, что, помимо силы, необходимой для приведения в действие всех станков, еще дает энергию для обработки пара и для отопления. Мы ремонтируем части наших машин в электрической кузнице и литейной; мы добываем огонь у воды. Если бы мы могли использовать силу падения воды тирольских рек, мы бы продавали электрическую энергию чехам, вместо того, чтобы умолять их о поставке нам угля. Они ничего не хотят нам дать; наше население нуждается, по крайней мере, в 730.000 тонн угля ежемесячно только для того, чтобы сварить себе пищу, помыть оставшееся белье и отопить жилища. Если к этому количеству, нужному для хозяйственных потребностей, прибавим уголь, необходимый промышленности, то получим ежемесячный расход в 1.156.000 тонн; из наших же

рудников мы извлекаем 1.200.000 тонн в год; добыча понизилась, потому что во время войны эксплуатировали шахты, не ремонтируя оборудования. Лучшие рабочие — чехи и поляки — разъехались по своим домам. Угольный голод — явление мировое, но нигде он не ощущается с такой силой, как у нас. Мы нуждаемся во всем; в хлебе, в топливе, в тканях, в коже; мы во власти нищеты; в то же время тирольские водопады — это колоссальное богатство.

Виктор Кутанс готов был поверить, что золотые россыпи, о которых говорил Зальцбах, это — гидравлическая энергия.

— Через сколько времени можно будет получать прибыль от такого предприятия? — решил он возразить Фройденбергу.

— На это трудно ответить. Для работ по устройству плотин и каналов нужно много цемента, а чтобы изготовить цемент, нужен уголь.

Зальцбах с уверенностью заявил:

— Через 25 лет мы, может быть, увидим электро-химические и электро-металлургические фабрики в Арльберге; может быть, Вена будет освещаться и отапливаться тирольскими водопадами, но это еще музыка будущего. В настоящее время ваши служащие и рабочие не работают? Что они делают? Умирают с голоду? Эмигрируют?

— Много выходцев из буржуазной среды, бывших австрийских офицеров, уехало в Южную Америку. Правительство поощряет их, ибо они сами оплачивают свое путешествие, но массы бедного народа не попадают на пароходы; кроме того, изменились направления эмигрантской волны. Подданные тех стран, которые по мирному договору получили политическую свободу, как чехи и поляки, возвращаются к себе на родину; Италия, промышленность которой росла, запретила было эмиграцию рабочих из страны, но в ней капитал стал в противоречие с самим собою и взбунтовался: эта страна, не имеющая своего топлива, оказалась чрезмерно

перегруженной фабриками; армия немыслима без пушек; Индустрия — без угля. Не имея своего угля и принужденная ввозить его по разорительной цене в 1.000 лир за тонну, Италия была поставлена в необходимость вновь разрешить эмиграцию своих подданных; в январе 1920 года выехало в Америку тринадцать тысяч человек, в феврале семнадцать тысяч; в марте консульства визировали двадцать тысяч паспортов. Величина эмигрантской волны ограничивается только вместимостью пароходов; правительство всячески поощряет выезд из страны членов революционных партий; социальное умиротворение работает против промышленности. В Америку опять, как в периоде начальной колонизации, направляются люди, нежелательные в их собственной стране; все полицейские управления Европы высылают туда преступников и нарушителей порядка.

« — Народы, которых постигло сейчас несчастье, тоже выделяют из своей среды эмигрантов, но никто не хочет впустить к себе нас; немцам не разрешается въезд в Северную Америку, ни во Францию, ни в Англию; австрийские эмигранты не допускаются в страны, входившие раньше в состав австрийской империи: в Венгрию, Богемию, Юго-Славию. Вена, коммерческий центр, имеет большой контингент безработных служащих, которых нельзя перебросить на другую работу, как промышленных рабочих; рудокоп, говорящий только по-немецки, может с успехом работать в Брие¹⁾, но бухгалтер не может; всем этим служащим, находящимся в курсе наших дел с Константинополем и нашей прежней финансово-политики на Балканах, деться некуда.

« — Вы, французы, возьмете разве наших рабочих? Вы заинтересованы больше в том, чтобы употребить у нас на месте наши дешевые рабочие руки, чем привлекать их во Францию, где существует высокая заработная плата. Почему

вы не хотите вербовать себе рабочих в тех странах, где запрещено употребление алкоголя? Американцы и жители Скандинавских стран массами поехали бы к вам, потому что у вас разрешены спиртные напитки. На одном лесопильном заводе около Христиании нашли после смены пятьсот пустых бутылок из-под жидкости для полоскания рта. Вы не извлекаете пользы из вашего коньяка? В смысле привлечения рабочих он стоит золота.

« — Вы занимались тут тайным набором солдат для Иностранного Легиона; во время быстрых ночных медицинских осмотров, вы наберёвали много сифилитиков, туберкулезных, которых заведующие вашими сборными пунктами офицеры отказывались принимать, ругая их немецкой сволочью; к нашему счастью, вербовка рабочих дала не лучшие результаты. Если бы наши рабочие эмигрировали большой массой, мы бы еще больше обеднели, чем теперь, когда не хватает лишь движущей силы. Наши рабочие по коже, дереву, наши портные и текстильщики так же искусны, как и парижские; если все они покинут Австрию, они станут подмастерьями, либо же чернорабочими на рудниках и фабриках. Синдикаты¹⁾ разрешат им заняться только черной работой, плохо оплачиваемой, и не дадут им возможности заняться своей специальностью. Вместе с венскими рабочими погибнет часть европейской цивилизации.

— Вы можете быть совершенно спокойны насчет вашего персонала, — сказал Кутанс. — Машинные рабочие всех национальностей ненавидят иностранцев и не хотят их пускать к себе, хотя они все время декламируют об интернационализме. Во Франции ненависть к машине исчезла, но ненависть к иностранцу еще увеличилась. Рабочие не забастуют теперь, если установят новую машину, как это слу-

¹⁾ Французский рудный район. (Прим. перев.)

¹⁾ Так называются за границей профессиональные союзы рабочих. (Прим. перев.)

чилося раньше при введении автоматов в ткацком производстве или выдувания сжатым воздухом в стекольной промышленности; но они, несомненно, устроят забастовку, если привезут австрийцев. Они будут браться с ними издали, синдикатскими манифестами, но с условием, чтобы ни один иностранец не был принят в их мастерскую. Принадлежность к одному классу не создала еще любви между лицами, составляющими этот класс. Мы, хозяева, настоящие интернационалисты, когда нужно сообща заработать деньги.

Зальцбах прервал его общие рассуждения:

— Могу ли я у вас узнать, каков теперь заработок рабочего?

— Зачем скрывать то, что все могут знать. Если я вам не скажу этого, вы спросите у другого; я предпочитаю, чтобы вы были обязаны мне. На наших ткацких фабриках в Богемии мы работаем в три смены по восемь часов; за наблюдение за двумя станками платят от десяти до двенадцати чешских крон; наблюдающий за тремя станками получает шестнадцать крон. Выработка одного килограмма бумажной пряжи обходится в Австрии в десять крон, считая по сорок крон в день на человека. Тканье в десять ниток на сантиметр обходится нам в две кроны двадцать пять геллеров за метр ткани шириной в сто сантиметров, т.-е. меньше швейцарского су. Мы покупаем хлопчатую бумагу по курсу доллара в пятнадцать французских франков, но мы себя компенсируем на заработной плате. Мы можем успешно конкурировать с Манчестером по всем статьям, так как, хотя англичане имеют более дешевое сырье, их рабочие предъявляют гораздо более высокие требования, чем наши. При монархии ежегодное потребление тканей было в четыре килограмма на человека; если бы австрийские и чехо-словацкие фабрики работали с полной нагрузкой, мы продавали бы за границу 65% нашей продукции.

Зальцбах предложил еще несколько вопросов:

— Извините меня, что я обо всем расспрашиваю; а если мои вопросы будут нескромны — не отвечайте. Я собираю сведения в моих и ваших интересах; возможно, что мы будем работать вместе; сколько времени еще продолжится недостаток хлеба и угля? Не уменьшится ли, благодаря смертности и эмиграции, рабочее население Вены настолько, что уголь и мука, может быть, придут слишком поздно для спасения рабочей силы.

— Я очень доволен, что встретил человека, который с видимой симпатией беспокоится о нас и который поймет, что мой долг, долг австрийского гражданина, верить в спасение до тех пор, пока разум не докажет абсурдности этой надежды. Дайте нам сырье, обеспечьте нам кредит; мы вам доставим прибыль. В Цюрихе стоимость изготовления одежды и бумажного белья равна стоимости материала; сто на сто; в Вене она равна лишь пятнадцати процентам. Во Франции вы не можете надеяться на такое соотношение; высокая заработная плата вас разоряет.

« — Правда, наша рабочая сила — не менее ценная, чем водопады, — уменьшается от голода и туберкулеза; но иностранные капиталы могут ее спасти и хорошо на ней заработать. Наша власть плохо служит нашим интересам; в то время как промышленность наша гибнет от бедности, страна управляется классом, который в этом отношении меньше всех других имеет опыта и способностей — социалистами. Я уверен, что Австрия вновь будет управляться королем или императором, но тем не менее я одорбую правительство, которое оказывает больше помощи рабочим, чем старикам и рантье; спасти рабочую силу Австрии — значит спасти самое Австрию.

— Определим точно, — сказал Зальцбах, — те условия, на которых мы могли бы совместно работать; мы тут не туристы, приехавшие ради случайных покупок; мы хотим найти австрийских компаньонов для длительной работы.

— Вы уже заключили несколько товарообменных договоров с голландцами, швейцарцами; они вам доставляют хлопок, вы им отдаете ткани или нитки в том же весовом количестве, за вычетом неизбежной убыли. Я хочу предложить вам другой договор, исходя не из веса сырья, а из определенного количества времени. Я буду снабжать вас углем и хлопком; вы даете мне рабочую силу по ее обычной оплате здесь и сами получаете приличное вознаграждение. Я вас спасаю; вы сохраняете ваш персонал, — это, ведь, ваше богатство; на что пригодятся вам лучшие ваши машины, если у вас не хватит рабочих рук для их обслуживания в тот момент, когда к вам придут, наконец, и уголь и хлопок? Я прихожу к вам на помощь раньше, чем болезнь уже стала неизлечима, но я требую, чтобы вы работали исключительно для меня. Я не хочу оживить ваши фабрики для того, чтобы другой мог ими воспользоваться.

Фрейденберг ответил не так поспешно, как раньше, когда давал разъяснения относительно заработной платы. Он молчаливо и приятно улыбнулся и стал медленно говорить любезности.

— Я очень польщен, что такой человек, как вы, предлагает мне быть с ним в компании; мы всегда были высокого мнения о французской манере вести дела. Мы вас предпочитаем англичанам. Вы разрешите мне подумать; ваше предложение весьма серьезно. Чтобы помочь мне лучше разобраться в вопросе, будьте добры сказать мне, какую максимальную сумму собираетесь вы вложить в это дело, а также будет ли взаимно ваше условие, т.-е. обязуетесь ли вы иметь дело только со мной?

Оба они избегали точно формулировать, чего они друг от друга хотят, и расстались, осыпая друг друга комплиментами.

Сидя в углу автомобиля, Виктор Кутанс сказал Зальцбаху, лицо которого стало вдруг суровым.

— Он относится к нам с такой же симпатией, как промышленники Франкфурта и Майнца; они все желают сотрудничать с богатыми французами, потому что надеются легко потом от нас избавиться, в то время, как англичане и американцы становятся хозяевами тех дел, в которые они входят. Фрейденберг ответил на все твои вопросы, но ты был принужден уехать, чтобы не отвечать на вопросы, заданные им.

— Это австрийская манера; они избегают называть цену, боясь продешевить, и хотят, чтобы покупатель сам оценивал то, что он хочет купить. Я не думаю, чтобы этот человек был так беден, как он об этом говорит; его уверенность вытекает из его богатства.

— Это у него золотые россыпи?

Кутанс, думая, что Зальцбах печален, потому что ему не удалось договориться окончательно с Фрейденбергом, попытался его развеселить.

— Не от домашних ли ссор у тебя такая ловкость в рассуждениях? Если бы я был королем, я не старался бы как Мазарини выбирать министров из редких людей, не имеющих рогов, — это бесконечно затруднило бы выбор французских дипломатов, а выбирал бы тех, которые каждый день ссорятся с своими женами; хорошее упражнение для преодоления дипломатических трудностей.

Движение автомобиля колыхало живот Зальцбаха; внутренности болтались в нем, как вино в бочке; склонив набок свою большую голову, Зальцбах размышлял.

В ресторане, где украшенные лентами девушки танцевали, развлекая обедающих, мистер Д. П. Олдридж, представитель фирмы Зингер, Малькольм и К°, Нью-Йорк, Соединенные Штаты, приглашенный к столу Кутанса и Зальцбаха, развивал свои идеи о положении дел в Вене.

— Если бы промышленные предприятия были снабжены всеми необходимыми материалами в полной мере, не хватало бы рабочих рук; многие уехали; чехи и словаки, которые обслуживали, главным образом, фабрики, рудники и сельское хозяйство, остаются у себя на родине. Австрийские капиталы в поисках рабочих рук эмигрируют в Богемию. Перед разделом империи вся торговля между южными славянами, Истрией, Триестом, Чехией и Венгрией концентрировалась в Вене. Страны, которые теперь окружают ее, радуются ее теперешней нищете, как злобный крестьянин потирает руки при виде пожара, уничтожающего запасы хлеба у соседа. По поручению Зингера, Малькольма и К° я посетил все города этой христианской окраины. Центр цивилизации — Вена; равной ей величиной является лишь Константинополь, но это уже Ислам. Запад будет тяжело наказан за свое безумие — разрушение старой столицы. Разоренная европейцами Вена — такая же потеря для челове-

чества, какой были в свое время разорение Карфагена римлянами и Рима — варварами.

Две юные девушки танцевали друг против друга с такой живостью, что их прекрасные черные волосы разлетались по всем направлениям. Лакей с худым бритым лицом положил Кутансу порцию жареного гуся и красной капусты, затем вытащил из грязного жилетного кармана часы.

— Замечательная антикварная вещь, мосье; послушайте, как они звонят.

— Мой дорогой граф... — сказал Кутанс, пораженный полным тождеством жеста лакея и благородного Эрберна, но спохватился.

— Герр обер, сколько?

— Десять тысяч крон; они принадлежали Марии-Антуанетте.

— Эта великолепная женщина обладала несомненными коммерческими наклонностями!

Зальцбах разговаривал с Олдриджем.

— Какого рода поручение имеете вы от Зингера, Малькольма и Компании в Вене?

— Дело снабжения правительства продовольствием, без которого оно не продержится и одного дня; Зерновой Союз в Нью-Йорке может вызвать здесь революцию, если перестанет посылать сюда продовольствие. Вести какие-нибудь частные дела тут чрезвычайно трудно; у австрийцев уже мало осталось для продажи; на какие средства могут они покупать? Крона имеет еще некоторую ценность внутри Австрии; заграничной ее ценность близка к нулю. Государство, монетная единица которой равна одному сантимту, уже не может участвовать в международной торговле. Предпринять какое-нибудь коммерческое дело в Австрии теперь решительно нельзя; тут можно заняться только благотворительностью. Один швейцарский пивоваренный завод употребляет вместо пивных этикеток бумажные кроны; они обходятся дешевле,

чем литографированный кусок бумаги. Пятидесяти-двухмиллионное население империи сократилось до семи миллионов, из которых два с половиной миллиона в Вене; от Австрии осталась маленькая провинция с бесплодными равнинами и горами без пастбищ, с гипертрофированной головой, по милости столицы насчитывающей полмиллиона чиновников, содержание которых совершенно непосильно для австрийского бюджета. Один из директоров министерства говорил мне: «Когда я смогу, наконец, поестъ хлеба досыта?» За два года он не купил себе ни одной рубашки: это стоит 450 крон. В неосвещенных и зимой нетопленных квартирах нельзя заниматься музыкой, этой отрадой австрийцев. Для того, чтобы спастись от холода, они рано ложатся спать; самые интеллигентные люди ведут совершенно скотский образ жизни. Венские профессора обучали балканское студенчество; они им прививали культуру более легкую, чем немецкую: легкая оболочка разрушена; остался только германизм, в его чистом и грубом виде. Венский университет не имеет иностранных книг и необходимых материалов для лабораторных изысканий. За них надо платить долларом, фунтом, швейцарским франком. Все умирает в этой стране: население, труд, наука! Неизбежные политические волнения будут своими вспышками озарять общую нищету; народ, доведенный страданиями до отчаяния, будет конвульсивно метаться направо, налево: от монархизма к большевизму. Он будет бить стекла окон, когда не будет больше угля, и сожжет булочки, когда не будет больше хлеба. Больше того: разложение, может быть, зашло уже так далеко, что не осталось даже энергии для революции.

Танцовщица в ответ на аплодисменты поклонилась, скрестив руки на груди, вместо того, чтобы опустить их вдоль тела по-европейски.

— Стамбул! — прошептал Олдридж.

Девушка, запыхавшись, повернулась на навощенном паркете и задела своими красными лентами Кутанса. Он ее позвал взглядом; она повиновалась, как собака; у нее были нежные глаза и боязливая улыбка. Кутансу, которого блондинки всегда немного волновали, понравились ее большие испуганные глаза и прекрасные волнистые волосы. Получив приглашение пообедать, она посмотрела на обильно уставленный стол и спросила:

— Что мне можно взять?

Она медленно подносила кусочки ко рту красивыми жестами танцовщицы, умеющей придавать изящество малейшим движениям, но быстро хватала пищу и так же быстро жевала ее своими белыми зубами. Боясь показаться жадной, она, видимо, сдерживала свой яростный аппетит.

— Скажите, что вам нравится, мадемуазель? Вы не любите гуся?

Он накладывал ей уже в четвертый раз; она поняла, что он жалел ее.

— Спасибо. Я еще не ела сегодня.

Сидя против нее, инженер Пшебыль ел с большей откровенностью; он торопился опустошить свою тарелку, чтобы иметь право первому взять себе еще порцию.

На нежном лице изголодавшейся девушки видно было смущение; Кутанс, желая ободрить ее, указал на Пшебыля.

— Вы видите этого господина: инженер Пшебыль, — она поклонилась, — у вас молодость, а у него аппетит; мы уже два часа сидим за столом, а он еще не произнес ни одного слова.

Чтобы почтить богатых гостей, опустошителей бутылок, один из певцов стал за стулом Кутанса и во всю глотку заорал венскую шансонетку. Певец, толстый человек с красным лицом, широко раскрывал свою пасть.

— Завидное здоровье, — заметил Кутанс.

Молодая девушка сказала:

— Он ест то, на что другие не хотели бы даже наступить ногой; все объедки в тарелках, то, что падает на землю, жеванные кости, бумагу, закапанную соусом. Человек неразборчивый меньше худеет.

Довольный полученными двадцатью кронами, обжорливый певец пошел в другое место орать свои песенки. Кутанс начал расспрашивать молодую девушку, которая, наконец, насытившись, вся сияла от радости; испуг исчез из ее глаз, а сытость вернула ей хороший цвет лица. Она с воздушной грацией держала в руках бокал с ликером, к которому еле притрагивалась кончиками улыбающихся губ.

— До войны я преподавала музыку и танцы; теперь же, по бедности, детей этому не обучают. Когда опять появятся богатые, я не смогу вернуться к своему прежнему занятию, так как танцевала здесь, куда приходили отцы моих бывших учениц. Для этого они всегда находят деньги. Если бы они продолжали давать мне работу, меня нельзя было бы ни в чем упрекнуть. Дочери разорившихся семей конкурируют теперь с профессиональными учительницами. Здесь я получаю сто крон в день; этого недостаточно даже на обед; я живу в Шенбрунне и должна каждую ночь целый час идти пешком, так как рестораны закрываются в одиннадцать часов, а трамваи ходят только до девяти. Я родилась в Будапеште; меня зовут Эльза Сомоды.

— Я вас отвезу в автомобиле, — сказал Кутанс.

Зальцбах спорил с Олдриджем:

— В Вене осталось еще много богатств; доказательство — этот битком набитый ресторан; мы с трудом нашли здесь место.

Вопреки своему обыкновению говорить без жестов, американец на этот раз позволил себе жест — правда, очень скромный: он положил указательный палец на стол, направив его на людей, находившихся в зале.

— Иностранцы, демимонденки, венцы: одни, разбогатевшие от войны, другие, пришедшие доказать, что они

не бедны; дома они едят только один раз в день капусту и не всегда имеют картошку. Они экономят, чтобы позволить себе купить кусок мяса, но получить его они могут только ценой ожидания в очереди в продолжение целой ночи. В ресторане их обслуживают скорее, и они выигрывают в достоинстве то, что теряют в деньгах. Они являются сюда один или два раза в месяц со своими скудными сбережениями, с единственной накрахмаленной манишкой (ибо крахмала в Вене почти нет); таким образом, они убивают двух зайцев: спасают свое здоровье и показываются в обществе. Посмотрите, как их шеи болтаются в воротничках; старая одежда уже им не по мерке, но старые хорошие манеры остаются у них даже, когда они умирают с голоду. После заключения мира, за первенство в страданиях борются Вена и Россия. Во время войны рекорд побила Сербия зимой 1915 года, когда 80% отступающей армии погибло от голода и усталости. Из одного отряда в шестьсот человек спаслось только трое; из них два француза и один американец — доктор. Они шагали по снегу, сплошь усеянному трупами. В Бриндизи они сели за стол в ресторане и поняли тогда, что значит попасть в рай. Они взяли двойную порцию всего и затем опять начали сначала. В продолжение целого месяца они не могли оставаться два часа подряд без пищи и увеличились в весе каждый на сорок фунтов.

Зальцбах думал, что мистер Олдридж так охотно говорит о вещах, не относящихся к торговле, только для того, чтобы позабавить его, пока дело не дойдет до высоких цен Зернового Союза и Общества Конденсированного Молока. Но он ошибался. Мистер Олдридж, вообще, с интересом говорил о вещах, не относящихся к торговле. Его фирма Зингер, Малькольм и К^о публиковала в прессе свои отчеты о положении дел в Австрии, которые считались самыми замечательными из всех появлявшихся в Америке. Этот человек, сорока пяти лет, обладал, кроме практики, также и философией

деловой жизни. Он с трудом выносил банальности в беседе, и сам никогда не говорил общих мест; поэтому он скверно отзывался о так называемых светских людях.

Он дал Зальцбаху следующий совет:

— В эту страну я бы рискнул вложить не больше десятой части своего капитала; единственный шанс на успех заключается в том, что не может же этот народ оставаться долго в нынешнем положении. Предел приспособляемости к нищете уже перейден; за этим пределом наступает смерть; оставшиеся в живых превращаются в животных и имеют в себе уже мало человеческого. — Согласится ли цивилизованный мир на то, чтобы положение Австрии ухудшилось, что обязательно произойдет, если он не придет к ней на помощь? Все здесь возможно за исключением устойчивости. Судьба торговли зависит от судьбы всей нации; можно крупно заработать, если народ оживет; можно все потерять, если он умрет. Если вы очень нервны, лучше ничего не предпринимать, или же рискнуть малым, чтобы перенести свои потери без излишних страданий. Заметьте, что давно уже ни одна часть рода человеческого не попадала в такие обстоятельства, в каких теперь находится население Австрии; заработная плата тут ниже, чем в Китае и Индии, которые считались странами самой низкой заработной платы.

Живость, с которой Зальцбах сказал: «Ну, а дальше?», показала, что разговор его вдруг крайне заинтересовал.

— Вы, Зингер, Малькольм и Компания, вы используете эту разницу в заработной плате?

— Мы просто торгуем; я не понимаю вашей мысли.

— Вы получаете прибыль на курсе денег; вы не используете курса труда?

Мистер Олдридж медленно сказал:

— Курс труда... — потом ему вдруг стала ясна мысль Зальцбаха и он выразил ее более точно по-английски: — change of wages, курс заработной платы.

Кутанс, невежливо прекратив беседу с танцовщицей с детскими глазами, стал вдруг внимательно следить за разговором Зальцбаха, как будто начиная понимать то, что искал уже несколько времени. Он прошептал:

— ... золото ...

— Как ваше сердце, — робко сказала восхищенная девушка.

Пшебыль заговорил:

— В Австрии есть только то золото, которое запрятано предусмотрительными людьми, потерявшими всякую надежду на спасение страны; они его дорого продают.

— Мы, Зингер, Малькольм и Компания, не отчаиваемся в Австрии; у нас есть агентства в Будапеште, Праге, Белграде и Варшаве; под нашим контролем будет находиться значительная часть торговли этого угла Европы. В настоящее время мы не можем еще похвастать большими оборотами; мы сейчас выжидаем и укрепляем свою популярность благотворительностью.

— Вы приучаете брать корм из ваших рук.

— Если дела здесь станут вообще возможны, мы будем первыми. Я желаю, чтобы скорее прекратился этот позор для Европы и человечества: разорение Вены.

Кутанс выразил удивление по поводу большого количества городов, виденных Олдриджом.

— Сколькими языками вы владеете?

— Доллар и револьверный заряд понятны повсюду.

— И вы много путешествовали с таким словарем?

— Нет; я еще не знаком с Китаем; но я туда поеду. Расстояние не является препятствием; каких-нибудь три метра в высоту: тюремная стена — могут остановить человека, для которого ничего не значит десять тысяч километров расстояния. Я совершу кругосветное путешествие, если это нужно для дела.

Он напомнил поговорку: «наибольшее богатство человека, это — его активность».

— Многие люди теряют 99,9 своей ценности, как только выходят за пределы своей деревни и своей страны; вы же не оставляете ваш ум на таможне; мы, французы, легче провозим через границу сигары, чем наши способности. С такой одаренностью, да еще с долларом, равным пятнадцати франкам, вы опасные конкуренты.

— Защищайтесь. Мы сообщаем победили немецкую армию; не дайте завоевать себя американской и английской торговле. Каждый за себя. *Fair play*. Открытая война — прекрасная вещь.

— Война, — сказал Кутанс, — это, как мусор! Ее надо выносить подальше от своего дома; мы этого не смогли.

Мистер Олдридж добавил:

— Нужно также и торговлю удалять от себя; в ваших границах вы слишком много сражались, а в чужих границах вы теперь слишком мало торгуете. Вам это удастся; французов находят повсюду; они, правда, немногочисленны, но успевают весьма хорошо одни, без помощи своего правительства, которое по старой привычке награждает воинскую доблесть и оставляет без поощрения торговую предприимчивость. У вас есть фабриканты, деятельностью которых гордилась бы Америка; вы же не обращаете на них достаточно внимания; например, Эжен Шнейдер в металлургии, Луи Рено в механике, Жюльен Бесона, который, трестировав текстильную промышленность, принял за доменные печи.

— И который, — добавил Зальцбах, — рубит корсиканские леса, купленные по выгодной цене: двенадцать франков за кубический метр.

Мистер Олдридж продолжал:

— Но у вас есть также бульварные завсегдатаи, которые живут между улицей Риволи и Оперой, как в деревне, для которой Вандомская колонна является как бы колокольней.

По залу медленно двигался Гейдрих, вежливо аплодируя одной из танцовщиц. Ласковая предупредительность и учти-

вость этого человека сильно контрастировали со спокойно презрительным выражением его глаз; он, казалось, бесконечно устал делать что бы то ни было и, тем не менее, ни разу не погрешил против строгих правил приличия. Извинившись за опоздание, он налил себе вина и сказал: «*Prosit!*».

Этот бокал был выпит всеми присутствовавшими из вежливости; инженер Пшебыль выпил еще один бокал, поощряемый Кутансом, который сказал:

— В дороге воду не пьют.

К этому предписанию, предохраняющему от тифозной горячки, мистер Олдридж добавил арабскую поговорку:

— Одна капля вина может убить человека, — и пролил каплю на пол, чтобы оставшееся в стакане было угодно богу и людям.

Олдридж остался в ресторане, предпочитая курить «*Gold-tipped*», чем ехать на маскарад, куда они все были приглашены Гейдрихом.

На балу среди множества убогих нарядов выделялось несколько красивых туалетов на дамах с ослепительно-белой кожей. Гейдрих называл их и сопровождавших их мужчин.

— Тут все посещают балы, потому что почти нет никаких развлечений. В простеньких платьицах — это наши машинистки; в красивых нарядах — наши жены. Масок никто не снимает, так что все вполне прилично.

Тесно сжатая локоть к локтю, толпа мерно колыхалась в такт большого оркестра с литаврами и казалась одним громадным трепещущим чудовищем. В галлерее вокруг балной площадки, сидели за столиками зрители и закусывали.

Пшебыль жаловался, что все столики заняты. Кутанс решил взять урок танцев у своей маленькой венгерки и завертелся с ней в кругу. Когда Кутанс, танцуя, приближался к стоящему у галлерей Зальцбаху, тот говорил ему всякие глупости.

— Нет необходимости так долго деликатничать, чтобы потом пойти с ней спать... Эти танцы могут даже неглубокого человека превратить в окончательного идиота. Я тут вижу парочки, которые готовы вертеться на тарелке, но ты, Кутанс, способен проделывать это только в лохани...

Он досадовал на себя за то, что не имеет смелости пуститься в пляс, подобно Кутансу; он больше завидовал стройности фигуры других, чем их богатству, ибо он сам был богат, но с солидным брюшком. В жизни он имел две больших заботы: похудеть и заработать деньги; из заработанных денег он бы много дал, чтобы избавиться от своего живота.

Гейдрих, который из вежливости остался с ним, представил ему даму с очень синими глазами, видневшимися в прорезях маски.

— Фрау Эли Гольдберг. Можете называть ее Титин или Ненет, как во Франции.

Улыбка фрау Эли приоткрыла рот, похожий своими красными губами и белыми зубами на спелый сочный плод. Гейдрих похвалил ее кротость:

— Ее характер еще лучше, чем ее наружность.

Кутанс был очарован лицом фрау Эли, у которой смеющийся рот и блестящие глаза еще сильнее подчеркивались черной маской. Эта красивая женщина, так свободно двигавшаяся в колеблющейся толпе, увлекла за собой Зальцбах. Он думал только прогуляться с ней под руку, но незаметно для самого себя повернулся к ней лицом и начал выделывать па; он затанцевал. Пшебыль, сидя за столом в галерее, приветствовал его вилкой, которой он отбивал такт; это была его манера заниматься хореографией. Зальцбах, послушно увлекаемый ритмом своей партнерши, восхищался легкостью этой красивой женщины, сильное тело которой он ощущал под своей рукой.

Он размышлял: «В Париже я бы пошел в буфет, как сделал инженер Пшебыль; путешествия меняют людей».

Кутанс отомстил ему теперь за его насмешки:

— Ты круглый и вертишься, как земля; у меня будет с тобой меньше затруднений, чем было у Галилея с высокопреосвященнейшими; я докажу, что, чем больше ты будешь вертеться, тем ты будешь менее круглым; от танцев худеют.

Немного раньше одиннадцати часов — времени закрытия увеселений из-за экономии освещения — Гейдрих остановил Зальцбах, который с удивлением воскликнул: «Уже!». Этот вежливый человек с печальным взглядом вел под руку даму, одетую в черный шелк, для того, чтобы лучше оттенить белизну кожи, которую она щедро выставляла напоказ.

— Мицци! поедем с этими господами; они хотят еще потанцевать; у вас это будет удобнее.

Она обняла за талию Эли Гольдберг, как бы защищаясь от толпы, от которой их плохо отделял Зальцбах. Гейдрих, встав на стул, искал в зале Кутанса.

— Не уехал ли он уже в Шенбрунн? это такой воспитанный человек.

Но он заметил его смеющегося и довольного неожиданной радостью, которую ему подарила молодая девушка.

— Отправимся вшестером, — мило предложил Гейдрих, — инженер Пшебыль сидит за столом; было бы некорректно с нашей стороны прерывать его ужин.

Зальцбах называл свою даму фрау Гольдберг, в то время, как Кутанс, привыкший к уменьшительным именам и к энергичным ласкам, коротко сказал своей танцовщице Эльзе: — «Садись, Лолот!» и посадил ее в автомобиль, в котором Гейдрих, повинувшись обязательному постановлению, потушил свет.

Внутренность автомобиля освещалась теперь только белизной лиц женщин, снявших свои маски. Автомобиль покати по темным улицам города, погруженного в темноту из-за угольного голода; внезапно мрак как будто сгустился; на улице стояла толпа, которая лишь медленно расступалась перед предупреждающими звуками автомобильного рожка.

— Эти люди, — сказал Гейдрих, — ожидают открытия мясного рынка; очередь устанавливается после полудня и ждет до утра следующего дня; их пять тысяч человек; задние напирают, передние дерутся; некоторые падают в обморок; бывают и смертные случаи. Наиболее счастливые получают сто пятьдесят граммов свинины. Многие перепродают свою порцию. Мешечники направляются в Венгрию, в Чехию, закупают там гусей, целые бычачьи ноги и, тайком переправляясь через границу, продают потом из-под полы. Обильная пища, которую вы видели в ресторане, буквально полита потог контрабандистов.

Измученные усталостью и холодом люди лежали группами на земле, как мертвые после жестокой битвы. Автомобиль, оставив за собой последних осужденных этого ада, ускорил свой ход и остановился перед домом, у которого женщины попросили гостей не шуметь, когда они будут подыматься по лестнице.

В ярко освещенном двумя лампами салоне они были прелестнее, эффектнее, чем в тесноте бала; красивые жесты их прекрасных обнаженных рук, сжатых у локтя браслетами, увеличивали их очарование. Им нравилось внимание, которым их окружали мужчины, особенно если это вызывало досаду подруги; они вовсе не ненавидели друг друга; между ними существовало обычное между женщинами недоверие и желание повредить друг другу. Каждая из них, несмотря на всю свою нежность к подругам, была бы счастлива, если бы внимание мужчин сосредоточивалось только на ней одной. Мицци Вальбаум, хозяйка этого салона, высокая брюнетка, вся просияла, когда Зальцбах, оставив Эли Гольдберг, вдруг полуобнял ее за талию; она с радостью победным смехом предложила своей униженной сопернице стакан токайского; последняя с грациозной улыбкой, скрывавшей ее досаду, стала помогать хозяйке в расстановке на мозаичном столике блестящих хрустальных бокалов вокруг светло-желтых бутылок.

Гейдрих рассказывал Кутансу:

— У Эльзы Сомодьи скоро будет такая же обстановка, что вам обойдется не очень дорого, потому что вы ее купите на кроны; она, бывшая учительница танцев, была содержанкой Гуцмана — крупного биржевика. Его дочери, которым Эльза Сомодьи преподавала музыку, не захотели больше, чтобы она была свидетельницей их разорения, как раньше была свидетельницей их благополучия. Или Гуцман слишком беден теперь, или Эльза слишком горда, чтобы брать хлеб там, где его и так мало. И вот, она танцует.

— Это очень благородно! — сказал Кутанс.

— Перейдем к нашим подругам, которые теперь обнимаются, если не из любви друг к другу, то из желания нам понравиться. В нынешнее тяжелое время гордости нет места. Мицци Вальцбаум, вероятно, скоро придется променять этот старинный серебряный кубок на горох и конденсированное молоко мистера Олдриджа. Тяжелое время для красивых женщин! Та, которая впервые научила любви императора Карла Первого, поет теперь в оперетте «Цирковая наездница» куплеты об австрийских невзгодах.

Зальцбах заинтересовался кубком.

— Красивая вещь. Я ее охотно купил бы; в развалинах империи можно все найти; драгоценности и женщин — по случаю.

Кутанс с большим удовольствием смотрел на женщин, чем на искусно сработанный металл. Он их сравнивал с вином.

— В пути надо всегда пить местное вино. Почему обязательно всюду требовать шампанского и привозить с собой парижанок? Не помню, на каком это пароходе набежавшие со всех сторон чичероне предлагали красивых женщин по фотографическим карточкам. Американский негр выбрал одну из них за пять тысяч лир. Когда жуликоватый проводник подошел ко мне, у него оставались только женщины

по пятьсот лир; я ему сказал свою обычную цену — двадцать франков; за луидор можно повсюду найти товар такого рода. «Здесь тоже, — ответил чичероне, — только вы опоздали; королева уехала вчера».

— Ты родился богатым, — сказал Зальцбах. — Твоя кор-милица набивала тебе соску трюфелями, и у тебя выросло два золотых зуба; мои же все из кости. У меня не всегда бывали женщины за двадцать франков; одна из них, такая же публичная, как мораль, которую она оскорбляла, наградила меня вшами. На следующий день я ее упрекнул в этом. Она мне ответила: «Не думаешь ли ты, что за три франка я тебя угощу шелковичными червями?».

Кутанс опечалился.

— Очень нехорошо с твоей стороны укорять меня богатством. Я ничего не делал, чтобы стать богатым; сердись на моего отца, который оставил мне хорошее наследство; я его доверил честным, работающим людям; в пять лет мое состояние удвоилось. Я не ответствен за то, что семья моя жила с достатком и что мои компаньоны были трудолюбивы. Мало есть людей на свете, которые так были бы невиновны в своем богатстве, как я, так же, как и ты неповинен в своем здоровье.

— Ошибка. Я всегда жил скромно, с привычкой к привычке, как дон-жуаны имеют любовь к любви. Я боюсь только перемен. До сорока лет люди делают все, что нужно, чтобы разрушить свое здоровье, а потом все, чтобы его сохранить. Ты слишком любишь женщин, назначение которых — утомлять мужчин.

Гейдрих занялся музыкой, что доставляло ему невыразимое наслаждение; он так тихо надавливал пальцами на клавиши, что извлекал из них еле слышную мелодию вальса, достаточную, однако, для того, чтобы привести в движение всех трех женщин. Держась за кончики пальцев, они медленно кружились; Эльза посередине, лицом к Элли и спиной к Мицци;

все шесть стройных ног двигались на небольшом пространстве паркета. Удовольствие двигаться свободно, не чувствуя теснящейся толпы, озаряло их лица светлой улыбкой и придавало их нервным фигурам воздушную легкость.

Внутреннее взаимное недоброжелательство было скрыто теперь любовным соединением их тел в танце. Гейдрих играл благоговейно. Зальцбах заметил ему:

— Вы способны переложить на музыку мемуары Людендорфа.

Он ответил:

— «И пусть день, когда мы не танцовали хотя бы один раз, да будет потерян для нас» — так говорил Заратустра.

Мицци-Вальцбаум закрыла глаза, — три женщины своими грациозными движениями передавали душу музыки; они танцовали, как верующие молятся, с такой горячностью, что улыбка замерла у них на губах. Когда они снова смеялись подошли к довольным гостям, Кутанс, к своему крайнему удивлению, повторил слова Олдриджа:

— Пусть скорей кончится этот позор для Европы и человечества: разорение Вены.

Синеглазая Элли Гольдберг поклонилась, увлекая за собой двух других, которых держала за руки; улыбка опять сошла с их лиц.

В разговоре граф Эрберн называл дома, в которых можно встретить самых красивых женщин, а мистер Олдридж кварталы, где ютится самая крайняя нищета. Кутанс, удерживая в памяти адреса лупанаров, которыми он как будто совсем не интересовался, сказал американцу:

— Вы хорошо знаете этот несчастный город; помогите Зальцбаху найти то, что он ищет.

— Золотые россыпи?

— Нет, пустые помещения.

— Это почти так же трудно; Вена перенаселена; точное количество ее населения неизвестно; вероятно, около двух с половиной миллионов. Кроме постоянных жителей, тут много текучего населения; одни приезжают из отторгнутых от империи областей, другие, наоборот, уезжают отсюда, спасаясь от голода. Кладбища наполняются; дома же не пустеют. Люди, не имеющие квартир, следят в газетах за извещениями о смерти и спешат по указанному адресу, чтобы занять освободившееся помещение. Поедьте в шестнадцатый участок.

Они втроем: Олдридж, Зальцбах и Кутанс направились на Крейтнер-гассе, где хозяин танцевального зала сказал им:

— Я вам охотно сдам в наймы этот зал под склад, если вам удастся освободить его от реквизиции городским управлением, занявшим его под убежище для бездомных.

Во всю длину танцевального зала на простых неструганных досках лежали матрацы; стены были увешаны лохмотьями серого цвета, стиранными без мыла; женщины сидели у этих грубых кроватей, сложа руки, ибо не имели ниток ни для шитья, ни для вязанья.

— Каждый час потерянной здесь работы уменьшает богатство Австрии, — сказал Зальцбах; — здесь можно было бы поместить триста швейных машин.

Запах долго немытого белья и грязных тел затруднял дыхание; в глубине этой темной залы со спертым воздухом блеснули любопытные детские глаза. Заведующая убежищем, единственная женщина, в белой блузе, вышла навстречу неожиданным гостям. Олдридж, к удивлению своих спутников, обратился к заведующей с любезными и тактичными словами, смягчавшими неприятное впечатление, которое произвело на нее их вторжение.

— Зальцбах, Кутанс из Парижа, Джон-Питер Олдридж из Сан-Франциско, — отрекомендовался он.

— Мы не пришли, — сказал он, — из праздного любопытства, развлечься видом этих несчастных людей. Если наше сочувствие приятно вам, мы готовы его высказать; если же вы считаете его нескромным, мы удалимся с должным уважением к несчастью, которое наполняет печалью сердца всех честных людей.

Директриса, тронутая этими словами, приняла гостей очень любезно и показала им все свое учреждение, не исключая и погреба, где стояла старая походная кухня, с надписью: «Kriegs-Küche».

Желая показать посетителям качество выдаваемой пищи, заведующая велела кухаркам помешать в котлах длинными жестяными ложками. На поверхности показалось несколько неразварившихся горошин, совершенно терявшихся в громадном количестве воды. Гордость, с которой директриса демонстрировала этот суп,

доказывала, что она считала его вполне удовлетворительным.

Кутанс спросил:

— Разве можно жить, питаясь этой водичкой?

Он никогда в жизни не встречался так близко с подобной нищетой.

На улице Олдридж объяснил своим спутникам, как осторожно и умело надо обращаться с заведующими подобных благотворительных учреждений.

— Среди них вы найдете представительниц лучшего венского разорившегося общества: они поддерживают свое достоинство самоотверженной работой и получают за это ежедневно тарелку супа.

— Людям, которые питаются такой бурдой, нельзя дать инструмента в руки, — сказал Кутанс. — Женщина, у которой в животе болтается ложка такого супа, не может быстро работать на швейной машине; она будет пятнадцать дней сидеть над работой, которую можно выполнить в два дня.

Он обратился к Зальцбаху:

— Ты превосходно покупаешь и еще лучше продаешь, но ты ошибаешься, если думаешь, что человеческий труд во всем подобен товару, что чем дешевле он куплен, тем он выгоднее; рабочих в таком состоянии, как мы видели, я бы не взял и даром.

— А мне надо таких сто тысяч, — ответил Зальцбах, — и женщин, и детей тоже; это все же лучше, чем оставить их без работы на улице.

Олдридж пригласил их посмотреть, как кормят в американских кухнях. Автомобиль, вынырнув из кучи облепившей его детворы, вылезшей из вонючего дортуара, быстро промчал их к Mädchen-Schule — женскому училищу.

Бледные девочки с косичками, уложенными на голове в виде венчика, терпеливо ожидали у дверей; некоторые из них попытались было прокрасться вслед за посетителями; их

задержал у дверей мальчик лет десяти с лентой на рукаве, на которой было написано: «распорядитель», и направил в общую очередь, начинавшуюся в зале ожидания. Там дети предъявили свои карточки в контроль. Голод был тут строго регламентирован: раз в день дети приходили сюда и получали обед, который должны были съедать тут же. Склонившись над чашкой какао с конденсированным молоком и куском белого хлеба, они переживали лучшие моменты своего дня. У выхода другой распорядитель ощупывал карманы пообедавших.

— Они разве воруют? — спросил Зальцбах.

Директрисса объяснила ему:

— Они не воруют, но мы кормим, к сожалению, детей только до 14 лет; для подростков старше этого возраста у нас нет ничего, и вот эти малыши стараются унести часть полученного, чтобы поделиться с семьей; этому очень трудно воспрепятствовать; эти малыши оказываются хитрее нас. Для того, чтобы помешать им уносить с собой провизию, надо было бы их всех раздевать догола. Одна девочка прятала ломтики хлеба в чулки; неделю спустя, когда ее проделка раскрылась, она заявила, что у нее болят зубы, и являлась с повязанной щекой; уходила же она с опухолью из хлебного мякиша.

Маленькая девочка, остановленная у выхода распорядителем, торопливо доедала перед ним свой хлеб, ибо он не хотел ее выпустить с полным ртом. Другая подошла с крепко прижатыми к телу локтями, как будто бы ей было очень холодно. Распорядитель встряхнул ее; из-под левой подмышки выпал кусок белого хлеба; тогда распорядитель велел всем детям проходить мимо него с поднятыми руками; они послушно проходили, как сдающиеся в плен солдаты. Маленькая преступница, вынужденная съесть свою порцию, горько плакала.

— Для кого ты хотела унести хлеб? — спросила ее директрисса.

— Для мамы. Она меня бьет, если я ничего не приношу.

Директрисса, от которой ее тяжелые обязанности требовали непреклонности и любви, покачала своей молодой, но уже седой головой.

— Голод царит во всех семьях; горе в каждом сердце. Многие родители посылают нам благодарственные письма, а другие бьют своих маленьких детей, если тем не удастся обмануть нас; страдания от войны распространяются далеко за пределы поля битвы; все эти дети в возрасте, когда нужно играть и смеяться, не знают, что такое радость. Этих двух малюток я должна часто заставлять есть, так как сознание, что их мама ничего не имеет, сжимает им горло. Ужас уничтожает их аппетит; если я не наблюдаю за ними, они оставляют свой хлеб на столе и другие съедают его; им нужно, чтобы мама сидела рядом. Уже несколько лет, как эти семьи не видели такого обеда, какой дети получают здесь каждый день. Бедняки едят капусту, вареную в воде; у них нет ни картошки, ни хлеба, ни мяса.

Директрисса усадила покрепче на скамейку маленькую девочку, которая чуть не падала с нее; сидящая рядом с ней большая девочка не толкала ее нарочно, но была слишком занята своей едой и не замечала неудобного положения своей соседки. Предупрежденная об этом директриссой, она любовно обняла маленькую девочку рукой за шею и прижала к себе.

На бледных губах девочек чернели следы какао; Олдридж воспользовался этим обстоятельством, чтобы похвалить качество американских продуктов:

— Мы доставили все это; хороший товар. . . Я еще не извинился перед вами за то, что вчера покинул вас до бала; там, наверное, было шикарнее, чем здесь. Шик — это большая цивилизующая сила. Солдат и миссионер завоёвывают и обращают страну, но шик имеет больше силы, чем армия, и не меньше, чем религия. Париж и Вена — очаровывают именно шиком. Я бы хотел родиться на Кэртнер-Ринге или же на Итальянском бульваре. Видели вы, как танцуют венки?

Неправда ли, прелестно? Может быть вы жалеете, что не все они вальсируют? Эта красивая, молодая женщина с седыми волосами тоже в своем роде шикарна; она не притрагивается к детскому хлебу; она питается капустой, как матери детей, которые ничего не должны уносить домой. По имеющимся у нас сравнительным таблицам смертности в связи с весом людей, видно, что эта женщина, которая весит, приблизительно, сорок килограммов, умрет от истощения через два года; это средний срок для случаев питания без жиров.

«— В Париже любят всякую страну характеризовать одной чертой: Лондон—туман; Мадрид—кастаньеты; Вена—кутеж; Константинополь—бакшиш. Я как-то посетил мечеть, дервиш которой спросил меня: «Ты желаешь войти обутым?». Я ему ответил: «Нет; раз ты ходишь босиком на священной для тебя земле, я тоже пойду босиком, как и ты». Я взял свои ботинки в руки и пошел посмотреть фаянс и ткани, за которые многие женщины отдали бы свою честь. При выходе я хотел дать бедному дервишу бакшиш. Он мне сказал: «Бог один велик; ты его гость, проявил свое уважение к нему; имей немного уважения и ко мне и не предлагай мне денег». Это тоже было шикарно. Что вы об этом думаете?

— Я хочу сказать вам о моем проекте переносных кухонь для рабочих кварталов, — сказал Зальцбах; — отпуск горячей пищи на-дом и на местах работы будет очень прибыльным делом в городах, где женщины, став работницами, служащими или продавщицами, не имеют времени для приготовления обеда. У меня будут герметически закупоренные никкелированные баки на повозках, служители в белых куртках и панталонах из тика. Это кулинарное предприятие станет более знаменитым, чем бульоны Дюваля, и принесет мне в год двести процентов на капитал и орден Почетного Легиона. Я должен с вами попрощаться; меня ждет коммерции советник Фройденберг.

— Мы отправимся без вас в десятый участок, на Лагештрассе, в один из самых бедных кварталов Вены; там мы кормим три тысячи детей.

Дети толпились в старинном здании военного госпиталя; на головках девочек изредка попадались еще ленты, завязанные двумя черными бантами, как носят в Эльзасе и Бадене.

Маленькая белокурая девочка, лет десяти, отделилась от толпы и пошла навстречу гостям, разглядывая их с упорным любопытством; другие девочки, увлеченные ее примером, последовали за ней; вскоре группу посетителей с директрисой окружила большая толпа детей. Директриса объясняла: «Американское Общество помощи детям кормит в Вене 110.000 детей, а всего в Австрии 215.000 — в возрасте от 11 месяцев до 14 лет; мы кормим также матерей, приносящих детей моложе одного года». Ряды дисциплинированных ребятишек подходили поочередно к столам, где каждый получал в котелок большую ложку какао и белую булку в виде кирпича.

Две сестры с косичками на головах, в шапочках, закрывавших им уши, зябко прижимались одна к другой, стоя каждая на одной босой ножке, похожие на аистов; они еще не привыкли ходить босиком, как мальчики, которые смело шлепали по земле своими красными, покрытыми грязью, ступнями. Более счастливые девочки носили рваную обувь, оставившую мокрый след на полу.

— Кожаные изделия, — сказал Олдридж, — обувь, чемоданы, портфели целыми поездами вывозились отсюда итальянцами после перемирия. Триест получил их целые поезда.

Девочка в мужских ботинках, в которых ее ножки болтались, как язык колокола, толкала мальчиков, чтобы пройти вперед; водворенная на свое место после выговора, она расплакалась так сильно, как будто с ней случилось большое несчастье.

Удивленная таким отчаянием после проявленной раньше смелости, директриса подошла к ней и узнала, в чем дело;

девочка имела на ногах единственную пару обуви во всем семействе; брат ждал возвращения сестры, чтобы, в свою очередь, прийти поесть; она торопилась, опасаясь, что он опоздает.

— Это люди, у которых еще не исчезла гордость; они не хотят, чтобы их дети ходили босиком по улице.

Внимательная ко всем мелочам, директриса расхаживала среди своих детишек, ободряя самых маленьких и печальных, выбирая им хорошие места в очередях за кружкой какао и белым хлебом. У всех детей были котелки и кружки, украшенные двуглавым орлом с распростертыми крыльями; эта детская толпа с ног до головы была одета в остатки обмундирования императорской армии; из форменного сукна были сделаны даже обувь и шапочки.

Серая одежда была под цвет бескровным лицам. В этой толпе не видно было ни одной круглой, красной щечки; самые голодные из детей прикладывались к своему котелку, как только его наполняли какао, и пили по дороге к своему месту, откусывая одновременно кусочки хлеба.

Олдридж хвастливо распространялся об американской помощи:

— Единственно мы помогаем; англичане тоже организовали Фонд Помощи, но у них есть пока только служащие и нет продуктов. Пойдемте, я вам покажу все, что мы сделали.

Колеса их автомобиля стирали вокруг здания следы босых ног с отдельным отпечатком большого пальца — знаки нищенской страны, похожие на оттиски собачьих лап.

Олдридж повел Кутанса во дворец эрцгерцога Франца-Фердинанда, убитого Принципом в Сараеве.

В роскошном дворце человека, убийство которого повлекло за собой миллионы других убийств, многочисленные ящики с конденсированным молоком и мешки с мукой скрывали богатство белых стен; комната, в которой находилось раньше редкостное старинное венское серебро, стала теперь

кладовой для продуктов. Перед столами с эрцгерцогскими сервизами возникал образ маленьких голодающих с сосудами, заклеенными изображением злобной птицы. Черные люстры дивной чеканной работы резко выделялись на фоне белых стен, как бы вызывая прежнее великолепие погибшей империи на тяжбу с нищетой детей, питающихся мирским подаванием.

Прекратив, наконец, свое хвастовство американскими консервами в эрцгерцогском дворце, Олдридж сказал:

— Швейцария и Голландия принимают к себе маленьких австрийцев, как делали французские провинции с маленькими парижанами во время бомбардировки. Эта работа более трудная, чем наша, ибо нужно ребенка оторвать от его семьи; мы же его кормим на месте. В 1918 году в Лионе, где я контролировал доставку муки, я видел маленьких парижан, эвакуированных из Парижа. Я у них спросил, чего им не хватает для полного счастья. Они ответили: «Du pinard et l'Intran»¹⁾.

« — Наши старания мало облегчают нужду Вены; народ нельзя спасти благотворительностью; уже 200 лет, как Европа не испытывала подобной нужды, которая, вероятно, похожа на нужду Германии после тридцатилетней войны. В 1636 году саксонцы пожирали человеческое мясо.

« — Говорят, что венцы тоже вернулись к людоедству. Мария Крамм, девочка восьми лет, получавшая пищу у нас, исчезла 21 ноября 1919 года. 28 ноября одна прачка нашла шесть кусков мяса на куче мусора и пепла. Не будучи в состоянии все съесть сама и не желая, чтобы добро сгнило, она роздала все мясо соседям. Один из них признал в этом куске человечье мясо, но чувство страха победило голод, и он отнес свою долю в полицию. Нельзя быть уверенным, что Мария Крамм была убита из-за людоедства; возможно, что она

была умерщвлена и разрезана на куски садистом. Голод теперь так же велик, как в 1636 году; однако, теперь люди предпочитают умирать, а не превращаться в людоедов. Достаточно страшно уже и то, что люди ищут себе трупы животных в канавах, вдоль мостовых и в отхожих местах. Хотите видеть, как живут эти семьи? Зальцбах, наверное, упрекнет вас за то, что вы целый день потратили на благотворительность. Он очень деловой человек, но по временам я себя спрашиваю, не безумец ли он, что ищет золотые россыпи под венскими тротуарами.

Кутанс тоже начал критиковать своего компаньона; они любили позлословить один насчет другого, хотя оставались добрыми друзьями.

— Он слишком быстро делает свои выводы; он считает, что, побывав в венских банках и конторах торговых домов, он знает уже достаточно для того, чтобы открыть здесь какое-нибудь производство. Раньше, чем начать работу в какой-нибудь стране, необходимо хорошо изучить нравы ее населения. Я уже раз испытал затруднение в наемной рабочей силы в одной области, которую я плохо изучил. Мы построили там великолепную фабрику; местное население не захотело работать: они привыкли в стенах работать только зимой. Нам пришлось выстроить целый поселок и прислать рабочих из Италии.

Маленький мальчик в зеленой тирольской шапочке, подпоясанный веревочкой, держался в стороне от более смелых товарищей, трогавших автомобильную сирену. Олдридж, думая, что он, вероятно, самый несчастный, заговорил с ним:

— Где ты живешь?

Мальчик робко молчал; другой мальчик, толкнув его, ответил за него:

— Отаринг.

— Это в шестом участке, — сказал Олдридж, — мы тебя повезем в автомобиле.

¹⁾ Pinard — парижское вино. Intran: сокращение L'Intransigeant — название парижской ежедневной газеты. (Прим. перев.)

— Я боюсь, — сказал ребенок в зеленой шапочке.

Олдридж приласкал его.

— Он из крестьянской семьи. Туризм сильно сократился, и теперь в деревнях нередко можно встретить детей, которые пугаются стука мотора.

Тот, который ответил за мальчика в зеленой шапочке, смело крикнул:

— А я живу около Крайтнергассе! — и влез в автомобиль.

Они остановились на улице, на которой в 1912 году боснийские солдаты стреляли в венских рабочих. На ней возилась детвора, игравшая, как водится теперь, в войну с настоящими палочными ударами и с избиванием слабых. Между играющими детьми проходили люди, нагруженные дровами из Wiener Wald. Лес вырубался всеми, кто только пожелает; работали неумелые руки плохими инструментами и оставляли целые поляны неровно срубленных пней. Население, оставшееся без угля, постепенно уничтожало красоту старых лесов, оборванцы таскали на плечах тяжелые дровяные чурки и хворост, увязанный веревками. Измученная женщина оперлась со своей ношей на низкую ограду сада; ее изношенная и много раз мытая одежда, была того неопределенно серого цвета, цвета нищеты, в который был одет весь народ. Женщина долго переводила дух и стояла с опущенной нижней губой, пока могла ответить, что она уже три часа идет из Леопольдсберга и что ей предстоит еще час ходьбы.

Она произносила лишь те слова, которые были необходимы для того, чтобы вежливо ответить на вопросы Олдриджа, и затем, довольная, что не надо больше говорить, опустила свою седую голову.

Нагнувшись вперед под тяжестью своей ноши, она отправилась дальше, с трудом волоча свои отяжелевшие ноги, напрягаясь изо всех сил и подымая плечо одновременно с коленом. Слышно было, как она шаркала по земле ногами.

Сзади тянулись вереницы мужчин и женщин с мешками, полными дров. У тирольцев на шапочках красовалось петушиное перо. Эти нищие, опиравшиеся на палки, напоминали альпийских туристов.

В конце прямой, длинной дороги, по которой тянулись измученные тяжестью дров и хвороста люди, виднелся холм, с расположенным на нем искалеченным лесом. Кутанс думал об угольном голоде, вызвавшем это стремительное движение людей за топливом.

Маленький проводник, наконец, провел их к своему жилищу на Брусьгассе, — чистенькому снаружи домику, как все строения в этом рабочем квартале.

Олдридж сделал сравнение между столицами.

— Снаружи тут лучше вашего Бельвиля или лондонского Soho; тут нет столетних стен; Вена уничтожила старые лачуги; внутри тут такая же грязь, как повсюду на земле, где в стенах скучено слишком много народу.

Мальчик спустился по ступенькам в подвал.

— Душа строителей логовищ одинакова во всем мире, как душа ростовщика, — сказал Олдридж. — Использовать подвал только как склад вещей — значит уменьшить стоимость и прибыльность здания; таким образом, сократилось бы число жильцов, приходящихся на квадратный метр крыши; вот почему пользуются этими подземными жилищами.

Ребенок вошел в комнату без окон, в которой стояли две кровати; третья кровать находилась в отдельной каморке, которая освещалась маленьким окошечком на уровне земли. Воздух в этом жилье возобновлялся только через двери и это окошечко, величиной со школьную тетрадь. Вдоль всей комнаты, на протянутых веревках, висели тряпки; здесь жило шесть человек. Посреди комнаты стояла женщина, лица которой не было видно из-за развешенных лохмотьев. Она нагнулась к мальчику и показала свое бледное, бесцветное

лицо, на которое вечная тьма, страдания и грязь наложили свой отпечаток.

Мужчина, вышедший из каморки, поставил на стол свечку, которая отбросила на тряпку, находящуюся позади него, тень его головы с жесткой рыжей бородой. Вошедшим показалось, что они увидели перед собой страдальческий лик Христа, покрытый смертным потом. Другое изображение Иисуса, уже настоящее и раскрашенное, было прибито к стенке четырьмя гвоздями. Роскошью этого подвала являлись часы с кукушкой и будильник; оба они торопливо тикали, как бы вперегонку, и старались перецеголять друг друга.

Кутанс никогда не соприкасался так близко с нищетой; он думал, что перед ним существо более низкого порядка, чем рабочий: какой-нибудь деклассированный босяк, умирающий с голоду. Он знал рабочих своих фабрик, как некую силу, с которой приходилось бороться, чтобы было выгодно производить; каждого в отдельности он не знал и не подозревал их слабости; ему было невозможно признать в этом бледном человеке, живущем под землей, одного из тех, трудом которых он пользовался на своих заводах. Он спросил у рабочего о его профессии.

— Я столяр, — ответил тот.

Олдридж, как и следовало ожидать, добавил:

— Как Иисус Христос.

Они говорили тихо из уважения к Смерти, которая тут была ближе к ним, чем Жизнь.

— Какую столярную работу может выполнять такой изможденный человек? — спросил Кутанс, когда они вышли из подвала. — Это не рабочий, а мочалка; он не стоит даже своих отрепьев.

Олдридж заметил:

— Когда человек привык распиливать доски, он это может делать так же хорошо и тогда, когда у него нет больше сил;

он придает силу инструменту, и инструмент придает силу ему. Когда люди работают вместе, нищета каждого из них в отдельности не так видна, потому что они не одни, с ними их ремесло.

В притихшем от голода квартале не слышно было фабричного шума. На Тельгеймергассе любопытный Олдридж вошел в дом с чистым фасадом. Двери квартиры в первом этаже были украшены изображением женской головы, на зеленой стене виднелись еще следы лепного фриза, разъеденного сыростью, дымом и дыханием человеческой толпы.

В комнате, в которой помещалась женщина и трое детей, находились две кровати. Над ними висело изображение Христа, покровителя этого убогого жилья, где пресмыкалась нищета, над которой властвовали очарование молитвы и инстинкт размножения; об этом свидетельствовали изображения святых и куча детей.

Женщина медленно положила на стол починаемое ею белье, обдав посетителей запахом нищеты, и жалко улыбнулась, обнажив оставшиеся во рту два клыка.

Маленькая девочка ответила Олдриджу, что у нее нет времени ходить в американскую кухню, так как ей нужно помогать матери в работе, которой они поддерживают свое жалкое существование, граничащее со смертью. В обоих этих лицах было одно лишь розовое пятно, это — десны женщины с ужасной улыбкой.

Дети соседей толпились у дверей; их большие глаза, еще увеличенные голодом и любопытством, сверкали в темноте, как светлячки; при свете лампы видна была худоба их шеек с выдающимся спереди адамовым яблоком, а сзади шейными позвонками. Кутанс и Олдридж, которым несчастная женщина посулила рай за данную милостыню, зашли еще в одну комнату, где помещалось девять человек. Над деревянным сундуком, установленным шестью толстыми пивными стаканами, был прибит Христос в белой одежде и богоматерь

в синей. Владелец этого богатства приподнялся с маленькой скамеечки — единственной мебели в этой комнате, в которой дети сидели на полу. Это был слесарь, оставшийся без работы потому, что в мастерской не было угля. Из всех коридоров, населенных людьми, как щели кроватей клопами, вылезали оборванные дети, благословлявшие посетителей за каждую бумажку, сунутую в их бледные ручки. Один из них грыз корку и был счастлив; другие и этого не имели. Черный хлеб, обычно даваемый детям в наказание, был бы благословением для этих несчастных ребят, питающихся капустой, медленно варящейся на огне из сырых свежих дров. В руках одного ребенка белел, как лакомство, какой-то ломтик; Олдридж пригляделся к нему: это была белая кормовая свекла — великолепная пища для скота.

Во всем доме, густо населенном детворой, не было слышно запаха кухни; волосы девочек были жестки, как лошадиная грива; косички, перевязанные старыми шнурками от ботинок и тщательно уложенные венчиком вокруг головы, подчеркивали величину их голов на худеньких телах.

— Мы видели только, — сказал Олдридж, — небольшую часть венской нищеты; вы ее лучше поймете, если познакомитесь с госпиталями и кладбищами. Мы тут находимся в таком углу Европы, в котором, несмотря на мир, все еще чувствуются ужасные последствия войны. Эту страну покорит тот, кто даст ей пищу и работу. Агонизирующий город говорит мало и бессвязно, как умирающий человек; у него нет уже ни надежды на спасение, ни силы для возмущения; отчаяние — гигантская сила, быть может, самая великая сила, движущая человеком, пока он еще стоит на ногах; но оно перестает быть силой для того, кто повержен во прах. Что могут сделать люди, обессиленные до такой степени?

Доктор Мейнль, из детской клиники Центрального Госпиталя — Лазаретштрассе, 14, — сказал им следующее:

— Есть степень лишений, к которой человек может приспособиться; за этим пределом наступает смерть: если вы сравните нищету с горой, то голод Вены находится на границе линии, за которой начинаются вечные снега и пропадает всякая жизнь. Туберкулез увеличился у нас на 100 процентов.

Маленькие больные, лежа на террасе госпиталя и дыша свежим воздухом, смотрели на лежащий внизу город, внутренности которого раздирали голод; ясное небо редко затуманива-

лось дымом; слабое дыхание бездеятельного и болезненного скопища людей не загрязняло воздуха, который был чист, как в поле.

Дети, завернутые в простыни из грубого холста, тихо лежали, не встречая улыбкой ни вечерней, ни утренней зари, величественно всходивших за отдаленными холмами.

Там старые замки маркграфов являлись немymi свидетелями превращения империи в труп. Дети с любовью указывали бледными ручками отдаленные кварталы, где находились их лачуги, где они так хотели бы порезвиться немного, хотя бы ценою жизни. Неподвижность угнетала их; единственной их радостью были зрительные впечатления; один из них, с красными и опухшими от золотухи глазами, с трудом смотрел сквозь пелену повисшего на его ресницах страдания на ярко освещенный закатом побежденный город.

Сильный и ровный ветер шевелил края одеял, играл волосами детей и блузами сиделок, с материнской любовью облегчавших страдания маленьких больных.

Олдридж обнажил перед ними голову.

— Вы видели в нарядных кухнях и видите здесь в госпиталях женщин, которые пошли на войну с нищетой, как идут в бой солдаты, верующие в Родину. Эта сиделка до такой степени поглощена своим делом, что не заметила даже нашего поклона. От ее бывшего богатства остались еще бриллианты в ушах; колец на пальцах уже нет, но эти женщины не роപ്പут; они смиренны, как само страдание.

В зале выздоравливающие девочки играли в тихие игры; доктор Мейнль попросил их спеть, объяснив при этом Кутансу всю важность игры и пения для детей. Кутанс был удивлен самопожертвованием этого человека; он выразил ему свое восхищение и спросил, сколько он зарабатывает.

— Это не важно, — ответил доктор.

Кутанс до сих пор предполагал, что целью каждого разумного человека является богатство. Неустойчивость капитала

он воспринимал так, как другие воспринимали нищету; остановка в накоплении наполняла его беспокойством; ему необходимо было каждый день присвоить себе что-нибудь из имущества других. Он не душил людей за 5000 франков и не занимался делами, требовавшими изворотливости женщины на исповеди. Он любил прямые пути и быстрые решения, не говорил: «Я называю ворами людей, на которых я ничего не заработал! Он думал, что каждое слово, которое он произносит и слышит, должно принести прибыль. Он ненавидел тех, кто мешал ему работать и отнимал у него время, не принося никакой прибыли. Ожесточенные и бурные споры не уязвляли его самолюбия; но бесполезная трата времени казалась ему несправедливостью. В минуты веселости он имел обыкновенные говорить: «Я не зарабатываю только тогда, когда выпускаю мочу».

Падкий прежде только на деньги, он стал теперь так же жаден и к почету и любил быть охотно принимаемым в тех семьях, которые не интересовались наживой. Крупное состояние немного расширило его кругозор. Он начал уважать и других людей, не только богатых, в то время как раньше, когда у него было только три миллиона, он обвинял в малодушии тружеников, удовлетворявшихся 500 франками в месяц. Он так оценивал своих лучших служащих: «Если бы они были умны, они не работали бы у меня».

С того времени, как банк открыл ему кредит в двадцать миллионов, он начал медленно постигать, что такое достоинство человека, тогда как раньше он считался только с богатством. Такого рода новый взгляд на вещи давал ему нужное терпение, чтобы сопутствовать Олдриджу в его прогулках по венской нищете.

Тем не менее он все-таки думал: «Что это мне дает?». Ибо его новая жажда уважения, дополняя его старые привычки, не разрушала их. Он размышлял о том, что продать или что купить у этого представителя фирмы Зингер, Малькольм и К^о.

«Он, вероятно, поставщик госпиталя так же, как и кухонь: мы просто объезжаем его клиентов».

Доктор Мейнль своим ответом поставил Кутанса в тупик; этот человек не зарабатывал; другие зарабатывали на нем; он отдавал себя, вместо того, чтобы брать. Будь это во время свирепого триумфального накопления первых миллионов, Кутанс не задумался бы осудить эту тряпичную наивность во имя сурового долга наживы, но теперь он боялся сам заслужить презрение. Богатство уже не удовлетворяло его; ему стало нужно новое благо — уважение бедных. Считая эти чувства некоторой слабостью и отдавая должное людям отличным от него, он, тем не менее, не переставал уважать самого себя.

В госпитале он увидел еще нечто, противоречившее всем его понятиям: в детской комнате с белыми и голубыми изразцами, где не хватало одного стекла в окне, сиделка показывала маленького мальчика с большими белокурыми локонами, который мило шлепал по полу маленькими босыми ножками.

— Это он бросил мячиком в окно; мы не знаем, чем заткнуть эту дыру; бумага не выдерживает большого ветра; у нас нет стекла, у нас нет белья; этого мальчика больше не будут любить, он нам доставляет столько затруднений.

Она его поцеловала. Маленькая девочка, робко приблизившаяся через залу, быстро пробежала последние три шага, которые отделяли ее от сиделки с маленьким кудрявым сорванцом, и, успокоившись, наконец, у юбки сиделки, стала с любопытством разглядывать новые фигуры.

— Это спасенные дети, — сказал доктор. — Несмотря на всю нужду, нам удастся все-таки некоторых спасти. Эти должны были уже выписаться, но сиделки так любят их, что не хотят с ними расстаться.

Глядя на этих девушек в белых блузах, которые, казалось, были способны только хорошо подметать комнату, Кутанс

понял, какая пропасть лежит между сердечной добротой и духом наживы.

— В Вене можно найти стекла... — сказал он, но, несмотря на всю свою деловую ловкость, он не посмел предложить стекло по 5000 крон за 100 килогр., по цене, назначенной Пшебылем за три вагона, которые он держал наготове для экспорта *via* Букс. Кутанс сказал, что стекло можно достать, ибо он по натуре был человек правдивый, но потом ему пришлось внезапно замолчать, ибо он вдруг увидел противоречие между торговлей и человечностью. Он вспомнил мысль Попишиля: разница в курсе принуждала вывозить то незначительное количество товара, которое еще оставалось в стране; торговля увеличивала нищету и голод. Кутанс мало-по-малу пришел к мысли, что эти люди, которые ему ничего не дали заработать, а наоборот, отняли у него время, вовсе не воры; скорее вором является он, Кутанс. Но он тут же отмахнулся от этой мысли и сделал это так же быстро, как оплатил бы вексель, чтобы не быть объявленным несостоятельным должником; достав чековую книжку, он выписал для детской клиники чек на 20.000 крон на Венский Коммерческий Банк: 1.000 франков по курсу 0,05.

— Чтобы вставить новое стекло, — сказал он.

Когда он выходил, оба ребенка проговорили певучими голосами:

— Да благословит вас господь.

Продолжая еще улыбаться этим двум свежим детским лицам, Кутанс перешел в следующую залу, где женщины возились с совсем маленькими детьми, худенькими, с дряблой кожей, настоящими пауками по виду: большие круглые животы и тоненькие, как ниточки, члены, совершенно лишённые мускулов. Кутанс выразил свое удивление:

— Как они держатся на ногах? — до такой степени их строение противоречило нашим обычным представле-

ниям о размерах, обеспечивающих равновесие отдельных частей.

Ни один механик или плотник не мог бы построить из железа или дерева игрушку с такими соотношениями частей, — с такой громадной головой на столь тонкой шее.

Кутанс ускорил шаги, чтобы избавиться от этого кошмара, порождения злобного демона, жадного до человеческого горя; но ему надо было перейти через залу дефективных детей: воров и порочных, которые направлялись в госпиталь полицией. Сиделка держала на руках последнего по номеру, только что присланного мальчика в возрасте пяти лет, но легкого, как перышко. Доктор поднял грубую рубашонку; обнажилось искалеченное тело с громадным левым бедром, к которому прижимался острый локоть. Обезьяна или крыса казалась бы верхом стройности по сравнению с этим искалеченным насекомым, не сохранившим ни одной нормальной линии человеческого тела. Конечности распухли от холода, отяжелели и стали багровыми.

— На карточке написано: «вор», — сказала сиделка, — родители не могут сладить с ним.

Она дополнила эту краткую характеристику преступника:

— Уже год, как вся семья питается одной капустой; этот малыш поступает, как голодные крысы; он шарит по всем соседским шкафам, его бьют и выгоняют на улицу.

Он имел все привычки животных, питающихся на свалке; он залезал повсюду, куда только мог проникнуть, и хватал все съедобное; он сосал кожу, когда находил старые ботинки. Взгляд его был жестоко-упорный, невероятно сильный для такого слабого тельца. Пронзительным голосом, похожим на крик укушенного собаками зверя, он повторял:

— Я голоден.

Олдридж сказал:

— Как глубока должна быть нищета, чтобы были возможны подобные явления: тело Христа на кресте не испыты-

вало таких страданий, какие раздирают тело этого несчастного калеки.

Доктор констатировал:

— Это последний вид европейского человека, созданного войной — непосредственно за ним уже следует труп.

Кутанс, находившийся под двойным воздействием евангелической проповеди и научного утверждения, закрыл лицо руками, так как страшное создание смотрело на него. Он чувствовал, как сердце его сжимается невыносимой болью.

Выйдя из госпиталя, Олдридж некоторое время молчал, затем сказал:

— А, может быть, под землей есть огонь...

Слишком взволнованный всем виденным, чтобы сохранить свой обычный сарказм, Кутанс, тем не менее, удивился странным словам Олдриджа, который поспешил объяснить их:

— Нищета не бывает продолжительной там, где есть возможность добывать много огня углем или нефтью и приводить в движение машины. Мы ведь превращаем в огонь то, что добываем из рудников: уголь и нефть. Огонь, это — бог цивилизации. Во время каменного периода богатства людей таились в кремневых каменоломнях, которые имели тогда такое же значение, как теперь угольные и железные рудники; из этих каменоломен извлекалось все необходимое для производства орудий и оружия. К нам, сжигателям угля и нефти, промышленникам века больших топок, доменных и электрических печей, будут через века относиться так же, как мы относимся к людям с каменными ножами доисторического периода. Самая большая глубина, на которой мы еще ищем и добываем каменный уголь, равна 1000 метров; а на глубине 2000 метров, быть может, таятся залежи огня, более ценные, чем золотые россыпи. Человек умирает на неведомых ему сокровищах. Если верно, что ядро земли раскалено, все усилия механики должны быть направлены на овладение этой силой.

« — Существуют ли залежи огня наподобие залежей угля и нефти? Ясно, что не каждая буровая скважина позволит нам докопаться до огня, как не всюду находим мы уголь, нефть и руду.

« — Искатели огня принесут больше пользы человечеству, чем золотоискатели. . . Вместо колоссального труда, затрачиваемого на извлечение угля, чтобы превратить его в огонь, будут извлекать самый огонь. Подумайте: может быть, для прекращения всех страданий Вены достаточно докопаться до 2000 метров в глубину! Человек уже более не нищ, если у него есть теплота и механическая сила. Италия, теперь пребывающая в бездействии из-за отсутствия угля, через несколько веков станет самой могущественной страной в мире, ибо у нее есть Этна, Везувий, Стромболи. На Искии, плодородной и цветущей под влиянием вулканического и солнечного тепла, я видел крестьян, приготовлявших себе пищу на фумаролах. Сколько лошадиных сил и какая температура теряется благодаря нашему невежеству! Наука, которая сумеет использовать подземный огонь, освободит человечество от страданий. У нас мало богатств, и потому мы носимся с мечтами о наилучшем их распределении. Социализм и борьба за справедливое распределение доказывают благородство нашей души и крайнюю тупость нашего интеллекта. Увеличить общее богатство — это наиболее важная задача, ибо распределить его справедливо — вещь невозможная. Революция кроется в механике и химии, отнюдь не в политике. Мы сражаемся за крохи и не обращаем внимания на силы, которые во сто раз увеличат благосостояние земли. Сколько страданий перенесло человечество из-за этой войны, а ведь оно не использовало еще ни волн морских, ни ветра, ни подземного огня, ни водопадов, ни солнечных лучей, ни молнии! Придет время ловцов молнии, которые будут ловить ее в грозу и в одну секунду получают столько энергии, сколько наши фабрики производят в год; для этого, может быть, достаточно соответ-

ственным образом изменить громоотвод. Изобретатели ветряной мельницы были ближе к окончательной цивилизации, чем мы, ибо они непосредственно утилизировали природные силы, в то время, как мы занимаемся предварительно их превращением. Мы, разрушители, сжигаем уголь и нефть, тела настолько богатые разными целебными веществами, что их, может быть, хватило бы для исцеления всех болезней человечества. Дым наших заводов и паровозов, которыми мы так гордимся, доказывает скорее наше невежество, чем наше знание.

« — Я мечтаю об этом, ибо страдания человеческие приводят меня в ужас.

Зальцбах говорил Гейдриху:

— Те, кто разграбил товарные запасы Вены, утверждают, что нет больше хороших дел. Мелкие лавочники! Они помогали грабить труп империи и не понимают, что из остатков жизни можно еще извлечь порядочную прибыль.

« — Ведь в большом масштабе, ничего, кроме грабежа, еще не осуществлено: ни табачная монополия, которую мы возьмем себе, ни общества эксплуатации гидравлической силы, ни рынки труда. Если правительство продаст Венскую оперу, я ее куплю; она стоила старому Францу-Иосифу 4000 крон ежедневно; мне же она будет приносить 10.000 крон дохода. Зрелища — это единственная торговля, которая не знает банкротства; деньги получают не через 90 дней, но даже раньше отдачи товара.

Гейдрих сказал:

— Раньше, чем покупать оперу, надо вам ее посмотреть, и поскорее, потому что, может быть, она скоро превратится просто в кучу камней: спектакли прекращаются из-за недостатка электричества.

Гейдрих взял на прощальный спектакль ложу, куда граф Эрберн вошел, держа в руках предмет, завернутый в тонкую белую бумагу. Он спросил у Зальцбаха:

— Нашли ли вы уже золотые россыпи? Это, пожалуй, вещь еще более редкая, чем то, что я принес сюда.

И он развернул зонтик из венецианских кружев с резной ручкой слоновой кости.

— Эту изящную игрушку, которой Мария-Антуанета защищала от солнца свою обреченную голову, можно купить за 50.000 крон. Бедная женщина! Бедная королева! Одна из самых трогательных фигур вашей истории. Она держала этот предмет в своих руках.

— Я надеюсь, — сказал Зальцбах, — что она никогда не сделала в жизни более плохого поступка, чем этот. Мне совершенно безразлично, принадлежало ли это королеве или девке; если вы даже докажете мне, что зонтик принадлежал Бианке Кастильской¹⁾, я вам все-таки не прибавлю ни одного су. У вас нет ничего из этой эпохи? Вести торговлю, как еврей, да еще знать историю лучше Фредерика Масона²⁾ — это уже слишком много!

Граф Эрберн, возмущенный насмешкой над своей эрудицией, тоже попытался съязвить:

— Вы бы предпочли, чтобы я вам предложил машины для обработки золотой руды. А вы мне дадите учредительский пай?

— Да, — сказал Зальцбах, — ибо вы мне будете нужны. Он сказал это так серьезно, что граф Эрберн, надеясь на выгодное дело, больше не пытался возражать.

— Моя совесть... — начал он.

— Бедняжка! — пожалел ее Кутанс.

— ...обязывает меня сказать вам, что, работая со мной, вы получите не мало пользы. В Вене есть масса старинной мебели, принадлежащей обедневшим семьям, а в Париже много новых капиталов в семьях, которые хотят показать, что их

¹⁾ Знаменитая французская королева, жена Людовика VIII.

²⁾ Известный французский историк. (Прим. перев.)

состояние — давнишнего происхождения. Люди, разжившиеся на войне, ищут старинную мебель, чтобы при помощи обстановки придать своему молодому богатству видимость наследственного. Они покупают даже некрасивые вещи, лишь бы они были стары. Антикварные торговцы Парижа: Янсен, Зелигман с большой прибылью продали заваливавшуюся у них старую мебель со сломанными ножками и изъеденные молью ковры.

— Верно, — подтвердил Кутанс, — я знаю фабриканта артиллерийских колес, которому нужна мебель только в стиле Людовика XIV. Он убежден, что сидеть в пиджаке на кружевах, это дурной тон и что у себя он должен одеваться соответственно стилю своей мебели. Он еще не решился заменить свой 16-ти сильный автомобиль каретой, запряженной шестеркой лошадей; заменить ватер-клозет стулом с круглым отверстием, носить парик и облачаться в лохмотья, которым было бы, по крайней мере, 300 лет, но он уже сшил себе домашний халат с цветами и заколотил у себя ванную комнату. Его богатство вызывало у него такую же болезнь, как у Людовика XIV.

— Фистулу?

— Нет, отсутствие терпения; он не может ждать: его надо сейчас же принять. У него есть наследственный столетний стол, на котором кололи свиней, он до такой степени пропитался кровью, что его считают изготовленным из крайне редкого дерева: рыжего эбена. Ему предложили за него двадцать тысяч франков — он отказался. Его жена угощает на этом столе чаем и печеньем своих гостей, которые завидуют ей, — обладательнице такой прекрасной наследственной мебели.

Граф Эрберн предложил:

— Вот что им подойдет, — и вытащил из кармана овальную миниатюру. — Она очень старинная и из слоновой кости, что доказывается прозрачностью тонов, чего невозможно

достигнуть на простом картоне. По этому признаку мы и отличаем подделки. Имитаторы этих миниатюр очень ловки, но не имеют в своем распоряжении пластинок слоновой кости, на которых могли бы проявить свое искусство.

— А вы бы им посоветовали, — сказал Зальцбах, — попробовать колбасные ломтики.

Гейдрих указал на слабо освещенную залу без единого свободного места. Головы зрителей на галерке выделялись во мраке кружками бледных пятен.

— Зала полнее, чем при империи; смотрите, сколько публики стоит позади партера; но роскошных туалетов совершенно не видно, ни драгоценностей, ни красивых материй; до войны зала сверкала бриллиантами и обнаженными плечами; сейчас блестят только глаза красивых женщин. Императорская ложа не наполнена, как раньше, придворными офицерами в блестящих формах и принцессами в диадемах, ее устали стульями по 30 крон.

— Правильно, — одобрил Зальцбах, — вместо того, чтобы давать убыток, она теперь приносит доход. Если бы вы всегда вели свои дела таким образом, вам не пришлось бы теперь экономить на освещении, что очень неприятно, ибо мешает разглядеть прелестную блондиночку, которая уже два раза обернулась к нам; хорошенькая курочка.

— С красивыми зубами.

— А у нее собственные зубы?

— Очевидно. Если они прикреплены к ее деснам — они дар божий; если они фальшивые, значит они оплачены ею.

Гейдрих отозвался о ней более достойным образом:

— У нее не осталось ни одной драгоценности; ее украшает только одна ее природная красота.

— Она их продала, — сказал граф Эрберн, — или же она их прячет. Если бы вы послушали меня, то заработали бы много денег. Я знаю графиню Койос. Она мне передала для реализации очень красивый жемчуг и ятаган с рукояткой,

украшенной рубинами, подарок Наполеона I Мюрату; он перешел затем в семью генерала Дюфура, а потом к графине Койос.

Он приблизился к краю ложи и отвесил графине глубокий, медленный поклон; она скромно ответила ему.

— Это вполне достоверно; оружие, собственноручно пожалованное вашим величайшим полководцем. Я не понимаю, почему вы так пренебрежительно относитесь к этим доказательствам вашей славы в то время, как итальянцы, как только завладели Веной, вывезли из Гофбурга все картины, имеющие отношение к их истории. Портреты во весь рост Марии-Антуанеты и Людовика XIV все еще находятся в передней вашей репарационной комиссии.

Зальцбах начал утешать этого историка:

— Я не хочу отвлекать вас от торговли: у вас такое замечательное призвание к этому, что его нужно всячески поощрять, как сказал раз барон Ротшильд, прогуливаясь по Франкфурту. Сопровождавший его барон Поллак, предупредил его: вложи свой носовой платок в карман, этот грязный жиденек, который следует за нами, украдет его. Ротшильд ответил: не надо мешать людям, у которых такие хорошие наклонности: мы все начинали с малого.

Кутанс отдыхал от ужасов госпиталя, любуясь женщинами.

— Мало роскоши, но красивая кожа; корсаж сзади меньше открыт, чем у парижанок, у которых зад теперь больше в моде, чем грудь. Тут много красивых женщин с прекрасными формами.

— Они тем более прекрасны, что ты их никогда не видел раньше и не увидишь потом, — сказал Зальцбах. — Незнакомки всегда очаровательны; вот почему мы влюбляемся во время путешествий. Красота привлекает нас, когда у нас есть свободное время. Любители женщин не ценят англичанок; самое большое мое увлечение было в Лондоне 23 марта

1904 года. Я обедал в Савой-Отеле, рядом с одной лэди. Она была скрыта зеленью, украшавшей зал, и я ни разу не видел ее целиком. Качание пальмы открывало моему взору то лоб и глаза, то рот с подбородком; мне ни разу не удалось видеть носа; затем я видел рыжие волосы, синие зрачки и розовую кожу, освещенную игрой бриллиантов; она была похожа на зарю в лесу; я понял, что женщина может ослепить, как солнце, но это было в день, когда у меня не было дела и я скучал.

Гейдрих понимал такой энтузиазм.

— Голова женщины — это прекрасно.

— Снаружи, — заключил Зальцбах.

— Венки, — сказал граф Эрберн, — считаются самыми красивыми женщинами в мире; соседство и смешение стольких рас привело к тому, что венская женщина сочетает в себе все их очарования; тут вы встретите и удлинённые азиатские глаза, молочно-белую кожу германок, турецкую смуглость, белокурые и гладкие, черные и волнистые волосы. Дочери Дуная превосходят разнообразием дочерей Рейна. У них нет определенного классического типа, как у немки, для которых характерно сочетание синего, розового и белого цветов при известной полноте форм. Венских брюнеток не так-то легко определить одной формулой.

Кутанс пробормотал про себя:

— Неужели он опять кончит тем, что любезно сообщит нам адреса?

— Вы представитель Марии-Антуанеты, — обратился он к графу Эрберну. — Должен вам сказать, что я бы предпочел иметь дело с вашей доверительницей. Знакомы ли вы с известными французскими фамилиями Бони де Картелян и Бибу де Монпарнас?

Граф Эрберн ответил, что он не имеет чести быть знакомым с господином де Монпарнас, и продолжал возбуждать этих людей, падких до женщин.

— У вас есть очаровательные женщины в окрестностях Парижа, у старинных королевских дорог. Дворяне Людовика XIV на остановках охотно щипали за подбородок хороших крестьянок, и в результате красивые девушки, собирающие ныне овощи для продажи в Центральном рынке Париже, имеют вид маркиз и атласную грудь. Я предпочитаю антверпенских испанок севильским; андалузцы герцога Альбы наградили белокурых фламандок очаровательными черными глазами.

« — Французская политика очень любопытна, если рассматривать ее со стороны женской юбки; на многих руководителей государства сильное влияние имели кровать и женская туфля. Во французской истории большую роль играли женские ляжки: белоснежные — Агнесса Сорель, мадам дю-Барри и несколько замечательных головок: мадам де Мэнтенон, императрица Евгения, графиня Д'Оссонвиль.

— Роль ляжек осталась до сих пор замечательной, — сказал Кутанс, — женщинам приписывают известное всем слабумие Людовика XV, смерть Феликса Фора и борьбу между вождами синдикалистов, влюбленными в одну машинистку, молодую девушку, нежно любящую своего ребенка. Когда она обзавелась любовником, она говорила, что потеряла голову; ей возразили, что голова тут не при чем и что она ошиблась, назвав не ту часть тела.

Олдридж начал расхваливать американские нравы:

— Самые красивые женщины в мире находятся в Бостоне и в Отель-Континенталь на улице Кастильоне, где останавливаются американки. Я говорю только о женщинах, достойных уважения. В Америке женщина господствует над мужчиной, но ее перестают уважать, если она виновна в адюльтере. Во Франции господствует мужчина, но он становится посмешищем всех, если ему изменяет жена. Мы не понимаем бесчестия обманного; позор вины ложится на виновного.

Зальцбах изрек свою мысль о женщинах:

— Дела заменяют страстную любовницу.

Кутанс попробовал изобрести пословицу:

— В доме рогоносца нельзя говорить о любви.

Улыбающийся граф Эрберн мягкими жестами, ибо руки его уже не были заняты пакетами, красноречиво восхвалял женскую красоту:

— Нельзя отказать в чести даже тому, кто крадет, чтобы украсить женщину. То, что человек делает из-за любви, вплоть до кражи — это самое прекрасное, что он может сделать со времени изгнания из рая.

« — Бог был очень добр или обманут первой слезой женщины на заре мироздания, когда он решил наказать непослушание необходимостью работать, а не невозможностью любить. Если бы он сказал не «в поте лица твоего будешь есть хлеб твой», — а «ты не будешь больше способен к той ласке, которой тебя научил Сатана»... то вместо сожаления о потерянном рае, было бы у нас сожаление о потерянной любви, и это было бы несравненно ужаснее.

— Понятно, — сказал Зальцбах, — он заставил нас возводить фабрики, но не сделал невозможным строить лупанары.

— Слепец Мильтон ¹⁾ ошибся. Рай не потерян: мы должны работать, но у нас остается утешение, что мы это делаем для женщины.

— Как и наоборот, — сказал Кутанс.

Граф Эрберн не понял смысла фразы, заключенного в двух словах; он помолчал, желая дать возможность Кутансу объясниться; последний, однако, считал, что в законченном виде выразил свою мысль. Граф Эрберн продолжал:

¹⁾ Английский поэт, автор «Потерянного и возвращенного рая». (Прим. перев.)

— Война разорила меня, я занимаюсь коммерцией, потому что я еще понимаю любовь, иначе я бы, как многие другие, согласился носить грязное белье и есть вареную капусту. Я знаю таких людей, которые имеют ценнейшие коллекции; у них не хватает смелости распродавать их; если бы они должны были окружать женщину роскошью, у них появилось бы больше храбрости.

— Царство небесное, — сказал Олдридж, — напоминает купца, который ищет красивый жемчуг.

— И мужчину, — добавил Кутанс, — который ищет красивых женщин. Так как счастье заключается в возможности менять то, что нам надоедает. Мы были бы несчастны, если бы не было любви.

— И войны. Какое очарование заключено в войне, если человек, столько раз уже разочарованный, истощенный, снова и снова устремляется к ней!

— Скажите мне, кто изобрел войну, — промолвил Пшебель, — и я его задушу собственными руками.

Гейдрих был не так категоричен.

— Женщины вносят в нашу жизнь и прелесть и неудобства; они достойны коленопреклонений и проклятий; для них, вдохновляющих нас и лишаящих нас образа человеческого, изобретена поэзия и палка; для них человек создал первые два инструмента из дерева и веревок: арфу и кнут.

Олдридж указал на великолепные розы на чем-то корсаже.

— Господь велик в розах и жалостлив в своем человеколюбии. Он явил свое милосердие, сделав возможным любовь человека к труду, на который он обречен.

«— Для того, чтобы заставить людей страдать, без пролития крови, достаточно заставить их выполнить заведомо бесцельную работу: перетаскивать с места на место тяжелый камень, вращать свободное колесо, разбирать на волокна старые морские канаты, чтобы потом их сжечь. Католическая

религия не додумалась для своих осужденных до каторжных работ данайд, ни до английских законов, применяемых судьями, которые в промежутках между судебными заседаниями забавляются травлей лисиц, привозимых из Франции в клетках. Пятьдесят охотников, мужчин и женщин, одетых в красное, выпускают лисицу в Суссекских равнинах и с трубными звуками травят ее собаками. Вместо всего этого шума и затраты такой энергии, чтобы поймать и убить животное, уже бывшее у них в руках, — не проще ли было бы сразу это сделать? Такая же глупая игра, как и каторжные работы, однако, не приводящая к отчаянию, ибо выбрана добровольно. Рай заключается в любви к тому труду, которым мы занимаемся.

Зальцбах с насмешкой сказал:

— Умный человек живет чужим трудом, дурак живет своим собственным.

Кутанс выразил свои убеждения следующей мыслью:

— Труд утомляет человека — следовательно, человек не создан для труда.

Пшебель задал вопрос:

— Что такое усталость?

Гейдрих хотел завоевать благосклонность Кутанса:

— Любите ли вы музыку?

— Я ее люблю так же, как Зальцбах, который увольняет своих слуг, если они чихают на си вместо си бемоль. Я не могу слышать без слез арии из «Фауста» и крика торговцев зеленым горошком. Их возгласы почти так же прекрасны и мелодичны, как: «тени бессмертных предков».

Громкое веселье ложи вызвало возмущение партера.

Французы перестали шутить; оркестр играл; толпа, как бы сдавленная внезапной тьмой зала, благоговейно молчала. На освещенной сцене началась радость пения. Ариадна лежала на скалах; нежные и могучие голоса женщин вибрировали; как бы поднятая музыкой, Ариадна медленно встала.

— Мария Иерица, — сказал Гейдрих.

Певица, прекрасная, как легендарная королева, украшала своей ослепительной наружностью сверкающую в темной зале сцену; Иерица была последним отблеском бывшего великолепия венского двора. От потерянной роскоши ничего не осталось, кроме этой сверкающей женщины, руки которой, украшенные бриллиантами, казалось, струили свет. В ее волосах пробегали золотые блики.

Гейдрих тихо сказал:

— Когда она распускает их, чтобы играть Эльзу в «Лоэнгрина», они касаются земли. Когда она поет, пять тысяч людей удерживают свое дыхание.

Богиня музыки, она была обожаема этой неподвижной в темноте залы толпой, откуда не доносилось ни одного вздоха.

Кутанс был более склонен к легкому французскому жанру, чем к нежной духовной ласке музыки; он очень уважал остроумных людей, но эта молчаливая толпа открывала ему то, что существует за пределами слова. Потуги графа Эрберна, желавшего очаровать французов, казались ему жалкими рядом с молчанием Гейдриха, который закрыл руками лицо. Кутанс, освобожденный от соблазна насмешки, покорно слушал и был восхищен. Музыка так же учащала его дыхание, как это раньше сделало горе. Обычный сарказм Кутанса был раздавлен благоговением толпы; ему стал понятен ослепительный свет, горевший в душе этой массы людей; экстаз коснулся его, как ожог, и подчинил себе его волю, изгнав из нее всякую суетность; под влиянием таинственных сил, он был бы неспособен теперь громко заговорить, нарушить молчание толпы. Как в госпитале, он чувствовал невозможность ненависти или убийственного презрения; перед ним проплыло видение, о котором он так мало помнил, что забыл его черты — образ Доброты.

Всегдашняя энергия Кутанса, побежденная чарующей силой, сменилась усталостью, доставлявшей ему невыразимое

наслаждение. Последний такт оркестра коснулся тишины, прозвучал и замер над благоговейной толпой. После короткой паузы, раздался гром рукоплесканий, крики и стук. Партер надвинулся на эстраду, приветствуя певицу, дружески подталкивавшую на сцену Рихарда Штрауса, чрезвычайно робкого, по сравнению со смелой белокурой женщиной.

Она улыбнулась при виде окружавшего его неистовства. Шумная толпа поклонилась под гулкими сводами храма своему божеству: Наслаждению.

— Вот, — сказал Гейдрих, — чего не будет уже завтра из-за недостатка света и что, может быть, умрет навсегда вместе с Веной. Сможем ли мы содержать оперу при нашей теперешней нищете? Согласитесь, что вся Европа, весь мир почувствует потерю такого блестящего очага культуры, каким является Венская опера.

« — Французская и английская пресса упрекают нас в том, что Вена, несмотря на голод, все же является городом удовольствий. У нас, правда, есть и Мулен-Руж, и Табарен, у нас есть свой Монмартр, у нас привились все особенности и привычки парижского разврата, но над всеми этими видами увеселений, рассчитанными на иностранных кутил, возвышается Венская опера, принадлежащая всему человечеству.

Последние аплодисменты замирали на затихших улицах низложенной столицы, на которых не было ни одного вагона трамвая: электрическая сила иссякла, слышен был лишь резкий топот копыт изможденных лошадей; нищета города безбрежным океаном тьмы разливалась вокруг островка света и роскоши — блистающей огнями оперы. Кутанс, выйдя на улицу, потерял в темноте своих спутников.

Прислонившийся к столбу человек попросил у него милостыню: яркий свет из вестибюля резко выделял его силуэт на фоне ночной темноты; из мрака позади него подымались призраки; в противоположность опере, где белокурая певица царила над беснующейся толпой, он являл собой символ

человечества, дошедшего до последней степени падения, до состояния гниющего трупа. Царственная очаровательная Ариадна, казалось, принадлежала к совершенно другой расе: они больше отличались друг от друга, чем день и ночь, свет и тень, красота и безобразие, ибо одна олицетворяла Роскошь, а другой — Нищету. Бледный человек со впалыми щеками, покрытыми редкой растительностью, держал на худых руках ребенка, с лицом зеленого цвета, с покрасневшими от холода ушами и носом. Нищий с очевидным усилием прижимал к себе истощенное тельце ребенка, поддерживая свое равновесие тем, что плотно прислонился спиной к колонне, не представляя большей выпуклости, чем наклеенная над ним афиша:

«АРИАДНА НА НАКСОСЕ»

музыка Р. Штрауса.

Примадонна Мария Иерица».

На лице ребенка застыла плаксивая гримаса. У него не было больше сил плакать; он уже отказался от радости выражать в звуках свое страдание: он был уже за пределами слез. Кусок хлеба, который играющие дети бросают лебедям, плавающим по улыбающейся поверхности бассейнов, дал бы ему блаженство рая.

В выражении серьезных лиц нищего и ребенка был ужас катастрофы. За этими страшными лицами царила тьма и угадывалась нищета. Их молчание было более значительно, чем молчание толпы, сдерживавшей свое дыхание при последних звуках песни Ариадны.

Зальцбах взял Кутанса под руку:

— Мы думали, что ты у боковой двери, через которую выходят певицы. Я тут заметил много элегантно одетых мужчин; граф Эрберн прав — венские портные — лучшие в мире.

Лондонским портным легче работать: они одевают спортсменов, их репутация достается им легко; здесь же элегантно одеты и пузатые мужчины.

У него была мания одеваться у всех портных мира, так как он желал скрыть толщину своего мощного, неповоротливого тела. Граф Эрберн дал ему адрес своего портного и посоветовал побольше ходить пешком.

— Я недостаточно богат, — сказал Зальцбах, — или недостаточно беден, чтобы позволить себе роскошь ходить пешком; я присужден к автомобилю. Терять время на ходьбу может лишь тот, кто очень богат, или же тот, кто отказался от мысли разбогатеть. Свободны лишь люди, имеющие очень много денег или их совершенно не имеющие; у меня есть деньги, но меньше, чем их есть на свете, и потому мне некогда ходить пешком.

В Париже Зальцбаха называли «Толстяк», как по величине его фигуры, так и по величине затеваемых им дел; Кутанса называли: «Полутолстый».

Ни массаж, ни искусственное потение не могли освободить Зальцбаха надолго от жира; Зальцбах худел только, когда его донимали денежные заботы. Уменьшение богатства было ему так же чувствительно, как бедняку надвигающийся голод. Случайная потеря одного миллиона из сорока, обладателем которых он был, повергала его в такое отчаяние, как будто ему уже нечего было есть.

Окружность его живота уменьшалась на три сантиметра в 15 дней, когда хлопок понижался в Ливерпуле или Гавре: Зальцбах худел одновременно со своими текущими счетами в банке и одновременно с ними же и толстел: радость приобретения придавала ему хороший аппетит.

Он взял Эрберна под руку и сказал:

— Вы раньше говорили, что когда бог вышвырнул человека из рая пинком ноги в зад, он все же был настолько милосерден, что оставил ему в утешение венки...

Кутанс сказал Зальцбаху:

— Тебя считают сумасшедшим, когда ты говоришь о золотых россыпях в Вене: я же начинаю тебя понимать.

— Герр Фройденберг тоже, — ответил Зальцбах. — Мы тут в стране первых дипломатов мира; правда, они немного потускнели с 1914 года; внешняя политика Австрии представлена деятелями хуже наших только потому, что хорошие венские дипломаты занялись делами. Со времени войны, люди изобрели много новых способов коммерческого воровства; они еще не установлены окончательно; каждый ищет новых путей для надувательства; австрийские коммерсанты, может быть, уже нашли свой новый путь. Гейдрих забавляет нас и всегда соглашается с нами. Фройденберг же сразу сообразил, как нас лучше надуть. Я сильнее их только потому, что они бедны; нищета видна сразу на рабочем; у высших сословий она прикрыта старым фраком и гордостью. Очень унижительно сознавать, что твое превосходство основывается только на деньгах. Фройденберг был настолько хитер, что скрыл от меня свое богатство. Пойдем к нему и объяснимся.

— Герр коммерциентрат ¹⁾, — сказал он ему, — я боюсь, что в данные мне вами сведения вкралась ошибка: вы указали слишком низкую цифру заработной платы.

¹⁾ Господин коммерции советник. (Прим. перев.)

— Ошибка, — ответил, улыбаясь, Фройденберг, — всегда возможна; исправление ошибки тоже. Но определение в точности меняющихся каждый день цифр — задача, недостойная вашего ума. Оставим эту работу бухгалтерам; мы, хозяева, должны обращать внимание только на общие законы рынка; вам необходимо знать, что крона в Австрии имеет еще ценность и что ею выплачивается заработная плата, но что крона, переведенная на какую-нибудь заграничную валюту, теряет всякую ценность. Если здесь давать рабочему пятьдесят крон в день, он работает и живет; если вы пошлете эти кроны в Цюрих, то там рабочий выпьет за них один стакан пива — ценою в пятьдесят сантимов. Вывод таков: надо вводить в Австрию капиталы для оплаты труда, ибо если труд оплачивается высоко, то страны с низкой заработной платой — единственные страны, где можно разбогатеть.

— С какой целью, — спросил Зальцбах, — вы преувеличили вашу потребность в деньгах. У вас есть текущий счет в Country Council в Лондоне, в Guaranty Trust в Нью-Йорке, в Banque d'Alsace et de Lorraine в Париже, в Banca di Sconto в Триесте; значит, у вас есть и фунты, и доллары, и франки, и лиры. Почему, вместо того, чтобы с гордостью заявить о своем богатстве, вы предпочли заставить нас думать, что вы бедны, и с какой целью уменьшали вы размер выплачиваемой рабочим платы?

Эти откровенные вопросы совсем не смутили Фройденберга.

— Я закончу вашу мысль, — сказал он. — Вы хотели монополизировать мое производство и заставить меня плясать под вашу дудку. Приобрести дело целиком вы не хотели; вы сообразили, что выгоднее покупать только труд. Через два года прибыль, полученная вами от моей фабрики, была бы достаточна, чтобы купить всю фабрику. Если бы я продолжал управлять фабрикой с помощью ваших капиталов,

я выполнял бы всю работу, плодами которой воспользовались бы вы; я бы стал вашим рабом, будучи связан договором, по которому ваша доля, вложенная в предприятие, быстро переросла бы мою.

Манера, с которой поклонился Зальцбах, ясно показывала все его уважение к этому пронзительному человеку; оба обменялись любезными улыбками, каждый предостерегая малейшую неосторожность своего партнера.

Кутанс объединил их:

— Когда люди так хорошо понимают друг друга, они созданы для того, чтобы работать вместе.

— С большим удовольствием, — сказал Фройденберг.

Зальцбах, однако, согласился не так быстро.

— Вы предвидели, что низкая заработная плата и отсутствие у вас капиталов увлекут меня. Вы хотели усилить это увлечение, преуменьшая и величину заработной платы и величину имеющихся в вашем распоряжении капиталов. Для какой цели вы это делали?

— Чтобы добиться того, что мне сейчас предложил господин Кутанс; чтобы объединиться, а не для того, чтобы враждовать. Я хорошо понимаю вашу мысль в общем, если не все ее детали; будем ее осуществлять вместе; монополизировать производство других. Я могу это сделать без вас; вы не можете это сделать без меня. Мне легче найти капиталы или же бросить в дело свои собственные, чем вам найти сотрудников для овладения австрийской и чешской промышленности.

— Я счастлив, — сказал Зальцбах, — что встретил такого ловкого человека. Приготовьте контракты найма рабочей силы, и мы с вами заключим соглашение: я основываю Банк Труда и Товаров. Наш капитал будет состоять из сырья, которое будет обрабатываться в странах с низкой заработной платой: Австрии, Чехо-Словакии и Польше. Во всем мире в ближайшие годы будет наблюдаться повышение цен на все

решительно товары, благодаря недостатку угля, транспорта, оскудению движущей силой и обилию стачек.

« — Мы будем обрабатывать такое сырье, которое требует приложения большого количества труда, и обработку его будем производить там, где рабочая сила дешева.

« — Люди оставляют Вену, говоря: это самый несчастный город в мире: по этой же причине я прихожу сюда и хочу совершить чудеса. Нищета, это — золото. Тут бездействует множество рук. Доставив сюда достаточно материалов, чтобы дать работу 25.000 женщин по 40 крон в день, я съэкономлю 18 миллионов в неделю на одной только разнице в заработной плате по сравнению с Францией, где минимальная плата за восьмичасовой день — 12 франков.

Поговорив еще дружески о некоторых деталях, они расстались, обменявшись рукопожатиями.

Зальцбах изъявил желание вернуться в отель Захера пешком; он занимал на тротуаре много места, потому что часто упирался кулаками в бедра и расставлял локти.

— Мы достаточно далеко подвинулись по пути к богатству и можем позволить себе попотеть с полчаса на прогулке.

Кутанс хотел с ним поговорить о невероятной худобе людей, виденных им во время объезда, совершенного с Олдрижем. Он уже целый час чувствовал, что должен ему сказать что-то очень важное, для чего он не находил нужных слов. Это настроение не давало ему возможности принять деятельное участие в разговоре с Фройденбергом; ибо противоречие между коммерцией и человечностью занимало его в такой же сильной степени, как и выгоды затеваемого дела.

Зальцбах был в радужном настроении:

— Фройденберг не был настолько глуп, чтобы считать меня сумасшедшим. Эта страна может продать свою нищету; мы ее купим. Видишь ли ты теперь, какие в Вене золотые россыпи? Здешние рабочие по коже, золоту, серебру — такие же мастера, как в Париже. Постой-ка немного перед

витринами этих магазинов на Картнерштрассе. Магазины мужского белья доказывают, какой Вена шикарный город. Я себе тут закажу рубашки; это будет даром. Человеческая нищета — золотые россыпи.

Кутанс, наконец, нашел ту мысль, которую так долго искал и которая отвечала одновременно его чувствам и материальным интересам.

— Почему ты так хочешь заработать на рабочем, вместо того, чтобы зарабатывать на покупателе? Для покупателя товар никогда не будет слишком дешев; не следует забирать у несчастного рабочего последние капустные листья.

— Я достаточно буду на нем зарабатывать, чтобы давать ему и мясо. Я не хочу погубить наше дело повышением продажных цен. Уже четыре года, как все стали хорошими коммерсантами; всякий дурак может теперь хвастать удачей, потому что завтра всегда продаст дороже, чем купил сегодня. Это изменится к несчастью тех, которые не могут заглянуть в дело поглубже и постараться найти прибыль в уменьшении расходов производства. Крупный французский капитал образовался именно на основе низкой заработной платы. Текстильщики Севера и Запада, металлурги бассейна Луары, фабриканты Лиона собирали свои миллиарды на стрижке рабочих. Текстильщики, получающие сырье, взамен которого они должны дать выделанный товар, не могут наживаться иначе, как на заработной плате, ибо они сами не продают готового товара. Они эксплуатируются теми, которые им дают сырье для обработки, но сами, в свою очередь, высасывают кровь из рабочих, и я знаю много богатых семей, которые собирали свои миллионы на рабочей копеечке.

«— Какой бы договор Фройденберг ни заключил со своими коллегами, они всегда найдут способ получить прибыль с рабочего; они уменьшат, насколько могут, его заработную плату. Не беспокойся о них!

— Я беспокоюсь не о них, а о рабочих.

— Ты становишься социалистом, — сказал Зальцбах. — Что твое — мое, что мое — мое? Я был бы богаче, если бы эксплуатировал рабочих, вместо того, чтобы начать свою карьеру мелкой продажей товаров и валюты.

«— Именно из-за низкой оплаты труда шелковая промышленность переселилась в Дофинэ и Форэ¹⁾, хлопчатобумажная в Вогеzy¹⁾, льняная — на равнины Камбрэ¹⁾. Нищета этих стран стала причиной их богатства; теперь это — места крупной промышленности. Сколько путешествий совершал товар в поисках деловых рук: от кружевницы из Жерармера, работающей за 10 су в день, до китайских рабочих, довольствующихся чашкой риса! Все капиталисты всего мира устремляются туда, где много дешевых рабочих рук.

«— Я не совершаю особого преступления, поступая, как они, и в то же время, я освобождаюсь от зависимости от французского рабочего, который обходится слишком дорого. Промышленникам всего мира выгоднее работать в Австрии, чем пользоваться трудом острожников в своей собственной стране.

«— Я как-то финансировал одного лильского промышленника, который устроил в Центральной тюрьме Лооса²⁾ электротехническую мастерскую; только принудительный и низкооплачиваемый труд каторжников давал нам возможность выдерживать немецкую конкуренцию. Сейчас у нас для господства над рынком есть лучшее средство, чем тюрьма — голод».

Кутанс, по натуре жесткий в делах человек, охваченный волнением от виденной им нищеты, продолжал в своей душе борьбу между коммерцией и жалостью; в его душе был одно-

¹⁾ Дофинэ — одна из южных провинций Франции с главным городом Греноблем, Форэ — тоже южная провинция, расположенная по соседству с Лионом; Вогеzy — провинция в Лотарингии. Камбрэ провинция на севере Франции.

²⁾ Лоос — фабричный город на севере Франции. (Прим. перев.)

временно Иисус и торговец в храме; он мог бы стать святым, если бы он не был коммерсантом.

Зальцбах имел только одну страсть — богатство. Остерегаясь любви и политики, он ценил только деньги и говорил: «Богатого всегда любят или выбирают, если он умеет не быть гордым». Самой большой и чистой радостью было для него заработать что-нибудь на другом; он увеличивал свое богатство крупными суммами, с одинаковой тщательностью приходя выигрывать в двести тысяч франков в день удачной биржевой игры и следя за своевременным учетом чеков, чтобы не потерять ни одного сантима процентов. Все его мысли облекались в форму разницы двух величин: продажной и покупной цены; в этой области он не допускал никакой рассеянности; даже сон не прекращал его работу торговых расчетов: его сны были полны арифметики. Он охотился за деньгами, как хищник за добычей; цепко схватить их было его величайшим наслаждением. В этой работе он не ощущал усталости. Он любил детей и, как они, был недоступен жалости. Не предаваясь ни обжорству, ни пьянству, он вел более умеренную жизнь, чем большинство порядочных людей; доказательством этому были его всегда свежий цвет лица и крупное мясистое тело, которое он не подвергал никаким излишества, кроме излишества в неподвижности. У него не было обычной еврейской чувственности, и он посещал женщин так же, как садился за стол — только по необходимости. Его деловая деятельность не давала ему возможности установить свое обеденное время. Он никогда не поручал никому важных дел и говорил: «Я не доверяю так называемым доверенным, когда я хочу быть спокойным, что дело будет сделано так, как нужно, я всегда его выполняю лично».

Когда он назначал деловое свидание, он никогда не пользовался наречием: около; он не говорил около девяти часов, а в девять часов — и являлся ровно к этому сроку. Он не был зол; он не потерял бы ни одной минуты, чтобы причинить зло

человеку, на котором он не мог бы ничего заработать. Посвятив себя Прибыли, а отнюдь не Ненависти, он прощал все оскорбления, кроме неуплаты долга. Самым большим преступником, по его мнению, был не убийца, а банкрот. Шейлок, — потребовавший в уплату долга фунт человеческого мяса, казался ему более глупым, чем страшным; заставить людей расплачиваться кровью, не являющейся торговой ценностью, было, по его мнению, коммерческой бессмыслицей. Ему, Зальцбаху, нужна не их кровь, а их богатство.

Он ненавидел в своей жизни только одного банкрота, который предпочел умереть, чем работать всю жизнь на уплату долгов, сказав: «Лучше сразу издохнуть». Этот отказ Зальцбах считал самой большой гнусностью. Честь и спасение человека, поскольку это касалось Зальцбаха, зависели от того, есть ли возможность что-нибудь заработать на этом человеке: когда он был уверен, что деньги вернутся к нему с процентами, он их одалживал охотно; он открыл широкий кредит двум фирмам, находившимся на краю банкротства, чем сразу вернул им их богатство, но он получил за это право участия в прибылях; с другой стороны, никакие самые горячие мольбы о помощи людей, ползающих перед ним на коленях, не трогали его, если эти люди не были в состоянии представить первостепенные гарантии. К своему должнику он питал чувство, похожее на чувство охотника к преследуемой им дичи: он чувствовал симпатию к тем людям, которым он причинял материальный ущерб. Он презирал людей, не занимающихся торговлей — вроде профессоров, чиновников, рантье. Приглашенный на лекцию в Сорбонне о железоделательной промышленности, он ответил: «Мне необходимо позаботиться о продаже партии полутвердой стали и у меня нет времени слушать людей, которые говорят не для того, чтобы что-нибудь продать или купить». Во всех вещах он ценил только доставляемый ими доход и не мог себе представить, чтобы можно было тратить деньги на поддержание какого-нибудь

убыточного предприятия. У него не было никакой любви к традициям. О людях, которые не хотели расставаться со своим старым домом, который стоил им больших денег, он говорил: «Они не умеют продавать».

Он считал безумием беднеть для того, чтобы поддерживать свою собственность; для него все было лишь товаром. Он говорил: «Люди умеют обрабатывать землю, а я умею обрабатывать деньги».

Этот неумолимый человек имел только одну слабость — склонность к балагурству.

Зальцбах, с смеющимся добродушным лицом, разговаривал в охотничьем зале отеля Захера с теми, кого он хотел превратить в послушных компаньонов. Предпринятая им большая работа по организации Банка Труда и Товаров подходила к концу. Алчным взорам Зальцбаха, наконец, открывались вожаденные золотые прииски.

Эрнст Попишиль привел с собою Пьетро Баби, представителя фирмы Капелино и Тордо в Милане, известного тем, что в первый же месяц после перемирия он успел сделать в Вене оборот на тридцать миллионов, отправляя в Триест иголки, купленные по 1 кроне 25 геллеров за тысячу и перепродавая их в Рио-де-Жанейро по цене в 25 и 50 раз большей; покупая немецкий коньяк по 8 крон 50 геллеров и продавая его, под видом французского, по цене в девять раз большей.

Граф Эрберн предложил этому итальянцу, с бритым лицом, саблю Мюрата, украшенную рубинами.

Итальянец был восхищен.

— Какая прелесть! Такой товар я бы брал вагонами. Вы мне передаете это на комиссию или продаете? Я предпочел бы, чтобы мы оба участвовали в этом деле. Я ожидаю мандата, который уполномочил бы меня заключить с вами всеми соглашением. *Passato il pericolo, gabbato il Santo.*

— Мы собрались сюда, — сказал Зальцбах, — для хорошего дела, то-есть для такого, которое выгодно для каждого участника. Если я, положим, покупаю саблю графини Койос, то я стараюсь купить ее подешевле, ибо эта дама, насколько мне известно, не фабрикантша, и я ее больше не увижу. Компаньоны же должны встречаться часто; если они недовольны друг другом, они истощают свои силы во взаимной борьбе, и их предприятие слабеет. Я хочу поэтому, чтобы все были довольны.

Господа Эрнст Попишиль, Пшебыль, Гейдрих, Пьетро Баби, Олдридж, Кутанс и я образуем правление Банка Труда и Товаров, которого я буду председателем, а господин Иоган Фройденберг директором-распорядителем.

Баби сказал:

— Прекрасная комбинация.

Олдридж добавил:

— Я готов завязать с вами сношения от имени Малькольма и К^о, снабжая вас необходимым для обработки материалов. Мы начнем с тканей и кожи. Условия, в которых мы будем работать, могут еще ухудшить положение населения здесь на месте. Будем ли поддерживать заработную плату на ее теперешнем низком уровне, или же, создавая работу с целью извлечения прибыли, мы, вместе с тем, постараемся и спасти рабочих? Хотим ли мы возродить этот народ или только воспользоваться тем, что он умирает?

У Зальцбаха дрогнула верхняя губа, лицо его выражало досаду, что приходится терять больше времени, чем он рассчитывал. Он ответил таким сердитым голосом, какого никто не предполагал у него. Все с удовольствием констатировали, что он способен к гневу; они чувствовали себя сильнее, узнав, что у Зальцбаха есть слабое место.

— Мы не можем, — сказал он, — основывать дело на жалости: мы должны либо завоевать успех, либо остаться в дураках, или, хуже того, стать мошенниками. Наша ком-

мерческая честь велит нам зарабатывать деньги. Каждый из нас может частным образом заниматься благотворительностью из той прибыли, которую ему доставит наше предприятие. Но банк, как таковой, не является благотворительным учреждением.

Фройденберг вступил в свою роль директора-распорядителя более спокойной речью:

— Если Австрия погибла, то и мы погибнем; вы, доверив ей свои капиталы, а я вложив в нее свои. Мистер Олдридж прав, когда он думает, что предприятие должно дать рабочим необходимую им силу, ибо, если рабочие будут истощены, то и предприятие само ослабеет; но господин Зальцбах тоже прав, утверждая, что банк ни в коем случае не может поступиться своею прибылью, ибо, в противном случае, он распадется, и, вместе с ним, исчезнет для рабочих возможность приложения их рабочей силы.

« — Я употребляю все свое влияние, чтобы помочь мистеру Олдриджу, через посредство нашего банка заключить с австрийским правительством договор с Малькольмом и К^о о снабжении Австрии продовольствием.

Он распаковал целую кипу образчиков.

— Вот образцы работы, которую можно здесь выполнить: детские костюмы, платьица для девочек.

« — Рабочие штаны из бумажной ткани по 100 крон — это 4 франка 50 сантимов теперь, то-есть стоимость во Франции пуговиц, ниток и шитья. Работницы, которые это сшили, зарабатали по 3 су в день.

— Этот товар, — сказал Зальцбах, — черный хлеб текстильной промышленности.

Сожалея о том, что он своей резкостью дал возможность Фройденбергу выступить в выгодной роли примирителя, он пригласил всех присутствовавших к столу.

Господин коммерции советник продолжал свое рассуждение:

— Мы не так несчастны, как это думает мистер Олдридж, который судит по внешнему виду нашего народа. Нигде во всем мире нет такой богатой руды, как у нас в Штирии — 62%; наши водопады, наши леса, оборудование нашей текстильной промышленности — все это представляет собой большое богатство. Вена имеет еще много организационных талантов, которых в другом месте не найти; это война раздвинула границы Балкан до Букса на швейцарской границе, если Балканами мы обозначим всякое место неурядиц, но Вена дает им лучшую организацию; центральным пунктом будет Вена, а не Будапешт, Прага или Варшава. Это видно по биржевым операциям: все сделки с польской нефтью совершаются здесь.

Он улыбался, довольный тем, что мог возвеличить свою страну перед чужестранцами.

— Город становится столицей, благодаря многовековым привычкам; внезапное решение, продиктованное временными обстоятельствами, не может сделать любой город столицей. Прага, которая, кроме идеи реванша, имеет еще преимущество развитой там промышленности, предполагает доминировать над нами, благодаря своему трудолюбию.

«— Этого недостаточно: банки все останутся в Вене; в Праге же будут только отделения. Прага не умеет очаровывать, торговля же и удовольствие всегда держатся вместе. Деловой человек стремится к удовольствию. Париж, где умеют веселиться, стал наиболее торговым пунктом Франции. В веселой столице выросла и торговля, индустрия тоже переместилась к ней поближе. В течение сорока лет промышленность не перестает увеличиваться лишь в департаменте Сены. Вена еще не начала группировать вокруг себя фабрики, но уже сосредоточила в себе правления торговых фирм. Она это делает, как сделал Париж, и останется столицей этой части света, ибо нельзя в пять лет разрушить то, что созидалось веками.

Итальянец Баби делал рукой движения, напоминавшие благословения над покойником. Пшебыль отставил от себя стакан портвейна из погребца Франца-Иосифа и с яростью сказал:

— Мы, жители Праги, работали на Австрию, мы сохраним за собой теперь и прибыль: столица будет там, где находится труд.

Зальцбах, увидев, что Пшебыль перестал есть и пить и стал утверждать вещи, не имеющие непосредственного отношения к его личным интересам, понял, что Фройденберг совершил неловкость, возвеличивая славу Вены, которую Пшебыль не менее энергично отрицал.

— Австрия издохла.

Собрание обменивалось косыми взглядами и сдержанными восклицаниями. Кутанс шопотом сказал Зальцбаху:

— Нужна смазка; между венгерцем, итальянцем, чехом и австрийцами сильное трение; смотри, один только Попишиль не глядит волком. Герр Иоган Фройденберг был достаточно ловок, чтобы заставить тебя назначить его директором-распорядителем; это бесит остальных, а он их еще раздражает; этот дипломат умеет, оказывается, совершать неловкости.

Зальцбах, хотя и был доволен неловкостью своего компаньона, боялся, однако, хитрости с его стороны. Жалея о своем резком ответе Олдриджу, которого он непременно хотел заполучить в компаньоны, так как Малькольм и К^о были очень богаты, он решил сделать уступку его фило-софско-коммерческому уму.

— Если удастся убедить Америку предоставить Австрии заем мукой и жирами, это значительно уменьшит венскую смертность...

Кутанс, для того, чтобы доставить Фройденбергу еще больше затруднений, принялся его защищать:

— Париж централизует не только управление страной и искусство, но также и промышленность, после того, как уже централизовал торговлю. Крупная промышленность: стекольная, керамическая, железоделательная, текстильная, которые возникли и развились во Фландрии, Арденнах, Форэ, появляются в департаменте Сены. Политическая и коммерческая столица становится также и промышленной столицей, и, однако, она совсем не близко расположена к сырьевым центрам: каменноугольным копям и залежам железной руды.

— Так же, как и к золотым россыпям, — сказал с улыбкой Гейдрих.

Кутанс продолжал:

— Париж не является большим речным портом, его единственное техническое преимущество заключается в том, что он расположен в центре скрещивающихся железнодорожных путей. Но там умеют веселиться: вот почему туда и тянутся все работать. Труд следует за удовольствием. Фройденберг прав, рабочие оставляют фабрики, расположенные в деревне, и переходят на фабрики в маленьких городках, обладающих кинематографами и хорошо освещенными кафе. Капиталисты тоже покидают север Франции, где расположены рудники, и тянутся к Парижу, имеющему Оперу и мюзик-холлы. Эта тенденция еще усилилась, благодаря войне; жители Фландрии и Арденн, отброшенные к Парижу вражеским нашествием, не хотят больше вернуться на старые места; они вкусили очарование парижской жизни. Туда приезжает много иностранцев; во Франции можно путешествовать с большими удобствами. Правила железных дорог лучше написаны, чем наша конституция 1874 года, в которой не хватает весьма полезного предостережения:

«Не высовываться».

— E pericoloso sporgersi, — добавил Баби.

Попишиль:

— Nicht hinauslehnen.

Олдридж, увлеченный своими коллегами к шутке над правительством, закончил этот перечень:

— It is dangerous to lean out.

Он пожалел потом об измене своим лойяльным привычкам и сказал:

— Вы любите издеваться над своими государственными деятелями.

Кутанс ответил:

— Поль Дешанель совсем не смешон и очень нравится дамам. Когда он раз выпал из своего вагона, Клемансо, которому об этом сказали, заметил: «Вы не заставите меня поверить, что у этого человека голова тяжелее хвоста». Когда его убедили, что это все-таки правда, он сказал: «Наконец-то он нашел свой путь»¹⁾.

— Вена, как и Париж, — сказал Фройденберг, — расположена в центре железных путей: она является столицей уже по одному своему географическому положению. Картнерштрассе — это старинная римская дорога в Каринтию: дорога идет вдоль реки, рельсы следуют за дорогой, по рельсам движется вперед цивилизация. Столицы всегда возникали на мировых перекрестках. Вена расположена на тысячетлетнем пути великих нашествий, паломничеств, римских почтовых сношений, торговли и караванов. Долина Дуная и Штирийские Альпы, в смысле топографическом, возносят Вену на царственную высоту. Чтобы от Праги могло отходить веером такое количество железных дорог, необходимо было бы нивелировать горы. Нет такого города, чье возвышение могло бы компенсировать вред от разрушения Вены, для этого угла Европы. Все окружающие нас народы это почувствуют. 80% австро-венгерской промышленности было расположено

¹⁾ Трудно переводимая игра слов. Il a trouvé sa voie значит: он нашел свое призвание. Намек на неудачную, политическую деятельность Дешанеля. Вместе с тем voie ferrée значит: железная дорога. (Прим. перев.)

в Богемии, но торговля продуктами этой промышленности производилась здесь. Чехия может отказать нам в угле, но она все-таки обращается к нам для продажи своих товаров. За первое полугодие 1919 года она экспортировала товаров на 800 миллионов крон; все прошло через Вену. Торговый поток так же трудно отвести в сторону, как большую реку. Вена останется торговой и банковской столицей. Ее нищета будет заразительна для окружающих ее стран, как было заразительно ее богатство; они не могут преуспевать без нас. Ошибки Габсбургов, преступления их деспотизма не мешают нам, освободившись от их режима, жить в тех экономических рамках, которые они нам дали. Мы можем ненавидеть друг друга, но мы должны или вместе работать или вместе погибнуть.

« — Ответственность за теперешнюю нищету падает не только на нас: мы первые предложили мир; если бы Франция послушала нас, не только мы были бы счастливы, но, может быть, и все человечество.

Пшебыль, которому бешенство придавало много искренности, сказал с особенной горячностью, уже не скрывая своей чесотки и скребя свою кожу с такой же яростью, с какой он говорил:

— Вы живете сейчас мирским подаванием. Для вас собирают во всех церквях: американцы и голландцы посылают конденсированное молоко для ваших детей; их отсылают на кормление в Швейцарию, в Италию. Вы гибнете, потому что мы свободны и больше не работаем на вас.

Итальянец повторил свой старый жест:

— Если нынешняя смертность останется на своей высоте, то через 15 лет Вена превратится в город со 150.000 населением. Карфаген тоже был столицей цивилизации, и Вавилон, и много других городов, от которых и камня не осталось. Венеция была еще большей, чем Вена, торговой столицей, на пути сношений между Адриатикой, Дунаем и Константинополем, вы, однако, захватили власть над Венецией; теперь мы

сильнее и господствуем над вами, но будем дружелюбны, если вы заинтересуете нас совместной работой.

Когда подали десерт, Гейдрих заметил, что приходится сожалеть о том, что забыли пригласить Мицци Вальбаум, Элли Гольдберг и Эльзу Сомодьи, которые так красиво танцуют, и вышел, чтобы позвонить к ним.

Фройденберг сказал:

— У нас всегда будут друзья до тех пор, пока наша нищета будет им казаться прибыльной. Может быть, эти-то друзья и спасут нас. Другие, однако, не видят, что их ненависть губит их вместе с нами. Вавилон и Карфаген погибли не одни; вместе с ними погибла и вся вавилонская и вся карфагенская культура. Вместе с Веной погибнет придунайская цивилизация.

Пшебыль спросил:

— Много ли есть людей, которые так же рассуждают, как вы?

Баби ответил:

— Три дюжины человек.

А Пшебыль добавил:

— И четыре дюжины остолопов.

Олдридж, однако, поддержал Фройденберга:

— Неужели тут поколения работали тысячу лет только для того, чтобы все это кончилось бойней? Большая ошибка думать, что Вена умрет одна. Она больше не тиран; пусть же будет она союзницей. Сможет ли она организовать свою собственную промышленность раньше, чем Прага организует свою собственную торговлю? Вам понадобится овладеть водопадами, чтобы добыть электрическую энергию, и продать леса, чтобы добыть капиталы; но если вы срубите леса, вы понизите количество выпадающих атмосферных осадков. Создавая временное богатство, вы разрушите свое богатство постоянное. Прибыль, которую вы извлечете из почвы, явится скорее разорением, чем спасением. Это будет уже не продажа

вашего труда, а продажа вас самих. Австрии приходится считать количество вздохов, которое ей осталось сделать под ее крестной ношей, пока она окончательно не будет задавлена ею. Всякое усилие, которое вы делаете, чтобы ослабить ваш гнет, истощает вас. Успеете ли вы организовать промышленность раньше, чем смертность среди венских рабочих сделает фабрики бесполезными? Успеете ли вы овладеть водопадами раньше, чем продадите все леса? Вы задерживаете волков нищеты, бросая им куски своего тела; вас убивает само усилие спастись. То, что вам дает надежду на спасение, убийственно само по себе. Единственное спасение заключается в том, чтобы вы продолжали работать так, как работали раньше: Австрия, Венгрия и Богемия вместе. Те, кто раньше жили при империи в полном благополучии, хотят теперь драться, вместо того, чтобы работать; мир, разделивший Австрию, дал свободу их ненависти. Политические границы были установлены на основании расовых и лингвистических признаков, а не сообразно с экономическими данными: это результаты старой варварской точки зрения разделения национальностей. Разница в наречии не должна служить препятствием для общения народов; ее надо разрушать, а не искусственно создавать. Страны с тремя языками, как Швейцария, федерация различных рас, как Британская империя, страны, население которых является смешением всех возможных народов, как Америка — являются более сильными, чем ваша страна, построенная на принципе национальной ненависти, необходимой только между белыми и цветными.

« — Этот мир не принял во внимание могущества цивилизации, основанной на промышленности.

« — Правильные принципы для страны создаются не тем, что все люди, ее населяющие, говорят на одном языке, а тем, способно ли ее население развить максимум производительности. Народы, сохраняющие сильную ненависть к другим народам, должны быть причислены к самым варварским.

« — Горе тем, кто не умеет объединиться с себе подобными для общего благополучия. Монетная единица старой австрийской империи стоила 1 франк 5 сантимов; теперь она стоит не больше 5 сантимов, но старая ненависть сохранила свою силу. Эта часть Европы страдает не только от войны, но и от глупости населяющих ее народов, которые предаются велениям своего темперамента, вместо того, чтобы объединиться для совместной работы. Британская империя создала благополучие буров и ирландцев, новозеландцев и индусов. Если все эти народности получают право располагать своей судьбой, прядильные фабрики будут ржаветь в Дублине, а развалившаяся, подобно Австрии, Британская империя погребет под своими развалинами благополучие Ирландии, Египта, Индии и Капской земли.

« — В Соединенных Штатах ненависть рас сводится к примитивной вражде людей с различным цветом кожи — к вражде между белыми, желтыми и черными. Америка — блестящее доказательство триумфа труда над расами. Империя Габсбургов ближе была по идее к Соединенным Штатам Европы, чем австрийский раздел, устроенный господами Клемансо и Ллойд-Джорджем. Она представляла собой экономическую единицу, промышленную и торговую силу. Надо было поддерживать эту федерацию, исправлять и расширять ее, вместо того, чтобы уничтожить.

« — Габсбурги и Гогенцоллерны — люди на конях — совершили преступление — нынешнюю войну; четыре человека, сидящих в своих креслах — Клемансо, Ллойд-Джордж, Вильсон и Орlando — совершили другое преступление — нынешний мир. Этот мир отнюдь не был силой, организующей людской труд, а наоборот, такой же разрушительной, как и война.

« — Народы, вместо того, чтобы помочь друг другу восстановить фабричное оборудование, продолжают взаимную вражду. До тех пор, пока мир не будет основан на труде, являющемся достоянием человечества, он будет таить

в себе зародыш войны, и народам надо будет бороться с нищетой.

«—Нынешняя Австрия—пример того, что люди, заключающие мир, не понимали значения труда и презирали его силу; разрушение французских фабрик является другим примером преступления Германии против всего человеческого труда.

Эрнст Попишиль советовал Зальцбаху не очень доверять Фройденбергу:

— Он был одним из самых крупных поставщиков фесок в Константинополе. Турки его хорошо знали и не особенно ему доверяли. Он не всегда выполнял свои поставки, хотя плату получал всегда.

— Мир подписан, — сказал Фройденберг, — но он не заключен. Европа еще долго будет содрогаться. Ей надо, прежде всего, освободиться от того, что ослабляет ее — от нищеты ее центральных стран. Европа потеряет свое место в цивилизованном мире, если мы потеряем свое среди европейских народов. Наше падение возвышает Америку и Японию. Мы, европейцы, должны возродиться все вместе. Те же силы, которые в течение тысячи лет создали из Вены столицу, сделали Европу вдохновительницей человечества. Ее слабость, заключающая в себе и нашу, только временная; настоящая цивилизация, по характеру своему, не является ни американской, ни японской. Будем любить нашу общую мать — Европу. Создание ее плохого сына — Бисмарка — жило 45 лет, создание Клемансо, может быть, не проживет и пяти.

— Prosit! — прервал чех Пшебыль, — я пью за вечное существование этого создания. Мы будем жить без Вены, ибо она жила на наш счет. Предоставленная самой себе, она умирает. Нет никакой необходимости ненавидеть ее и бороться с ней. Нашего безразличия и нашей свободы достаточно, чтобы она разрушилась. Здесь была административная и коммерческая власть; у нас был труд. Булочники, сапожники, каменщики — все были чехами; Австрия потому так

мало извлекает угля из оставшихся у нее рудников, что наши рабочие уехали к себе домой. Они выполняли все тяжелые работы; венцы же были музыкантами, парикмахерами, извозчиками, лакеями в кафе. Они были торговцы по природе; они стремились в лавочку, а не в мастерскую. Мы занимались промышленностью, а они продавали продукты нашего производства. Теперь они могут продавать лишь то, что сами делают: они принуждены работать, и не знают как. Прага выпускала такое множество инженеров, что они разъезжались по всему свету и управляли фабриками в Польше, Германии, Южной Америке. Вена главенствовала только музыкой и женщинами. Магьяры, поляки, чехи — все приезжали сюда веселиться. Мы оставили Вене эту специальность: мы предпочитаем иметь фабрики, а не бордели.

Этот человек, утверждая превосходство своей страны, проявлял больше энергии, чем когда боролся за деньги: он злобно смеялся и громко кричал, чего никогда не делал при деловых разговорах.

Эрнст Попишиль насмешливо пропел Пшебылю испанскую песенку:

«Yo hai un amigo que li gusta la Manzaniila».

Олдридж прохныкал покаянные стихи Армии Спасения, а затем неожиданно прибавил пронзительным голосом:

*We shall drink never more,
Never more, never more,
We shall drink never more*

... Water

— Это красиво, — сказал Гейдрих и повторил плаксивую и насмешливую мелодию.

Сконфуженный общим вниманием к его ярости, взволнованный чех не имел, однако, силы замолчать и тихо продолжал говорить итальянцу:

— Вена — потаскушка, пускай она станет служанкой, как все старые потаскухи. Она всегда нас презирала и окра-

дывала. Подушная подать в Тироле составляла 1 крону 75 геллеров, а в Богемии 16 крон. Австрия считала нас безумцами, когда мы, чехи, говорили о нашей свободе; вынужденные эмигрировать из-за преследований, мы узнали мир и поняли, что империя погибла. Богатые венцы оставались у себя и обращались с нами, как с рабами: веками они питались нашим трудом. Но час мести наступил; наша пропаганда в польских и юго-славских полках поколебала имперскую армию, затем чешские войска открыли вам фронт и заставили сдаться приведенных в замешательство миллион четыреста тысяч человек. Наши рабочие на фабриках Шкода¹⁾ посылали во Францию сведения о производстве. Лозунгом дня было: «Все против Габсбургов! Австрийцы убили не мало наших молодых!»

Он изобразил жестом удар штыком и сдавливание горла веревкой.

— Но в отчаяние они нас не привели: всегда находились эмиссары, ездившие в Швейцарию к нашему отцу Массарику. Из Вены извлекут все, что только можно извлечь, а затем ей предоставят издохнуть.

Чтобы было удобнее разговаривать о своей ненависти с итальянцем, обмакивающим улыбающиеся губы в превосходное вино, чех даже перестал есть, но пить не перестал.

Он рассказывал о фанатизме революционеров, которых австрийская полиция преследовала вплоть до Америки; о героизме дезертиров, поступивших во французскую армию и никогда не сдававшихся, ибо их ждала веревка.

Его глотка, сдавленная яростью, не давала ему возможности проглатывать пищу, он мог только пить.

¹⁾ Знаменитые в Австрии оружейные и артиллерийские заводы. (Прим. перев.)

Пьетро Баби налил ему вина и дружески сказал:

— Не надо желать их смерти, раз мы работаем вместе.

Зальцбах, державший в руках рабочие штаны из бумажной ткани, принесенной Фройденбергом, воспользовался этим, чтобы смягчить разговор.

— Эта штука пригодились в день, когда бог захотел узнать, какая религия даст человеку наибольшую смелость. Он поставил рядом еврея, католика и протестанта и вызвал молнию, извержение Везувия и землетрясение. Католик добежал до Рима, протестант до Женевы; еврей не двинулся с места.

«— Самуил, — сказал господь, — ты самый храбрый, ты не сделал ни одного шага по направлению к Иерусалиму, я хочу вознаградить тебя: чего бы ты хотел?». Самуил ответил: «Переменить штаны, господи».

Граф Эрберн заговорил дружелюбно:

— Будапешт имеет больше прелести, чем Прага. Мы, венгерцы, умеем работать не хуже чехов и культивировать музыку, как венцы; мы можем управлять большим народом, ибо мы были союзниками Австрии в управлении страной. Богемия имеет только привычку оппозиции против принципа: «Divide et impera»¹⁾. Она не подготовлена к самоуправлению. Для Вены лучше бы было быть завоеванной, чем брошенной; из положения балованной красивой женщины, она попадает в положение голодающей нищенки: та, кто улыбалась, украшенная цветами, протягивает теперь руку. Она опять может расцвести только при помощи политического верховенства. Никто из окружающих ее народов не позволит ей этого для нее самой, но они могут утвердить в ней свое собственное политическое преобладание. Будапешт будет столицей, или же наша армия сделает Вену столицей Венгрии.

¹⁾ Разделяй и властвуй. (Прим. перев.)

Австрии. Таким образом, город опять обретет свою историческую судьбу, а мы, венгерцы, займем то место, которое нам подобает, ибо мы народ храбрых. Мы опять заберем Прессбург, Пошоны, — мадьярский Страсбург, который отошел к чехам не столько из-за их военной доблести, сколько из-за рабской угодливости по отношению к Франции и Англии.

« — В продолжение тысячи лет мы защищали Запад от Востока; турки и татары остановились перед венгерской саблей; богатства Европы стали возможны за спиной наших героев, стражей христианской цивилизации. Теперь же неблагодарная Европа расчленяет на части венгерскую нацию, которая ее спасла от нашествий; мы с этим никогда не примиримся. Nem! Nem! Soha!

— Capito, — сказал Пьетро Баби и сделал правой рукой жест вокруг головы, как бы вертя вокруг нее саблей.

Чех Пшебыль, доведенный до крайних пределов ярости, чесоткой и национализмом, ерзал на стуле и уже покраснел от желанья сказать несколько сильных фраз, но Зальцбах предупредил его:

— Венгерцы думают о войне; граф Эрберн, вы говорите о ней так, как будто бы имели большое удовольствие участвовать в ней.

— Гусарским капитаном, — сказал граф Эрберн. — Вначале была создана лошадь, потом кавалерийский офицер, затем не было ничего, ничего, ничего, затем была сотворена корова, коза и свинья, затем опять не было ничего, ничего; затем явился пехотный офицер.

— Спасибо за комплимент, — сказал Кутанс, который служил в 43 пехотном полку. — Что касается воинского снаряжения, то я могу снабдить вас скоблilками для подчисток в воинской бухгалтерии и полевыми орудиями.

Зальцбах сказал:

— Раз вы капитан, то вы, возможно, понимаете, о чем вы говорите. Если чехи и венгерцы будут драться из-за Пресс-

бурга и Вены, наши дела сильно пострадают от этого. Необходимо лучше установить верховенство по признаку цивилизующего очарования, как говорит Фройденберг. Из трех городов Вены, Праги и Будапешта, который очаровывает больше?

Он считал необходимым немножко разредить атмосферу, ставшую напряженной, благодаря Фройденбергу, который теперь молчаливо присутствовал при язвительном обмене мнений между представителями Венгрии, Богемии и Италии.

Кутанс, уже утомленный этими политическими спорами, которые не компрометировали больше Фройденберга, не принимавшего в них участия, сказал:

— В Будапеште самые лучшие лупанары в мире.

Олдридж отрицал это:

— Самые лучшие в Париже.

Пшебыль, на левую руку которого опиралась рука хитрого итальянца, препятствовавшая ему встать, стал говорить, не повышая голоса:

— У нас есть моральная сила, какой никогда империя не обладала. В продолжение трехсот лет она нас давила материальной силой. Мы никогда не любили Австрию, никогда не верили в нее. Именно потому, что мы ожидали бунта, мы были народом с сильной душой.

— Правда, — согласился граф Эрберн, — что при Габсбургах Богемия была тюрьмой. Империя никогда не выбирала своих правителей и сановников среди чехов; привычка склоняться еще долго останется у вас.

Рука Пьетро Баби, которая, казалось, ласкала левую руку Пшебыля, сжала ее, как бы сообщая этим о своей симпатии чеху; это легкое движение внезапно высвободило всю сдерживаемую ярость чеха. Он широко расхохотался, показывая свои мощные челюсти, в которых торчали два черных обломка зубов. Указательный палец его, направленный в графа Эрберна, подчеркивал оскорбительность этого смеха.

Вставший со стула граф высокомерно заговорил:

— Вы—причина разрушения империи. Вы изменили армии. Наказание за это преступление вы понесете тогда, когда мы будем свободно располагать своей силой; вы дерзки, потому что имеете за собой поддержку Англии и Франции. Оставшись одни перед нами, вы упадете ниц при одном виде нашей сабли.

Он сделал паузу, как бы для того, чтобы сказать ему еще более торжественное слово, но просто назвал его: «свиньей».

Пшебель назвал «вонючкой» этого человека, от которого пахло одеколоном. Бросив в него стакан, он разбил еще два, нагнувшись, чтобы схватить посреди залы что-нибудь более тяжелое. Олдридж старался усадить этого буяна, будущего посуду, в то время, как итальянец Баби отстранился от него, чтобы дать больше свободы его беспорядочным движениям.

Прибежал метр-д'отель, привыкший к звону разбитого хрусталя в этом роскошном зале. Но его важный вид и черный фрак не помогли ему спасти свою посуду; ее целость была сохранена появлением Мицци Вальбаум и Элли Гольдберг, которые вошли с розовыми от холода лицами, под черными вуалетками. Они шли навстречу грубости мужчин, вооруженные своей сияющей спокойной красотой. Красные луки их губ метали улыбки.

Олдридж приветствовал их:

— Ich küsse die Hand — целую ручки.

— Только? — сказал Кутанс, — это невежливо... Вы так быстро явились, хотя мы не давали о себе знать целых три дня; у вас лучший характер, чем у этих господ. А Эльза Сомодьи?

Попишиль, с лицом турка, надевшего европейскую шляпу и занявшегося интернациональным грабежом, приветствовал их по-испански:

— A los pies de usted. Хек?

О вине и женщинах он говорил на своем собственном диалекте, составленном из слов разных языков, и называл их

одновременно и Nina, и Darling, Cara mia, или Ma gosse. Он знал песни андалузских цыган, пел по-итальянски:

*Tu sei un poco troppo piccola
per fare l'amore con me, —*

и рассказывал по-английски невероятно сальные истории, которые он обыкновенно начинал так:

— The best is not too good for me. «Самая лучшая — недостаточно-хороша для меня». Он объяснял потом эту фразу тем, что требовал всегда услуг самой хозяйки. Анекдоты свои он оканчивал обыкновенно так:

— I am not fishing for compliments. Я не гоняюсь за комплиментами.

Граф Эрберн, приложив левую руку к груди и прикрывая, таким образом, пятно вина на сорочке, склонялся в позе величайшей вежливости перед Мицци Вальбаум, синие глаза которой улыбались лакомствам.

Зальцбах похвалил Гейдриха:

— Вы предвидели, что присутствие дам будет необходимо, вы хорошо знаете нравы народов бывшей империи.

«— Я не дрался уже со времени моего пребывания в Бразилии, в Игуапе, где была таверна, содержимая дамами, одна из которых сидела однажды вечером у меня на коленях. Вдруг мы услышали конский топот. Женщина узнала всадника по аллюру коня и сказала мне: «Будь осторожен; сейчас сюда явится влюбленный в меня человек». На нем было сомбреро¹⁾ и шпоры гаухо²⁾; и он хотел заставить меня выпить из его стакана, который, понятно, оказался разбитым, так же, как и наши физиономии. Храбрые женщины, с помощью ногтей, выставили его и заперли за ним дверь, затем начали ухаживать за мной, называя меня: Chiquillo!—так как я был молод. Но это продолжалось не долго; у решетки вдруг засверкали

¹⁾ Сомбреро — широкополая шляпа.

²⁾ Гаухо — мексиканский наездник.

злые глаза моего взбешенного противника и шесть огней его револьверных зарядов. Одна из женщин закричала: «La tengo, la pava!» и бросилась на него с ножом; другая дала мне револьвер, но человек вдруг свистнул своей лошади, как собаке (там они не привязывают лошадей, а приучают их, как собак, выбегать на зов хозяина), и исчез.

« — На следующий день утром, когда я еще лежал в постели на спине, ибо лицо было у меня повреждено, мне принесли визитную карточку синьора: «Гонзалеса Чиквенто-и-Мато», который вслед за этим и сам явился в сюртуке и черной шляпе, как будто бы на мои похороны. Это был мой вчерашний противник, крупный землевладелец, который приехал извиниться за свою вчерашнюю невежливость по отношению к иностранцу.

Окончив свой рассказ, Зальцбах опять принялся за свои шутки...

— Скажите, что подумал бы еврей, съеденный свиньей?

Мужчины, усмиренные присутствием женщин, молча поправили свои галстуки, в которых сияли большие жемчужины.

Гейдрих, сидевший за пианино, кивком головы, не желая прерывать игру, попрощался с Кутансом и Олдриджем, удивившими за собой Пшебыля.

Кутанс сказал, что жить в Шенбрунне очень неудобно.

— Я посоветую мадмуазель Эльзе Сомодьи переехать в Вену.

— Свободные квартиры, — сказал Олдридж, — тут очень редки. Пойдемте ко мне, вы посмотрите на мою квартиру, которую я занимаю бесплатно, ибо охраняю ее от революции.

Пшебылю, который ежился от холода и чувствовал себя сконфуженным, он сказал:

— В зале было душно. Вы вели себя лучше, чем великие князья.

— Какая разница температуры, — сказал Кутанс, — семь градусов на солнце, четыре в тени и восемнадцать в ресторане.

Извозчик, подбиравший овес, выпавший из подвязанного к лошади мешка, предложил свои услуги. Они отказались, но дали милостыню двум бледным детям, стоявшим у извозничьей стоянки, в надежде разжалобить богатых людей, которые могут ездить в каретах. Извозчик в сердцах ударил кнутом этих маленьких счастливых, стараясь попасть по босым ногам, чтобы было больнее. Крича, что они позорят это

место и отпугивают людей, он замахнулся на них рукой в лохмотьях. Пшебыль быстро схватил его за руку.

Олдридж поблагодарил его за этот жест и сказал:

— Вы настоящий мужчина.

Затем он освободил этого тщедушного человека, бьющего детей.

— У него много ненависти, потому что он несчастен.

Олдридж остановился у подъезда дома на Шварценбергштрассе и пригласил Кутанса зайти, пропустив его вперед; чех еще раньше простился с ними.

Между изогнутыми ножками венской мебели, покрытой лаком, и в промежутках между пушистыми коврами нежных рисунков, виднелся паркет, составленный из светлых и черных ромбов.

Кутанс сел в глубокое кресло, обитое красной кожей, и сказал:

— В кресле я себя чувствую в глупом положении; мне кажется, что я покупатель. Вы ничего не предложите мне купить? Эта роскошь стоит того, чтобы вы разыгрывали тут роль тушителя революционного пожара. Правительство не реквизирует ничего в квартирах, в которых живут американцы.

— Эта обстановка находится под защитой американского флага.

Кутанс заметил на лице Олдриджа самодовольное выражение человека, чувствующего себя в особом положении, и решил немного подразнить его.

— Вы меня удивили, — сказал он, — своим утверждением, что наилучшие дома терпимости находятся в Париже. Если бы меня спросили, в каких подозрительных местах вы бываете, я бы скорее сказал в церкви, чем в публичном доме.

— Надо все видеть в жизни, — ответил Олдридж. — Я посетил лупанары Будапешта, которыми гордится вся Венгрия; лупанары Женевы, являющиеся позором Швейцарии;

севильские — без огня и воды, но с цветами на окнах, за железными решетками; я был в лондонских домах, запрещенных английскими законами, но посещаемых судьями в париках; я был в нью-йоркских домах, с их черными и белыми женщинами: негритянками и англо-саксонками. Но наибольшее впечатление на меня произвело заведение на улице Сен-Лазар, куда я пошел со своим другом, студентом богословского факультета, желавшим увидеть грех, запрещенный святым писанием. Две женщины предложили нам свои услуги по иллюстрации библии, но когда мы остались одни в комнате, они вдруг сказали: «Голубчики, вы очень хотите, чтоб мы это сделали?». И они стали рассказывать о себе.

« — Они верили газетным статьям, но не доверяли словам клиентов, потому, говорили они, что мужчины любят обманывать женщин. Рассказы гостей из Сан-Франциско, Буэнос-Айреса и Йокагамы, интересовали их гораздо меньше, чем фельетон «Petit Parisien». Они рассказывали нам историю о нефтяных колодцах, выболтанную каким-то пьяницей, украшенным кольцами. Мы на этой истории заработали потом по 25.000 франков каждый. Женщины, совершенно раздетые, сидели на краю кровати, мы — на стульях, обнажив из вежливости только голову. В продолжение получаса — нормального времени, на которое уединяются с женщиной в этом заведении, мы были не что иное, как четыре человеческих существа, рассказывающие друг другу свои заботы и обменивающиеся мнениями, но когда мы уходили, они опять превратились в публичных женщин, со всеми обычными гримасами и восклицаниями: «Ты придешь еще раз, душка! Это было так хорошо...».

« — Мой друг еще раз заглянул в этот дом, чтобы передать женщинам часть из заработанных двадцати пяти тысяч франков, но женщин уже там не было, а хозяйка дома сказала: «У нас есть две новые, которые делают это лучше, чем прежние».

« — Я уважаю Пшебыля; деньги не являются его единственной страстью; он способен поступиться своими интересами для удовлетворения своих мечтаний».

— Кто хочет судить о звере, тот должен видеть его зубы. Пять франков так же характеризуют человека, как форма челюсти характеризует собаку. Мы до тех пор ничего не знаем о человеке, пока он не раскроет рта при обсуждении денежных вопросов.

« — Какой вы предпочитаете заработок? Быстрый ли успех на бирже или медленное обогащение при оперировании товарами, требующими времени для их производства?

— Я берусь только за верные дела, — сказал Олдридж, и я верую в бога; доказательством, что бог существует, служит тот факт, что я всегда испытываю желание возблагодарить его, когда мне случается заработать. Я бы отдал все земные богатства за озарение духа, полученное Иоанном Богословом.

« — Австрия — жертва идеи бога, дурно понятой двумя враждебными пророками: императором Вильгельмом II Гогенцоллерном и президентом Вудро Вильсоном. Вильгельм II во главе своих солдат, на снаряжении которых было изображено: «С нами бог», провозгласил, что спасение мира произойдет с помощью немецкой армии. Президент Вильсон верит в спасение мира через библию. Оба этих христианских ума вызвали ужасную войну и не менее ужасный мир. Я буддист.

Он вытащил из своего жилетного кармана маленького золотого Будду, сидящего в чашечке лотоса.

Кутанс сравнил этот амулет с Христом из слоновой кости, распятым на кресте из черного дерева:

— Вы выбрали себе лучшего бога, чем этот пригвожденный труп. Будда сидит в лилии, его положение несравненно удобнее, чем положение Христа; лучше быть высеченным цветами, чем коронованным терновыми венцами.

— Не отчаиваться в спасении богохульствующих, — сказал Олдридж, — значит защищать царство божие.

« — Америка — страна, где совершается наибольшее количество преступлений против свободы личности. Она подавляет рабочее движение такими незаконными средствами, на которые не отважилось бы ни одно европейское государство, именно потому, что она самая догматическая и самая набожная страна в мире. В области социальной мы практикуем инквизицию, как Испания в области религиозной. Мы преследуем Всемирный Союз Промышленных Рабочих и вообще всех красных, ибо они еретики, не верующие в политическую экономию, и, вместе с тем, мы воздвигаем свободе самую большую статую в мире.

« — Президент Вильсон предложил Европе, о которой он ничего практически не знал, руководствоваться библией. Он никогда не видел Вены, Будапешта, Балкан, Турции и поэтому он заменил опыт рассуждения; перо имело для него такое же значение, как сабля для Вильгельма: оно было орудием вечной справедливости.

« — Никто из людей, подписавших этот мир, не знал на деле света: они были историками, а не путешественниками. Клемансо ответил Бисмарку по традиции; через пятьдесят лет после него он повторил его игру — игру человека, который в данный момент чувствует свою силу. Эти два упрямых старика до такой степени педантичны в своей духовной сущности, что даже похожи физически; они оба выросли на одной старой идее: добиваться выгоды для своей страны путем военного успеха. Они поработили человечество, не обогатив ничем человеческую душу.

« — Национальный дух заставляет нас любить или ненавидеть героев, которые на разных точках земного шара имеют одинаковую душу. Жанна Д'Арк и Абд-эль-Кадер одинаково священные, но на разных побережьях Средиземного моря.

« — Между Клемансо и Бисмарком только географическая разница, а не психологическая; каждый из них возвеличил свою страну; их разделяет Рейн, а не разное понимание души человеческой.

Кутанс рассмеялся, постукивая своими пальцами, украшенными золотыми перстнями:

— Жанна Д'Арк, Абд-эль-Кадер, Клемансо и Бисмарк — какая забавная кадрили.

— По своему энергичному противодействию вражескому нашествию, святой Жорж Клемансо является прямым учеником святой Жанны Д'Арк.

— Он не так хорошо кончил, как она.

— Благодаря его политике, построенной по методу Бисмарка, Франция, наконец, завершила свою старую борьбу с австрийским домом, что являлось лишь догматической привычкой, а не экономической необходимостью. К великой выгоде для Италии, от империи Карла V ничего не осталось. Италии везет; ей все помогало гораздо больше, чем ее собственная храбрость: ненависть чехов к Австрии, ненависть Франции. Теперь она снова стала владычицей Адриатики, несмотря на то, что многие ее сыны стали рабами, благодаря ее поражениям; пленники Массуа, кастрированные абиссинцами, до сих пор еще томятся в Африке. Я знаю многих, которые не хотят вернуться домой, стыдась своего уродства. Абиссинцы в борьбе против Италии были более счастливы, чем буры в борьбе против Англии, а между тем, мы хорошо стреляли.

— Вы участвовали в Трансваальской войне?

— Я вообще был очень любопытен; надо все видеть. Старые буры, скрытые верхушками небольших холмиков, были вооружены английской трубкой и немецким маузером. Через десять минут после начала сражения, все британские офицеры выбывали из строя, получив каждый по пуле в голову. Мы передвигались на лошадях, но в сражении оставляли лоша-

дей сзади и стреляли в англичан лежа, что приводило их в бешенство и приносило им огромные потери. Я часто лежал в одной цепи со стариком буром, его сыном и внуком: белой бородой, черной и безволосым подбородком. Я тогда понял, что значит защита своего очага. Но англичане высадили для спасения империи 500.000 добровольцев, которых воспел прекрасными стихами Редьярд Киплинг, и с триумфом провожала на суда лондонская чернь.

« — Мы были один против десяти, и мы бы справились с ними; у них было только упорство, пренебрежение к смерти и масса глупости при всем героизме.

« — Но они оставили женщин и детей в открытом поле, без всякого прикрытия, и окружали их колючей проволокой. Наши солдаты возвращались в пустые фермы для сбора урожаев и спешили опять в бой, услышав звуки ружейных выстрелов. Армия Деветта сократилась до 4000 регулярных солдат. Нас захватили врасплох только один раз; в четыре часа утра английские пики разорвали наши палатки; Деветт верхом на своем черном коне повернулся к нам лицом и кричал: «Вернитесь!» Это было у Лэдисмит; преследующие нас англичане были буквально засыпаны каменным дождем, мы больше не стреляли; мы бросали камни, как в пещерное время. У них было столько убитых, что гордые британцы должны были попросить у буров перемирия для того, чтобы похоронить своих, а в Лондоне народ толпой стоял перед длинными списками павших в бою.

« — В настоящее время негибкая политика Вильсона плохо справляется с людским разнообразием, но его философия принесла в свет благородную идею, которая дает нам возможность гордиться тем, что мы люди, это — идея Лиги Наций.

« — Какое величие в замысле, какое ничтожество в реализации! Миллионы людей мечтали о всеобщем мире, и вот что получилось: вырождение и смерть! Политическая болезнь народа и расстройство его экономической жизни в первую

очередь отзываются на детях, которые умирают, как солдаты в бою. Самое слабое существо: грудной младенец, исчезает первый, как только политическая ошибка вызывает в стране длительную революцию. Это удобрение из солдат и детей, начало которому положено было в 1914 году, вырастит ли идею, которая своим благоуханием наполнит целые века, или же оно на двести лет отравит весь мир? Должны ли мы принять эту ужасную философию любви и смерти, ибо она порождает радость и свободу, или же это удобрение, приготовленное пушечными выстрелами и голодом, — только навоз, только страдание, обреченное нашей тупостью на быстрое забвение, а мы, оставшиеся в живых, только животные, заботящиеся о сохранении старых предлогов для взаимоистребления: во имя бога, во имя завоевания рынков, во имя свободы морей, во имя прав народа? Разве назначение человека в усовершенствовании зла?

« — Сопоставьте идею Вильсона с венской нищетой: высший спиритуализм и самая низкая ступень социальной жизни.

« — Если бы католик предложил миру этот мир народов, могущество римского духовенства заставило бы людей принять его, но эта идея протестантская, и ей придется долго бороться за свое признание.

« — Мы, христианские буддисты Соединенных Штатов, одна из 3922 религиозных сект, верующих в бога, мы с Вильсоном — против папы.

Кутанс продолжал поддразнивать этого мистически настроенного человека:

— Не считаете ли вы, что Ленин выше Вильсона, ибо он осуществитель? Вильсон размышлял, но ничего не создал. Его Лига Наций это — чистая теория; большевизм Ленина это — практическое осуществление.

— Он захотел победы над человечеством, из чего явствует, что он не выше Наполеона I, но все же величайший государственный человек нашего времени и равен, по крайней

мере, если искать примеров в прошлом, самым высоким догматам: Кромвелю, Лютеру, Робеспьеру.

« — В нем живет заблуждение триумфаторов, не желающих ограничить свой подвиг пределами более тесными, чем мир. Ленин мечтает о советизации всех народов при помощи международного пролетариата. На покушение на свободу русской революции Россия отвечает омосковлением мира. Еще раз люди готовы поверить, что обладают истиной окончательной и универсальной. Ленин — гений, увеличивающий собою плеяду вооруженных завоевателей.

« — Русская революция велика не потому, что в ее распоряжении есть воинская сила, но потому, что она ввела обязательность труда для всех, две тысячи лет после проповеди святого Павла, и ее лозунг «кто не работает — тот не ест», наконец, начинает вытеснять предписание: «Возлюбите друг друга».

« — Обязательность труда — это необходимый закон будущих обществ. Совсем неважно знать, сколько бездельников насчитывает в своей среде то или другое общество, важно лишь, разрешает ли оно их существование; разрешение явилось бы деморализующим примером, доказало бы ненаказуемость преступления безделья. Большевизм сделал против безделья то, что христианство сделало против злобы людской. Из-за этого одного он бессмертен.

« — Вы любите шартрез? Этот был изготовлен монахами до их изгнания из Франции. На стекле изображены земной шар и крест. Хозяин этого дома мне писал, чтобы я пользовался его погребом по своему усмотрению, ибо он предпочитает, чтобы его вино было выпито мною в прекрасных хрустальных бокалах, чем большевиками, которые наливали бы его прямо из бутылок. Борьба против русской революции, являющаяся одной из крупнейших ошибок французской политики со времени отмены Нантского эдикта, может привести Австрию к счастливому воскресению из мертвых, ибо русские помогут

ей ослабить те стены, которые Антанта воздвигла вокруг нее, именно Богемию и Польшу. Франция, управляемая стариками, не понимающими современного мира, ведет в России политику политиканов, а не экономистов. Французы должны заключить мир с Россией, без всяких оговорок, не отвергая ни одного из предложенных ею условий; в противном случае, Франция разрушит только свое собственное влияние.

— Может быть, не все, — сказал Кутанс, — благодаря Жаку Садулю, который занял по отношению к русской революции положение, наиболее выгодное для Франции. Его скоро будут возвеличивать за сношения с врагами, за которые его теперь порицают. Не всякий может, даже если он будет стараться изо всех сил, быть так глуп, как наши официальные дипломаты, политика которых во время войны в России и на Балканах потерпела полнейшее фиаско. Разукрашенные позументами, они много разъезжали, производя большие расходы и не принося никакой пользы. Посланные в Петроград, расшитые золотом дипломаты, только смогли заставить себя ненавидеть. Ограниченные умы, лишенные элементарной сообразительности, они не нашли той честной линии поведения, которую должны были занять по отношению к неизбежным последствиям русских событий.

« — Они думали, что презрение, это — достаточно ловкий ход, и что стоит им только повернуться спиной к Ленину и Троцкому, чтобы последние были окончательно уничтожены. Те, с которыми наши официальные представители не хотели разговаривать, не существовали, по их мнению, а между тем, именно из-за них дрожит весь мир. По этому одному можно судить об уме наших дипломатов, которые приобрели нам такого врага.

« — Жак Садуль в своих донесениях неустанно повторял: «Надо вступить в переговоры с большевиками» и безуспешно боролся против этого безосновательного презрения. Наши украшенные золотом послы продолжали свою упрямую поли-

тику, бряцая оружием, в то время, как он один имел смелость делать больше, чем требовала от него служба, стараясь, несмотря на угрозы, клевету, на вооружившуюся против него глупость, победить упрямую тупость какого-то Нуланса. Он был предвестником неизбежного события: правильных сношений французской республики с русской революцией. Вот почему его сделают кавалером Почетного Легиона. Я говорю, как держатель русских бумаг и как купец, который желает иметь возможность покупать все, что ему угодно и где угодно. Кому на пользу будет ненависть, которую мы создаем в России против нас? Нашим соперникам по торговле, радующимся нашим дипломатическим ошибкам. Когда мы захотим торговать там, нам покажут многочисленные могилы детей, убитых нашей блокадой. Сторожем фабрики, которую мы захотим посетить, будет один из тех русских солдат, которые сражались во Франции и которых мы послали в Африку чинить дороги под наблюдением сенегальцев, вместо того, чтобы отправить их на родину, о чем они нас умоляли.

« — Жены и дети, ожидая их возвращения, говорили: «Проклятие французам, задерживающим наших отцов и мужей!». Дети умерли, не дождавшись отцов, ибо французы посылали в голодную Россию снаряды и не пропускали хлеба. Купцы из Цюриха, Токио и Нью-Йорка, приехав в Москву, будут говорить: «Мы не принадлежали к тем, которые, желая погубить большевизм, наполнили ваши кладбища; мы давно работали бы с вами, если б вам предоставили, наконец, мир, выгодный для всего мира. Страна, с населением в 170 миллионов человек — клиент, с которым нельзя не считаться. Останется ли она под властью чистого большевизма или политический режим в ней изменится, — все равно, когда затихнут пушки, придется приняться за куплю и продажу. Мы тогда не займем там первого места, как наша артиллерия, а между тем, наши текстильные фабрики нуждаются в русском льне; нам нужен также русский лес, русская нефть и русские меха.

« — Этими гарантиями оставшихся у нас на руках долго-
вых обязательств завладеют англичане, японцы, американцы;
один Жак Садуль сохранил еще некоторую возможность
возобновления сношений России с Францией.

— Жак Садуль, справедливо осужденный военным судом,
ибо он был солдат, — сказал Олдридж. — Он будет вознесен
на пьедестал торговыми палатами, когда они, наконец, поймут
всю нелепость желания скорее разрушить русские богатства,
чем признать еретический общественный строй.

« — Франции так же легко уничтожить большевизм, как
американской девочке захватить Ниагару в свою чайную
чашечку.

« — Настоящая эпоха в области экономической политики
имеет такое же значение, как реформация в области религиоз-
ной. Ленин перед лицом старой собственности подобен Лютеру
перед католической церковью. Грубая сила не в состоянии
изгладить из умов следы, оставленные гигантской русской
революцией. Костры и ярость духовенства не спасли единства
католической церкви; скорострельные пушки и воинская сила
не смогут стереть с лица земли русскую экономическую
ересь.

« — Волна, поднявшаяся со дна славянской души, пробегает
весь мир, изменяясь и применяясь к особенностям местности
и национального духа; она приняла форму большевизма в Рос-
сии, спартаковского движения в Германии; она еще не полу-
чила французской окраски, но всюду оставляет на своем пути
неизгладимые следы. Никакая сила не в состоянии вырыть
ров достаточно глубоким, чтобы поглотить эту волну и со-
здать плотину, которую бы она не прорвала. Армии бессильны
против духа; они не могут окружить идею.

— Я питаю отвращение к жестокости русских революцио-
неров, но я ее понимаю, потому что в 1910 году присутство-
вал на международном съезде фабрикантов светильного
газа, в качестве поставщика реторт для перегонки угля.

На нем был затронут вопрос о способах очистки труб, по
которым отводятся жидкие продукты перегонки угля, в виду
того, что все до сих пор известные приборы для очистки
не достигали цели. Русские делегаты не интересовались этим
вопросом; «когда у нас засорится труба, говорили они, мы
пошлем туда чернорабочего».

« — Человек, обмазанный смолой, уже дает возможность
понять жестокость русской революции. После смолы — кровь.
Народ всегда пожинает плоды своей гуманности, или терпит
наказание за варварство в отношении людей, занимающихся
тяжелым трудом. Кто не руководствовался по отношению
к себе подобным правилом: «ты не будешь превращать людей
в скотов», тот не может ожидать от них выполнения запо-
веди «не убий!».

« — Никакая часть человечества не может быть уверена,
что еще долго проживет так, как жила до сих пор. От Москвы
до Каира, от Дублина до Бомбея, старое общество трещит по
всем швам. Права и обязанности наших детей будут иными,
чем наши. Новые законы еще неясно начертаны на скрижа-
лях откровения, но откровение уже совершилось. Чело-
вечество знает, что законы должны измениться. Является ли
эта идея результатом внутреннего озарения или доводами
внешнего порядка, безразлично; она теперь самая большая
духовная сила в мире: выше идеи религиозной, выше идеи
патриотической. Революция таит в себе могущество нового
бога. Но каким образом человек, стоя на старой дороге бед-
ствий, сделает новые шаги по направлению к справедливости
и богатству? Будет ли он продолжать убивать или уничто-
жит само убийство? Какой светоч поведет нас за собою?
Пламя ли костров или сияние Христа?

« — Народы должны будут перенести всю грубость, кото-
рую они сами в себе поддерживали. Горе умножающим неве-
жество и грязь! Характер революции предопределяется вос-
питанием народа.

Кутанс сказал:

— Жак Садуль теперь еретик, а вообще человек в высшей степени полезный для нашей торговли и не первый француз, который устраивает наши дела, вопреки нашему желанию.

«— Фердинанд VII, набожный и ничтожный испанский король, восстановил в 1813 году инквизицию и иезуитов — два учреждения, очень удобные для борьбы со свободомыслием, которое имеет свойство делать народ непочтительным.

«— Рафаэль дель Риго-и-Нуец, вождь повстанцев, которому монахи, не имея возможности его убить, провозглашали набожно самые великолепные анафемы для того, чтобы он возможно раньше попал в ад и жарился бы там во веки веков, имел невежливость силой заставить короля в 1820 году вновь вернуться к конституции, данной его предшественником королем Иосифом Бонапартом. Фердинанд велел удвоить молитвы и обратился за помощью к Франции против испанских конституционалистов, большевиков той эпохи.

«— Де Вилель, неспособный министр Людовика XVIII, страдавший неизлечимой склонностью к божественному праву, послал 100.000 солдат, которые очень хорошо выполняли план монархической кампании, за исключением нескольких человек, перешедших в батальон Армана Кареля, французского поручика, который чувствовал большую симпатию к испанскому восстанию, так как считал их дело более справедливым, чем политику Фердинанда, хотя она и воспевалась монахами.

«— Арман Карель побудил наших солдат к непослушанию; — случай, предусмотренный военными законами, требующими предания виновного военному суду. Карель был предан суду, как только посмел вернуться во Францию, и был приговорен в Париже к смертной казни, но, к счастью, в судопроизводстве были допущены некоторые нарушения формы, его вторично судили в Тулузе и оправдали при всеобщих аплодисментах, весьма неприятных для сторонников нашей политики в Испании.

Олдридж, подняв руки, повторил жест Кутанса.

— Еще одна кадрили: Де Вилель и Арман Карель, Клемансо и Жак Садуль образуют историческую аналогию, в которой либеральные традиции Франции поддерживаются отдельными французами против их реакционных правительств. Благородство вашей страны заключается в том, что в вас никогда не угасает пламя чести. Каковы бы ни были временные несправедливости, совершаемые какими-нибудь министрами, всегда появляется у вас человек, который, рискуя жизнью, встает на защиту настоящих французских традиций.

«— Ваша политика по отношению к русской революции — чисто инквизиционная; она не дает вам возможности знать факты, сообщаться; большевик, поскольку это удастся, всегда, так сказать, окружается тайной. В военном отношении вы копируете европейскую коалицию против вас в 1792 году. Враги своей собственной истории, вы занимаете теперь место прусской армии против Дюмуре. Клемансо в Одессе — наследник герцога Брауншвейгского перед Вальми.

«— Жак Садуль в истории человеческой свободы спас честь Франции. Военный суд провозгласил его изменником и приговорил к смертной казни, как Армана Кареля; это еще один документ в архиве старой тяжбы между королями и конституциями, силой и духом, консерватизмом и революцией.

«— Против лиги реакционных правительств, старающихся взять Россию голодной блокадой, — Жак Садуль выставил вашу старую мистическую карманьолу: хлеба для наших братьев!

«— Франция совершила политическую ошибку, которая забудется не так скоро, как экспедиция против конституционалистов в Испанию в 1823 году или экспедиция в Италию 1867 года, посланная в помощь папе против гарибальдийцев.

«— Но когда ваша страна по случайной aberrации начинает вести политику, преступную по отношению к свободе, всегда являются французы, вступающие в борьбу с Францией

« — Вот почему она продолжает привлекать к себе сердца, ее спасают ее сыны, которых она осуждает; это они поддерживают ее величие против нее самой, это они в теперешней Франции являются истинными сынами Франции духа, как Арман Карель в Испании, как Жак Садуль в России.

« — Горе вам, французы, если будущее таит в себе союз Германии, Австрии и России против Британии. При наличии восстаний в Индии, Египте и Ирландии.

« — В своем шествии к владычеству над Европой, Германия была остановлена трижды: Людовиком XIV, Наполеоном I и, наконец, в третий раз, который вы считаете последним, гигантской коалицией народов, ибо никакой народ в одиночестве не мог бы победить Германию. Ее мечта о германизации Европы сильнее вашей старой ловкости в расчленении Германии.

« — Прочтите в «Berliner Tageblatt» сообщение о рождении Зигфрида фон Пиркета:

Господин и госпожа фон Пиркет
имеют честь настоящим известить вас
о рождении у них сына,
ЗИГФРИДА,
будущего мстителя за немецкую
честь.

Курфюрстендам, 12, Берлин III.

« — Может быть, Зигфрид, когда ему будет 20 лет, и не пойдет драться за идею реванша, но ему придется для этого противостоять всему национальному воспитанию.

« — Бисмарк сначала противопоставил северных немцев южным, Пруссию Австрии, затем он их всех объединил против Франции и устроил их благополучие. Эту самую политику победы путем труда, путем уничтожения соперничества раз-

ных народностей, Германия еще раз испробует по отношению к Австрии и России. Именно это и спасет Австрию. Она была одной из самых больших империй мира; она постепенно разрушилась; сначала Армада ¹⁾, потом Маджента, Садова ²⁾.

« — Ее окончательное падение было не слышно в грохоте разрушения других империй: германской и русской, рухнувших одним разом. Габсбурги, Гогенцоллерны и Романовы — изгнанные — убежали, убиты; три царствующих дома подвергнуты смерти и позору. Это одна из самых потрясающих драм человечества.

« — Во всем мире остается только одна единственная британская империя, рассеянная по всей земле, и более крепкая, чем австрийская, состоявшая из народов, живших бок-о-бок. Близость создает враждебность. Она облегчает работу по созданию союза народов, но порождает также и большую национальную вражду. Соседние народы ненавидят друг друга: Австрия и Богемия, Англия и Ирландия. Соседство создало политическую слабость Австрии и должно было создать ее экономическую силу. Не единым хлебом жив человек, ему нужна также и злоба. Горе тому, кто живет рядом с ним.

« — Одной только Германии удалось преодолеть соседскую ненависть и вековые споры. Немецкая партия была могущественна в Австрии, Польше, Эльзасе, Шлезвиге. Австрия не могла преодолеть таящегося внутри ее народов недружелюбия. Даже Англия не смогла потушить ирландскую ненависть: она не может заставить Ирландию забыть прежний грабег, хотя он уже вполне возмещен промышленным расцветом.

¹⁾ Армада — гигантский флот, посланный королем Филиппом II против Англии.

²⁾ Маджента — место в Италии, где французы одержали победу над австрийцами.

Садова — место в Богемии, где пруссаки одержали победу над австрийцами. (Прим. перев.)

« — Богатства, даваемые империей, имеют меньший вес, чем народная ненависть. Ирландия будет приветствовать свою нищету, которая последует сейчас же по отделении ее от Англии.

« — Попробуйте это ирландское виски. Все большие религиозные и политические вопросы представлены здесь в этом погребе: это дает возможность приятно убеждать своего собеседника, что стало невозможно в сухой Америке; граждане Соединенных Штатов пользуются у себя на родине свободой мысли, но свободу пить они получают только за пределами своего отечества. Как только пароходы переходят зону американских территориальных вод, открывается бар. Самое завидное место на пароходе — это цыновка у входа в бар: оно занимается тем, кто первый приходит на пароход, и продается за большие деньги. Через полчаса после открытия бара в каюты уносят совершенно пьяных людей.

Было уже поздно, когда Олдридж проводил Кутанса до двери отеля.

Два человека с худыми шеями, свободно болтавшимися в просторных воротниках, стояли у дверей, протягивая руки. Это были ночные нищие — учителя или чиновники, выждавшие темноты, чтобы под ее покровом решиться пробормотать свою просьбу. Один из них в очках снял свою шляпу. Кутанс дал ему десять крон и слышал уходя, как он благодарил его слабым голосом, похожим на кваканье лягушки.

Зальцбах и Кутанс сидели в своей комнате в отеле Захера перед фаянсовой печкой и читали полученную из Парижа корреспонденцию.

— Сколько работы, — сказал Кутанс. — Я еще буду молод, когда умру.

Зальцбах заметил:

— А я буду уже стар, когда разбогатею. Если бы я мог знать будущее всего только на 24 часа вперед, я стал бы самым богатым человеком в мире.

Колебания курсов вызывали в нем сомнения: нужно ли продавать или покупать. Он процитировал биржевую поговорку: «повышение или понижение цен на бирже не возмещается колокольным звоном».

Игрок по натуре, он сохранял при удаче или неудаче одинаковое выражение лица.

— Если бы можно было, — сказал Кутанс, — один только раз знать, какие номера выигрывают в Монако, какие ставки — в баккара, каковы будут курсы разных ценных бумаг, каковы будут результаты скачек...

Спекулянты в душе, они предпочитали быстрые биржевые выигрыши путем удачных комбинаций или использование большой разницы между покупными и продажными ценами — медленному обогащению путем фабрикации товаров.

Зальцбах говорил:

— Некоторые люди находят удовольствие в производстве; я испытываю удовольствие только тогда, когда могу повысить цену какого-нибудь товара.

Упустить случай заработать было для него равносильно потере. Он полагал, что потерял те деньги, которые он мог взять от других. Если ему случалось какой-нибудь день ничего не заработать, он испытывал чувство бедняка, оставшегося без хлеба.

— Royal-Dutch ¹⁾, — сказал он, — котировались раньше по 30.000, затем по 25.000, а потом опять 35.000. Надо было продать и затем опять купить; это денежки, уплывшие у нас из-под носа. А кто боится потерять, тот не может выиграть.

«— Я телеграфировал в Париж об указаниях инженера Пшебыля относительно французского общества Энергии и Радио-Химии. Его сведения правильны. Мы купили акции этого общества по 160 франков и продаем их по 300 нашим компаньонам, согласно принципу: «прежде всего получи прибыль с друзей». Это доходнее, чем производить мезоторий для больных раком. Промышленность честнее французского правительства, запрещающего нам спекулировать пятипроцентной рентой, которую оно же нам продало. Оно объявило о выпуске специальных покупных облигаций, с целью воспрепятствовать падению курса ренты, но запретило биржевым маклерам их продавать.

«— Я ничего не имею против государства, которое устраивает свои дела, даже обкрадывая нас, лишь бы оно не препятствовало нам устраивать наши дела; мы найдем случай отыграться.

Кутанс любил те виды производства, на которых можно быстро заработать.

— Деньги можно извлечь из всего, даже из экскрементов. Достаточно только сделать на них надпись: букет цветов.

¹⁾ Известная нефтяная акционерная компания. (Прим. перек.)

Вспомни-ка, сколько прибыли принесло нам дело с гнилыми яйцами, о которых ты и слышать не хотел, потому что с ними была большая возня; их надо было превращать в порошок, уничтожать запах просушкой, но зато сырье, покупаемое у молочных торговцев, нам почти ничего не стоило. Они считали мусором все, что начинало гнить. Мы же из тухлых яиц фабриковали ванилин — порошок для печения; колоссальный успех в бакалейном мире, приносящий нам 250.000 франков чистой прибыли в год.

«— Муаран сообщает, что правительство запретило пускать в продажу это лакомство для питания. Я начну фабриковать из него туалетное мыло. Сначала я использовал чревоугодие, теперь использую кокетство. Вместо ванилина будет мыло «Пулет», содержащее 30% яичных желтков, вне конкуренции для придания коже белизны. Ты теперь будешь целовать женщин, умывающихся гнилью.

— Ничего не изменится, — ответил Зальцбах: — целовал же я женщин, которых ты кормил этой же дрянью.

«— Повсюду, где бы мы ни работали, рабочие требуют увеличения заработной платы. Готовый же товар не предъявляет требований. Вывод: за исключением стран бедствующих, нужно уменьшать количество рабочих и увеличивать количество товаров. Но и это не гарантирует от неожиданностей. Революция может завтра конфисковать все товарные склады и все вклады в банки. Надо сохранить в себе способность работать, а не предаваться спокойному потреблению нажитого богатства. Будущее принадлежит не тому, кто обладает богатством, но тому, кто, потерявши его, может вновь его создать. Я буду защищать свое добро, но жизнью я за него не пожертвую. Пускай оно умирает; я его вновь создам.

«— Пускай революция разорит меня, но не убивает. Если ей суждено наступить, пусть приходит раньше, чем я состареюсь и буду неспособен вновь создавать богатства. Я хочу быть среди богатых, хотя бы это богатство состояло из 10 су, в то

«Господину Зальцбаху.

Посредничество, импорт, экспорт.

Париж.

Милостивый государь. Я узнал, что вы занялись крупными делами в Австрии, где, по моим сведениям, можно достать типографское оборудование по выгодным ценам. Буду вам очень признателен, если вы мне уступите на льготных условиях возможно большее количество этого материала. Ротационная машина не должна, подобно обыкновенному товару, служить только объектом торговли и приносить прибыль тому, кто ее продает или производит; она — орудие мысли, и всякая прибыль, полученная на ней, есть посягательство на прогресс человеческого разума. . .».

Вошел граф Эрберн, которому Зальцбах обрадовался, ибо мысли скакали у него в голове, как молодые щенята, и он с удовольствием оставил свою корреспонденцию, чтобы поупражняться на живом человеке.

Граф положил на кровать длинный сверток.

Зальцбах сказал:

— Я не желаю знать, что находится в этом пакете: папская ли тиара или биде королевы. Вы были очень неловки на учредительном собрании Банка Труда и Товаров: я не думал, что вы способны затеять спор самолюбия.

Граф Эрберн указал на пакет:

— Я его не развяжу и не покажу тем, кто не хочет его видеть. Венгрия не должна была быть оскорблена и унижена в моем присутствии австрийцем и чехом.

Зальцбах нетерпеливо сказал:

— Вы похожи на людей, привыкших всегда подчиняться какому-нибудь авторитету: как рабы и дети, как только вас оставляют одних, вы поднимаете шум. Я не откажусь от Пшебыля; никто из вас не обладает такой работоспособностью, как он. Вы продавец с большими связями. Банк

Труда и Товаров нуждается в общественном уважении и в благоволении правительства. Вот эту часть работы я предполагал поручить вам: заведывание общественным мнением. Вам не труднее будет расточать похвалы нашему предприятую, чем давать исторические справки о часах Марии-Антуанеты или интерпретировать книгу Бытия с любовной точкой зрения. Но вы очень неудачно начали вашу роль.

Граф Эрберн сказал:

— Вот как вы хотите сделать мне добро, даже вопреки мне самому; я тоже сделаю вам добро вопреки вам, и покажу содержимое этого пакета.

Он развернул белый шелковый платок, скрывавший хрустальный бокал. Высокая ножка его, украшенная шлифованными драгоценными камнями на том месте, которого должны были касаться пальцы, длинным изгибом соединялась с бокалом такой прозрачности, что различить в нем можно было только грани и выгравированные узоры. Золотые украшения, казалось, свободно лежали на блестящей, как свет, массе хрусталя. Зальцбах с восхищением смотрел на этот светящийся цветок.

— Богемский хрусталь, — сказал граф Эрберн; — чаша, из которой Ян Гусс¹⁾ пил вино, когда служил мессу перед королем Венцеславом Бездельником.

«— Боссампьер²⁾ наверное не употреблял бы своего сапога в качестве стакана, если бы знал стекольные заводы в Богемии.

В комнату вошел человек, который помешал благородному графу назвать цену этого бокала. Вошедший наклонил свою

¹⁾ Ян Гусс — известный чешский религиозный реформатор, сожженный на костре, по постановлению Констанцкого собора, в 1445 году. (Прим. перев.)

²⁾ Французский маршал и писатель. Сидел в Бастилии. (Прим. перев.)

голову так низко, что видна была только непокрытая голова с длинными серыми грязными волосами и задний край грязного воротничка.

К Зальцбаху и Кутансу часто являлись разные люди, узнавшие о пребывании иностранцев, и в приемной видно было еще шесть человек, ожидавших очереди, в то время, как новопришедший прошел мимо них и вошел в комнату не постучавшись. Кутанс попросил осадить назад оставшихся в передней посетителей, возмущенных нарушением своих прав. Лакей назвал фамилию первого, стоявшего в очереди.

— Оппенгеймер.

— Это по поводу рейнского вина? — спросил Кутанс.

— Нет, торговец обувью. . .

— Мы сейчас примем этого босака.

Вошедший человек, подойдя так близко, что почти коснулся лбом колен Зальцбаха, медленно выпрямился, гордо поднял голову и стал поглаживать свою длинную бороду, так сильно оттягивая ее, как звонарь веревку колокола.

— Прекрасная модель для часов, — заметил Кутанс. — Человек с такой физиономией занимается любовью, вероятно, только в последний день карнавала.

Посетитель представился:

— Доктор Нейяр. . . Господа! Я с большой радостью прочитал в коммерческих газетах известие о вашем прибытии в Вену и счел своим долгом сообщить вам о наиболее практичном и верном способе обеспечения Австрии продовольствием и уничтожения голода. Я автор каталога зоологического музея в Вене, в котором собраны все известные до сих пор типы животных, начиная со вши и кончая самыми большими допотопными. У нас самый лучший во всем мире реставрированный скелет диплодока; двух диплодоков в день было бы достаточно, чтобы накормить мясом все население Вены; взрослое животное имеет 43 метра в длину, считая от начала морды до оконечности хвоста. Совершенно невозможно,

однако, организовать разведение этих животных, хотя у нас нет уверенности, что этот вид уже окончательно исчез. Нам сообщили, что у истоков Нила появилось животное, которое на своем пути раздавливает целые деревни; судя по отпечаткам его следов, это диплодок. За этим любопытным чудовищем уже отправилась английская экспедиция. Было бы очень жалко, если бы все происшествие оказалось мифом и позволило бы Уэллсу написать новый увлекательный роман, под названием «Зверь первозданного хаоса».

Зальцбах не слушал; он обладал редкой способностью не слышать ни шума, ни движения, когда бывал поглощен какой-нибудь мыслью.

— Было бы поэтому нелогично, — продолжал Нейяр, — надеяться снабдить Вену свежим мясом путем разведения допотопных животных. Но ее спасение и, вместе с тем, спасение всей Центральной Европы, может быть обеспечено разведением бесхвостых земноводных, которые отличаются большой плодовитостью.

« — Горячо желая человечеству добра и размышляя каждый день о способах претворения этого желания в жизнь, я дошел до головокружительных высот человеческой мысли. Ницше говорил: «на ледниках Разума». Я же произвел свои исчисления над поверхностью болот, влажных земель, водных бассейнов в Австрии, Венгрии, Чехо-Словакии, Юго-Славии, — от Дуная до Эльбы.

Он развернул карты с такой быстротой, которая доказывала его большую опытность в обращении с бумагой.

Граф Эрберн поспешно и заботливо укутывал гусситскую чашу в белый шелк, как будто опасаясь прикосновения грязного философа к богемской диковинке. Звук смеха, вырвавшегося из сжатых губ Кутанса, охваченного вдруг припадком безумной веселости, заставил обернуться профессора, который, опять захватив свою бороду, вторично представился:

— Доктор Нейяр.

— На этих площадях, — продолжал доктор, — живут лягушки в количестве двух штук на квадратный метр, что дает два миллиарда особей, количество, недостаточное для одних только нас, австрийцев, ибо для прокормления взрослого человека необходимо 10 лягушек в день. Но самка этой амфибии кладет больше 1000 яиц в год. Сохранить яйца двух поколений лягушек — значит спасти Центральную Европу. Вот в этом докладе я показываю, каким образом можно этого добиться.

« — В вопросе о питательности лягушек сходятся Педакий Диоскорид¹⁾ и Брилья-Саварен²⁾ — греческая медицина и французская кулинария. К ним присоединяется еще свидетельство греческой комедии в лице Аристофана. У Антонина Карема³⁾ и Урбана Дюбуа, вы найдете рецепты изготовления лягушек, жареных в виде оладий, под цыпленка с белым соусом, яйцами и петрушкой. Почему нам так симпатичны аисты? Потому что они питаются лягушками. Таким образом, и мы станем относиться с симпатией друг к другу и не будем больше воевать. Чего Христос не мог достигнуть крестом, я добьюсь лягушками. Ошибка Иисуса заключалась в том, что он все свои значительные поступки совершил на местах высоких и лишенных воды: нагорная проповедь, смерть на Голгофе. Я сделаю лучше, чем он, ибо я остаюсь в болоте. Я изучил лягушку с точки зрения зоологической, физиологической, психологической, моральной, с точки зрения ее отношения к роду человеческого и общего ее влияния

¹⁾ Педакий Диоскорид — греческий врач из Каликии, живший в I веке нашей эры, автор пятитомного труда по фармакологии и других сочинений по ботанике и медицине.

²⁾ Брилья-Саварен — французский писатель конца XVIII — начала XIX века, автор остроумно и литературно изложенного учебника гастрономии: «Физиология вкуса».

³⁾ Карем — полуиронический псевдоним известного в начале XIX в. Кумнара, ученика повара Наполеона. (Прим. перев.)

на цивилизацию. Господа, я надеюсь, что в воздаяние моих заслуг студенты Гарвардского университета почтят меня своим криком: «Брекекекокс, коакс, коакс».

Кутанс вспомнил, что он уже раз услышал такой звук; его таким образом поблагодарил за данную ему милостыню нищий, при выходе из отеля, в котором жил Олдридж.

Этот сумасшедший вызвал пред ним видения венской нищеты: лачуга XVI участка, детские скелетики в Kinder Klinik.

Доктор Нейяр, развязав пакет, вытащил оттуда деревянную лягушку величиной с курицу и отодвинул со стола поднос с остатками завтрака Зальцбаха, чтобы очистить место для своей лягушки. Протянув указательный палец к людям, он начал было снова длинную речь о лягушке, но палец его совершил круговое движение, обратившись своим концом к куску хлеба, лежавшему на блюдечке. Он широко раскрыл глаза и рот.

— Могу я это взять? — спросил он, касаясь хлеба ногтем. Несмотря на безумие, он еще был во власти привычек воспитания и взял хлеб только после разрешения, выпив также остатки шоколада на дне чашки.

— Счастливы рестораны, — сказал он, — среди нищеты Вены. Иностранцы могут там получать шоколад, хлеб и колбасу. Моя жена страдает опухолями лимфатических желез от недостатка фосфора в костях.

Несчастный, на котором остались кожа да кости, подобрал крошку и прибавил:

— И я тоже! Извините, что я это вам говорю. Кроме этого, я испытываю и умственный голод. Мы отрешены от мысли соседних народов, так же, как лишены продовольствия, ибо у нас нет средств на покупку ни книг, ни муки.

« — Наша наука превращается в невежество, как наша жизнь в смерть. Мы погибли и физически и духовно. Я был счастлив, когда нашел на Северном вокзале номер английской

газеты, выметенной из тех роскошных вагонов, в которых вы приезжаете в Вену.

«— Война больше заставляет страдать народ, который ее перенес, чем богатых, которые могли бы не допустить ее. Нет справедливости в том приговоре, который нас считает виновными. Больше всех всегда наказывается бедняк. У вас, французов, есть парадоксальная поговорка: «Бедность не порок».

«— Я, профессор Нейяр, утверждаю, что лучше быть богатым преступником, чем бедным и невинным. Император и эрцгерцоги едят досыта; венская же детвора умирает от голода.

«— Я исправлю эту несправедливость при помощи лягушек. В лягушках — справедливость. Было время, когда я, профессор, ел свинину, сколько хотел, а теперь 100 граммов ее стоят больше, чем раньше 10 килограммов.

«— Летний голод не так чувствителен, как зимний: нам удается иногда добыть немного овощей. Зимой же, скудно питаясь и плохо одетые, мы испытываем все невзгоды сурового климата, из чего я заключаю, что вся солнечная система представляет собой великую несправедливость. Свет этой системы бесцельно рассеивается в бесконечности. Мы меньше страдали бы, если бы в мироздании было больше равенства и все части земли обогревались бы одинаково. Предрасположение бога к мерзостям создало жаркие и холодные страны. Мягкость климата спасла бы нас от людской злобы, которая лишает нас хлеба и угля. Живя под благодатным солнцем, мы не нуждались бы так в одежде и легко находили бы себе пропитание, собирая сочные плоды, вроде бананов и фиг, вместо того, чтобы с трудом выращивать в снегу капусту».

Кутанс сдал его на руки лакею.

— Приготовьте завтрак для доктора Нейяра.

Худой, с грубым лицом, лакей сердито пошел впереди сумасшедшего, который лишил его остатков завтрака.

Вошел Олдридж.

— Я опоздал на десять минут.

— Гораздо меньше, чем Мессия, которого ждут вот уже 2000 лет.

— Я знаю этого сошедшего с ума от голода, он так худ, что одежда болтается на нем, как знамя на древке. Его гроб будет меньше, чем его до-военные одежды. Он пришел ко мне просить помочь ему в ловле мух для кормления лягушек и исхлопотать от французского правительства остатки старых солдатских красных штанов, чтобы организовать ловлю тех же лягушек. Тут есть несколько ученых, труды которых служат руководствами в европейских и американских университетах, между тем как авторы этих сочинений лишились рассудка.

— В Париже, — сказал Зальцбах, — делают великолепные дела. Если сегодня мне не удастся убедить всех вас сотрудничать со мной, в открываемом мною Банке Труда и Товаров, я его открою сам. Я потерял слишком много времени. Что предлагал этот продавец? Венский музей?

Олдридж сообщил ему, что Пьетро Баби, Пшебыль, Гейдрих и Фройденберг ожидают его в охотничьей зале.

— Они не дерутся? — спросил Зальцбах и вышел первый.

Он сейчас же был задержан толпой поджидавших его посетителей. Стоя спиной к стенам коридора, они загораживали дорогу своими протянутыми руками, в которых держали образцы.

— Галстуки бумажные и из искусственного шелка, настоящие парижские!

— Сундуки, чемоданы, саквояжи!

— Не возьмете ли вы железные цепи, вместе с целой партией котлов и электрических моторов?

Один русский протягивал свою визитную карточку, отпечатанную славянским шрифтом.

Зальцбах прошел мимо этих изголодавшихся людей.

Кутанс грубо сказал им:

— У вас только образцы и зазыванье. Вы предлагаете дела, о которых знаете только по наслышке. Это все воздух, ветер. Вы способны предложить мне медвежий жир, ордена для котильонов, машинку для чистки гороха. Никто из вас не продает ароматную бумагу?

Высокий, бледный молодой человек быстро вынул свою записную книжечку и карандаш и поднес к своему красному носу.

— Сколько вам надо?

Кутанс дружески хлопнул его по плечу, отчего у молодого человека подогнулись колена, а голова быстро наклонилась к книжечке.

— Вы тут самый замечательный. Вы уже предложили мне пароход, газетную бумагу, три тысячи спален и рабочую одежду: сутаны и штаны.

— Мосье,—сказал молодой человек,—я знаю все товары, какие только есть в Австрии, потому что я служу в канцелярии министерства финансов по выдаче разрешений на вывоз. Все фабриканты стремятся теперь экспортировать свои товары, чтобы иметь иностранную валюту. Я разрешу к вывозу только то, что вы купите.

— Наконец-то, вы сделали мне интересное предложение. Я весьма охотно покупаю податливость чиновников. Оставьте мне свой адрес.

— Отто Зингер, 2, Магдалиненштрассе. Надо жить.

— От этого требования трудно отказаться.

Зальцбах, войдя в охотничью залу; прежде всего спросил:

— Ну, что, вы кончили спорить?

Фройденберг ответил, вынимая из своего сафьянового портфеля с никелированным замочком большую связку бумаг:

— У меня есть материал, который всех нас помирит.

— Ессо, — сказал итальянец.

Кутанс отозвался:

— Слово за тобой.

А Олдридж:

— I see.

Боясь, что Пшебыль опять начнет горячиться, он начал излагать свою точку зрения на национальный вопрос.

— Месть за старые обиды мешает теперь развитию торговли в Ирландии, Эльзасе, Богемии, Юго-Славии. Нынешняя война придала национальной ненависти необычайную силу. Народы выискали все свои старые обиды, чтобы оправдать отпадение от союза, но торговля должна исправить это варварство политики.

Зальцбах встал:

— Мы, евреи, самая ненавидимая раса. Если бы мы стремились мстить за каждое преследование, нам пришлось бы ненавидеть весь мир и желать его уничтожения. Именно потому, что нас преследовали, мы стали связующим звеном между народами, которые нас гнали. Мы принесли всему человечеству благоденствия отверженных; изгоняемые народами, мы их знакомили друг с другом, вместе с кровью и гноем, сочащимся из наших ран, мы приносили с собой дух торговли; купцы и еретики, мы перешли через все границы, через наше посредство деньги и мысль обошли весь мир. Эта сила сейчас — спасение для народов, которые смогут труд поставить выше ненависти. Народ, не умеющий торговать, обречен на гибель. Народ же купцов нельзя уничтожить, ибо потребность в купле и продаже сильнее потребности в убийстве. Солдат утомляется раньше, чем купец. Если бы мы были воинственным племенем, нас бы давно уже не было. Дух торговли спас нас, вопреки проклятию всего человечества. Он более могуществен, чем дух справедливости. Для спокойствия народов лучше заботиться о богатстве, чем о праве. В поисках правды они будут проливать свою и чужую кровь, но они ее никогда не отыщут. Они думают жалостью исправить все зло, причиненное ненавистью. Сборы, органи-

зованные папой, и благотворительные вечера, не спасут этих народов, нищета которых заражает гнилью всю Европу. Спаситель мира — Труд, а не Иисус Христос. Подадим же пример людей, которые, собравшись вместе для организации дела, устраняют от себя все старые предрассудки, связанные с национальной ненавистью, и отказываются от веры в благодетельность жалости. Наша цель, это — триумф Банка Труда и Товаров, внутренняя логика которого выше логики Версальского мира. Мы, коммерсанты, будем действовать лучше, чем наши правительства. Олдридж будет снабжать нас американскими продуктами, что дает ему возможность сочетать его филантропические наклонности с материальными выгодами. Фройденберг займется текстильной индустрией, Гейдрих — одеждой, Пшебыль химическими продуктами и бумагой. Я хочу иметь с собой людей, твердо решившихся разбогатеть. Только так я понимаю героизм и святость.

Присутствующие единогласно одобрили эти слова, ибо, отдав дань шовинизму, они начали бояться, как бы не расстроилось дело, которое сулило им столько выгод. Они выразили свое одобрение спокойно и одинаковым образом, так как все принадлежали к одной расе, имеющей общее знамя с надписью: прибыль.

Бритые или с короткими усами, как у Кутанса и Пшебыля, лица присутствовавших, затянутых в узкие пиджаки английского фасона, сплошным кольцом окружали черную бороду Зальцбаха, широкий костюм которого свободно облегал его мощное тело.

Жадный и смешной, он распростирает над нищетой свое вождество и юмор.

Кутанс сказал графу Эрберну:

— Олдридж знает более смешные военные анекдоты, чем вы: он утверждает, что в раю героев Жанна Д'Арк сидит на коленях у Абд-эль-Кадера.

Олдридж вмешался:

— Вы недостойны узреть лицо божье.

— Это — гнусная морда, если она похожа на то, что он сотворил, но пресвятая Мария — очаровательная женщина. Она будет мне улыбаться: я всегда был очень обходителен с дамами.

— Давайте завтракать, — сказал Зальцбах. — Граф Эрберн, в вашем ведении будет общественное мнение и предметы искусства. Вы будете расхваливать наше предприятие не какими-нибудь хитрыми выдумками, но здоровыми коммерческими доводами. Низкая заработная плата может быть причиной экономического возрождения Австрии, она привлечет иностранные капиталы. Откуда взялось богатство Аргентины и Бразилии? От того, что человеческий труд там был дешев. Деньги плывут туда, где рабочих рук много и где они нетребовательны. У нас будут большие капиталы. Делом Фройденберга будет надлежащим образом утилизировать их соответствующими договорами о найме труда.

— Вот они, — сказал Фройденберг. — К нам присоединяется торговый дом Поллачек, у которого во Франции секвестровали большую прядильню и который передает нам свои австрийские предприятия, если ему будет обеспечено участие в прибылях его французской фабрики, что вам легко устроить. С нами будут Блум, Шварц и Фабиан, хлопок, лен и механические станки, Мейнль — кожа, Иоган Гофер — богемское стекло.

— Я, — сказал Пшебыль, — могу связать вас с фирмой Сыринк.

Фройденберг поклонился и ответил:

— Благодарим вас.

Зальцбах видел, как возрождается досада чеха на австрийца, который холодно отнесся к присоединению такой важной пражской фирмы.

— С нами еще, — продолжал Фройденберг, — Капелино и Тордо, Милан.

— Я потолкую с моей фирмой, — сказал Баби. Фройденберг передал ему бумаги.

— Это вам будет легче, если вы познакомитесь с корреспонденцией.

Зальцбах увидел, что письма помечены тем же днем, когда у него был первый разговор с Фройденбергом.

— Это здорово, — сказал он, — вы могли ведь в таком случае не заставлять меня так много говорить.

Он понял ненужность длинной речи, которую произнес: Фройденберг успел уже превратить ненависть своих оппонентов во взаимную зависть союзников. Он их вывел из себя, думал Зальцбах, чтобы освободиться навсегда от их раздражения, но в то же время, успех дела лежал у него в кармане.

Зальцбах встал:

— Мы все пришли к соглашению, и я надеюсь, что все довольны моим выбором, в директоры-распорядители, герра Иоганна Фройденберга, который сейчас доказал, что он великолепно понимает свои и наши интересы. Я прошу вас поднять свой бокал в знак одобрения моего выбора.

Все стоя протянули свои бокалы, окрашенные золотом токайского вина.

Пшебыль в виде насмешки или серьезно произнес:

— Пью за здоровье его высокоблагородия господина коммерции советника его королевско-императорского величества Иоганна Фройденберга.

— Good health to you¹⁾. Тшин, тшин! — сказал Олдридж, имитируя лондонских продавщиц в барах, которые таким образом подражают звону сталкивающихся бокалов.

Кутанс просто сказал:

— За твое здоровье.

Фройденберг с обязательной улыбкой обратился к Баби:

¹⁾ За ваше здоровье.

— Ваша фирма будет рада узнать, что я вошел в сношения с ними по вашему указанию.

Олдридж сказал:

— В любви и войне все средства хороши, так же и в делах.

Кутанс поздравил Фройденберга:

— Вы проснулись раньше нас.

Фройденберг ответил немецкой пословицей на английскую, произнесенную Олдриджем:

— Morgenstunde hat Gold im Munde¹⁾.

Зальцбах, прочтя договоры, передал их каждому по его специальности.

Спокойно и серьезно эти люди, жадные до денег, занялись подсчетами.

В залу вошел ребенок. До войны в отель Захера не пустили бы существа так бедно одетого, теперь же и сюда попадали эти брызги народной нищеты. Гостиницы не могли охранить себя от коммисионеров, посыльных, продавцов газет и других выходцев из народа, страдающего голодом.

Ребенок этот был бедно одет, но не оборван подобно нищим у Оперы, что позволяло ему служить в качестве разносчика писем по первоклассным отелям. Увидев обильно заставленный стол, на который он положил свое письмо, он открыл большие глаза и застыл как бы пораженный волшебным зрелищем. Столько съедобных вещей сразу было для него чем-то чудовищно-необычным, превосходящим его фантазию.

Никто из этих людей, занятых своими бумагами и небрежно отстранявших блюда на столе, чтобы освободить на нем немного места для работы, не обращал внимания на истощенного ребенка. Они были заняты исчислениями заработной платы, поставок, процентов, материалов и рабочей силы.

¹⁾ По смыслу тождественна с русской пословицей: «Кто рано встает, тому бог подает». (Прим. перев.)

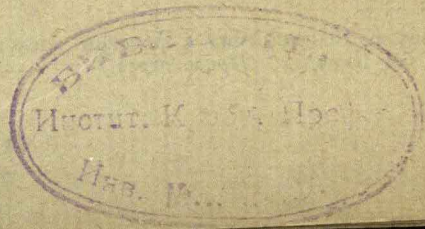
Подавленный этим громадным равнодушием, ребенок, пятась к двери, возвращался к той нищете, за счет которой должно было создаваться богатство. Выражение его глаз переменилось, он не смотрел больше с жадностью на пищу, но с ненавистью — на сидевших за столом. В полумертвом от голода ребенке начало пробуждаться желание убить этих сытых людей, не чувствующих его отчаяния. В его слабом тельце мускулы напрягались как бы для прыжка: к тарелкам, чтобы пожрать их содержимое, или к людям, чтобы их убить. Но он вышел, побежденный, возвращаясь к смерти.

Кутанс читал Гейдриху милое письмоцо Эльзы Сомодьи, спрашивавшей, когда она и ее подруги смогли бы прийти.

— Пошлем за ними автомобиль, — сказал Кутанс, — мы сегодня достаточно поработали.

Зальцбах, гордый тем, что показал роль торговли в спасении мира, не возражал, разделяя удовольствие, которое предвкушали эти «трудящиеся».

Им не хватало только жалости.

Цена 70 к.

04836

